

Александр
Беляев

ЗАМОК
ВЕДЬМ





А. Беляев

ЗАМОК ВЕДЬМ

**ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕРМСКАЯ КНИГА»
1992**

Тексты печатаются по изданиям:

Ни жизнь, ни смерть; Сезам, откройся!; Мистер Смех; Светопреставление // Беляев А. Собр. соч.: В 8 т. — М.: Мол. гвардия, 1964. — Т. 8.

Нетленный мир // Знание — сила. — 1930. — № 2.

ВЦБИД // Знание — сила. — 1930. — № 6.

Шторм // Революция и природа. — 1931. — № 3, 4—5.

Земля горит // Вокруг света (Л.). — 1931. — № 30—36.

Замок ведьм // Молодой колхозник. — 1939. — № 5—7.

Б $\frac{4702010201-6}{152(03)-92}$ 21-92

ISBN 5-7625-0275-9

© Оформление
В. В. Сушищев,
1992

НИ ЖИЗНЬ, НИ СМЕРТЬ



I. Мистер Карлсон предлагает свой план

— Что вы на это скажете? — спросил мистер Карлсон, окончив изложение своего проекта.

Крупный углепромышленник Гильберт ничего не ответил. Он находился в самом скверном расположении духа. Перед самым приходом Карлсона главный директор сообщил ему, что дела на угольных шахтах обстоят из рук вон плохо. Экспорт падает. Советская нефть все более вытесняет конкурентов на азиатском и даже на европейском рынках. Банки отказывают в кредите. Правительство находит невозможным дальнейшее субсидирование крупной угольной промышленности. Рабочие волнуются, дерзко предъявляют невыполнимые требования, угрожают затопить шахты. Надо найти какой-то выход.

И в этот самый момент, как будто в насмешку, судьба подсылает какого-то Карлсона с его сумасшедшим проектом.

Гильберт хмурил свои рыжие брови и мял длинными желтоватыми зубами ароматичную сигаретку. На его бритом озабоченном лице застыло выражение скуки. Он молчал.

Но Карлсон не из тех, кого обескураживает молчание. Неопределенной профессии и неизвестного происхождения, маленький суетливый человечек с ирландским акцентом, коротким носом, черными волосами, стоящими, как у ежа, Карлсон вонзил свои острые глазки в усталые, выцветшие глаза Гильберта и сверлил их своей настойчивой беспокойной мыслью.

— Что вы на это скажете? — повторил он свой вопрос.

— Черт знает что такое, какая-то мороженная человечина... — наконец апатично ответил Гильберт и с брезгливой миной положил сигаретку.

— Позвольте! Позвольте! — вскочил, как на пружине, Карлсон. — Вы, очевидно, недостаточно усвоили себе мою идею?..

— Признаюсь, не имею особого желания и усваивать. Это глупость или безумие.

— Не безумие, не глупость, а величайшее изобретение, которое в умелых руках принесет человеку миллионы! А если вы сомневаетесь, то позвольте вам напомнить историю этого изобретения.

И Карлсон затараторил, как будто он отвечал заученный урок:

— Анабиоз случайно открыт русским ученым

Бахметьевым. Изучая температуру насекомых, этот ученый заметил, что при постепенном охлаждении температура тела насекомого падает, затем, достигая температуры — $9,3^{\circ}$ Цельсия, сразу поднимается почти до нуля, а затем вновь опускается уже до температуры окружающей среды, примерно на 22 градуса ниже нуля. И тогда насекомое впадает в странное состояние — ни сна, ни смерти: все жизненные процессы приостанавливаются, и насекомое может пролежать, окоченелое и замороженное, неопределенно долгое время. Но достаточно осторожно и постепенно подогреть насекомое, и оно оживает и продолжает жить как ни в чем не бывало. От насекомых Бахметьев перешел к рыбам. Он замораживал, например, карася, который пролежал в окочении, или анабиозе, как назвал это состояние Бахметьев, несколько месяцев. Подогретый, он вернулся к жизни и плавал, как всегда. Смерть ученого прервала эти интересные опыты, и о них скоро забыли. И, как это часто бывает, русские изобретают, а плодами их изобретений пользуются другие. Вспомните Яблочкова, вспомните изобретателя радиотелеграфа Попова, вспомните, наконец, Циолковского... Так было и на этот раз. Изобретением Бахметьева воспользовался немец Штейнгауз для практических целей: перевозки и хранения живой рыбы. Как вам известно, он нажил миллионы!

Гильберт заинтересовался и слушал Карлсона уже с некоторым вниманием.

— Благодарю вас за лекцию, — сказал он. — Я сам получаю к столу свежую рыбу, пойманную в отдаленных морях. Но, признаться, я не интересовался способом ее замораживания. Тем или другим, не все ли равно? Только бы рыба была абсолютно свежей. И, вы говорите, Штейнгауз заработал на этом деле миллионы?

— Десятки, сотни миллионов! Он теперь один из самых богатых людей Германии!

Гильберт задумался.

— Но ведь это только рыбы, — сказал он после паузы, — а вы предлагаете совершенно невероятную вещь: замораживать людей! Возможно ли это?

— Возможно! Теперь возможно! Бахметьев замораживал животных, подвергающихся зимней спячке, так называемых холонокровных: сурка, ежа, летучую мышь. Что касается теплокровных животных, то их ему не удавалось подвергать анабиозу. Однако русский же ученый, профессор Вагнер, известный своей победой над сном, изобрел способ изменять состав крови теплокровных животных, приближая его к крови холонокровных животных. И ему удалось уже благополучно «заморозить» и оживить обезьяну.

— Но не человека?

— Какая разница?

Гильберт недовольно потрянул головой, а Карлсон улыбнулся.

— Я говорю лишь с точки зрения биологии и физиологии. У обезьян совершенно одинаковый с человеком состав крови. Абсолютно одинаковый. И вот вам необычайные, но вполне осуществимые перспективы: массовое замораживание людей, в данном случае э... э... безработных. Кому не известно, какое критическое положение переживает угольная промышленность, да одна ли угольная? Периодические кризисы и сопровождающая их безработица, к сожалению, постоянное бедствие нашего общественного строя. На этом играют всякие смутьяны, вроде коммунистов, предсказывающие гибель капитализма от раздирающих его внутренних противоречий. Пусть они не спешат хоронить капитализм! Капитализм найдет выход, и одним из выходов является предлагаемый мною способ! Разразится кризис — и мы заморозим безработных и сложим их в особых ледниках. А минует кризис, появится спрос на рабочие руки, мы подогреем их — и пожалуйте в шахту.

Карлсон вдохновился и говорил, как на трибуне.

— Ха-ха-ха! — не удержался Гильберт. — Да вы шутник, мистер?..

— ...Карлсон. И я говорю совершенно серьезно, — обиделся Карлсон.

Гильберта начинал занимать этот человек.

— Да, — продолжая смеяться, сказал углепромышленник, — бывают такие мерзкие времена, когда, кажется, и самого себя охотно заморозил бы до лучших дней! Но сколько будет стоить ваш сумасшедший проект? Надо строить специальные здания, поддерживать в них специальную температуру!

Карлсон поднял палец вверх, потом приставил его к своей колючей шевелюре.

— Здесь все обдуманно! Мой план проще! Вам, как владельцу шахт, должно быть известно, что теплота увеличивается приблизительно на один градус с каждым семьюдесятью футами в глубину земли. Вам также известно, что в Гренландии, за Полярным кругом, в ледниках Гумбольдта, найдены богатейшие залежи великолепнейшего каменного угля. Как только угольный рынок окрепнет, вы сможете начать там разработку. Вы получите ряд шахт различной глубины с различной температурой. И эта температура будет оставаться там неизменной во все времена года. Остается только ввести небольшие поправки, чтобы приспособить шахты для наших целей. Я не буду затруднять вас сейчас изложением подробностей, но могу представить, когда вы прикажете, вполне разработанный технический план и смету.

«Что за курьезный человек», — подумал Гильберт и задал Карлсону вопрос:

— Скажите, пожалуйста, да вы сами-то кто: инженер, ученый, профессор?

— Я прожектор! Ученые и профессора умеют высидеть в своих лабораториях прекрасные яйца, но они не всегда умеют разбить их и приготовить яичницу! Надо уметь из невещественных идей извлекать вещественные фунты стерлингов!

Гильберт улыбнулся и, подумав немного, протянул Карлсону коробку с сигаретами.

«Победа», — ликовал в душе Карлсон, зажигая сигарету электрической зажигалкой, стоящей на столе.

Но Гильберт еще не сдавался.

— Допустим, что все это возможно. Однако я предвижу целый ряд препятствий. Первое: получим ли мы разрешение правительства.

— А почему бы правительству и не дать этого разрешения, если мы докажем полную безопасность применения к людям анабиоза? Социальное же значение этой меры наше правительство прекрасно учтет.

— Да, это так, — ответил Гильберт, перебирая в уме членов консервативного правительства, большинство которых имело личные крупные интересы в угольной промышленности.

— Но самый главный вопрос: пойдут ли на

это рабочие? Согласятся ли они периодически «замирать» на время безработицы?

— Согласятся! Нужда заставит! — убежденно сказал Карлсон. — Люди с голоду вешаются, топят, а тут вроде отдыха! Конечно, умело подойти надо. Прежде всего нужно найти смельчаков, которые согласились бы подвергнуть себя анабиозу. Этим первым надо посулить крупные суммы вознаграждения. Когда они «воскреснут», ими надо воспользоваться как рекламой. Затем первое время надо будет обещать денежную поддержку семьям. Но, конечно, придется заткнуть глотку и кое-кому из рабочей аристократии, состоящей в лидерах так называемого рабочего движения. А дальше, вы увидите, что дальше все пойдет как по маслу. Безработные будут «замораживаться» целыми семьями. И страшное зло — безработица — будет уничтожено. У вас будут развязаны руки. Необычайные перспективы откроются для вас! Миллионы, десятки миллионов потекут в ваши сейфы и несгораемые шкафы! Решайтесь! Скажите «да», и я завтра же представлю вам все сметы, планы и расчеты.

Здравый практический смысл говорил Гильберту, что весь этот фантастический план был чистой авантюрой. Но Гильберт переживал такое финансовое положение, когда человек перед страхом неминуемого краха бросается в самые рискованные предприятия. А Карлсон рисовал

такие заманчивые перспективы! Крупный коммерсант и делец стыдился признаться самому себе в том, что он, как утопающий, готов ухватиться за эту химерическую соломинку «мороженой человечины».

— Ваш проект слишком необычен. Я подумаю и дам вам ответ!..

— Подумайте, подумайте! — охотно согласился Карлсон, поднимаясь с кресла. — Не смею вас задерживать, — и он вышел, довольно улыбаясь. — Клюет! — весело крикнул он, окунаясь в клокочущий котел уличного движения Сити.

II. Станный клиент

— Карлсон, вы разорили меня! — с кислой миной говорил Гильберт. — Я затратил громадные средства на оборудование подземных телохранищ. Я бросаю деньги на рекламу и наши объявления. И тем не менее за весь месяц газетной кампании не явилось ни одного лица, желающего подвергнуть себя первому публичному опыту замораживания, несмотря на предлагаемое нами хорошее вознаграждение. Очевидно, жизнь рабочих не так плоха, Карлсон, как кричат об этом социалисты! И в конце концов, если анабиоз такая безопасная

штука, почему бы вам, Карлсон, не подвергнуть себя первому опыту?

— Меня?

— Ну да, вас!

— Меня самого? — еще раз спросил Карлсон и взъерошил свои щетинистые волосы. — Я готов! Да, да! Я готов! Но что станет со всем делом? Оно уснет вместе со мной! Нет, усыпляя других, кому-нибудь надо бодрствовать! Я прожектор! Без таких, как я, весь мир погрузился бы в спячку анабиоза!

Их препирательства были прекращены стуком входной двери.

В контору вошел необычайно тощий человек с шарфом, намотанным вокруг длинной шеи. При свете сильной лампы большие круглые очки посетителя сверкали, как автомобильные фонари. Он откашлялся и протянул номер газеты.

— Я по объявлению. Здравствуйте! Позвольте представиться. Эдуард Лесли, астроном.

Карлсон шаром подкатился к посетителю.

— Очень рады с вами познакомиться! Прошу садиться! Вы желаете подвергнуть себя опыту? Условия наши вам известны? Мы уплатим вам значительную сумму и обеспечим семью пожизненной пенсией в случае... гм... Но, конечно, этого случая не произойдет!..

— Не надо! Кхе-кхе... Не надо вознаграждения. Мое имя, кажется, достаточно говорит

за то, что я не нуждаюсь в деньгах. — Лесли поморщился. — У меня другое... кхе-кхе, проклятый кашель...

— Из научных целей, так сказать?

— Да, научных, но только не тех, о которых вы, наверное, думаете. Я астроном, как сказал вам. Мною написан большой труд о группе Леонид, которые падали в ноябре из созвездия Льва...

Лесли опять закашлялся, ухватившись рукою за грудь. Откашлявшись, он оживился и вдруг с жаром заговорил:

— Группа эта наблюдалась Гумбольдтом в Южной Америке в 1799 году. Он прекрасно описал это чудесное небесное явление. Затем Леониды приближались к Земле в 1833 и 1866 году. Их ждали через обычный период времени в тридцать три — тридцать четыре года, в 1899 году. Но тут с ними случилось несчастье... Да-с, несчастье! Они слишком близко подошли к планете Юпитер, притяжение которой отклонило их от обычной орбиты, и теперь они проходят свой путь на расстоянии двух миллионов километров от Земли, так что они почти невидимы для нас...

Лесли сделал паузу, чтобы снова откашляться.

Карлсон, давно уже выражавший нетерпение, постарался воспользоваться этой паузой.

— Позвольте, уважаемый профессор, но ка-

кое отношение имеют падающие звезды Леониды, созвездие Льва и сам Юпитер к нашему предприятию?

Лесли дернул длинной шеей и с некоторым раздражением наставительно заметил:

— Имейте терпение дослушать, молодой человек! — И он, демонстративно повернувшись на стуле, обратился к Гильберту: — Я занят сложными вычислениями, о которых не буду говорить подробно. Эти вычисления связаны с судьбою группы Леонид. Точность моих вычислений оспаривает мой почтенный коллега Зауер...

Гильберт переглянулся с Карлсоном. Не с маньяком ли они имеют дело?

Взгляд этот поймал Лесли, и, с раздражением дернув шеей, он окончил речь, направив свои круглые очки в потолок, будто поверяя свои мысли небу:

— Я болен... последняя стадия туберкулеза.

— Но вы не по адресу обратились, уважаемый профессор! — сказал Карлсон.

— По адресу! Извольте-с дослушать. Я болен и скоро умру. А ближайшее появление Леонид в поле нашего зрения можно ожидать только в 1933 году. Я не доживу до этого времени. Между тем я могу доказать свою правоту научному миру только в результате дополнительных наблюдений. И вот я прошу вас подвергнуть меня анабиозу и вернуть к жизни в

1933 году, потом опять погрузить в анабиоз, пробуждая в 1965 году, затем в 1998 году и, наконец, в 2021 году. Ясно? — И Лесли уставил свои окуляры на собеседников.

— Совершенно ясно! — ответил Гильберт. — Но, уважаемый профессор, к тому времени ваш ученый противник может умереть, и вам некому будет доказывать вашу правоту!

— Мы, астрономы, живем в вечности! — с гордостью ответил Лесли.

— Это все очень занятно, — сказал Карлсон. — Я вижу, что анабиоз — очень хорошая вещь для астрономов. Вы, например, можете попросить разбудить вас, когда погаснет Солнце, чтобы проверить верность ваших вычислений. Но мы — не астрономы — интересуемся более близким будущим. Сейчас нам нужен лишь опыт в доказательство того, что анабиоз совершенно безвреден и безопасен для жизни. Поэтому мы ставим условием, чтобы пребывание в анабиозе не длилось более месяца. Второе условие: процессы погружения в анабиоз и возвращения к жизни должны происходить публично.

— На это я согласен. Но месяц меня совершенно не устраивает! — И огорченный Лесли стал завязывать шарф вокруг своей длинной шеи.

— Позвольте, — остановил его Гильберт. — Мы могли бы сделать так: мы «пробуждаем»

вас через месяц, а потом опять погружаем вас в анабиоз на какое угодно вам время!

— Отлично! — воскликнул обрадованный Лесли. — Я готов!

— Вы должны подписать ряд обязательств и заявлений о том, что вы по доброй воле подвергаете себя анабиозу и не имеете никаких претензий к нам в случае неблагоприятного исхода. Это только для формальности, но все же...

— Согласен, согласен на все! Вот вам моя рука! Сообщите, когда я вам буду нужен! — И обрадованный Лесли быстро вышел из конторы.

— Ну что? Ключуло? — повторил Карлсон свое любимое выражение, когда Лесли ушел, и хлопнул по плечу Гильберта.

Гильберт поморщился от этой фамильярности.

— Не совсем то, что нам нужно. Вот если бы пару рабочих, которые раззвонили бы потом в шахтах.

— Будут и рабочие! Терпение, мой молодой друг, как говорит этот астроном!

— Можно войти? — в дверь конторы просунулась лохматая голова.

— Пожалуйста, прошу вас!

В контору вошел молодой человек в желтом клетчатом костюме. Сделав театральный жест

широкополой шляпой, незнакомец отрекомендовался:

— Мерэ. Француз. Поэт.

И, не ожидая ответного приветствия, он нараспев начал:

*Устал от муки ожиданья,
Устал гоняться за мечтой,
Устал от счастья и страданья,
Устал я быть самим собой.
Уснуть и спать, не пробуждаясь,
Чтоб о себе самом забыть
И, в сон последний погружаясь,
Не знать, не чувствовать, не жить.*

— Замораживайте! Готов.

*Пушай горячею слезою
Мой труп холодный оживит!*

— Деньги даете сейчас или после пробуждения?

— После!

— Не согласен! Черт его знает, воскресите ли вы меня. Деньги на бочку. Кутну в последний раз, а там делайте что хотите!

Гильберта заинтересовал этот курьезный лохматый поэт.

— Я могу дать вам авансом пять фунтов стерлингов. Это устроит вас?

У поэта глаза сверкнули голодным блеском. Пять фунтов! Пять хороших английских фун-

тов! Человеку, который питался сонетами и триолетами!

— Конечно! Продам душу черту и готов кровью подписать договор!

Когда поэт ушел, Карлсон набросился на Гильберта:

— Вы упрекаете меня в том, что я разоряю вас, а сами бросаете деньги на ветер. Зачем вы дали аванс? Не видите, что это за птица? Держу пари на пять фунтов, что он не вернется!

— Принимаю! Посмотрим! Однако сегодня счастливый день! Смотрите, еще кто-то!

В контору входил изящно одетый молодой человек.

— Позвольте представиться: Лесли!

— Еще один Лесли! Неужели все Лесли питают склонность к анабиозу? — воскликнул Карлсон.

Лесли улыбнулся.

— Я не ошибся. Значит, дядюшка уже был. Я Артур Лесли. Мой дядя, Эдуард Лесли, профессор астрономии, сообщил мне прискорбную весть о том, что хочет подвергнуть себя опыту анабиоза...

— А я полагал, что вы сами не прочь испытать на себе этот интересный опыт! Подумайте, ведь вы станете одним из самых модных людей в Лондоне! — закидывал удочку Карлсон.

Но на этот раз рыба не клевала.

— Я не нуждаюсь в столь экстразагантных способах популярности, — со скромной гордостью проговорил молодой человек.

— В таком случае, вы опасаетесь за дядюшку? Совершенно напрасно! Его жизнь не подвергается ни малейшей опасности!

— Неужели? — с большим интересом осведомился Артур Лесли.

— Можете быть спокойны!

— Никакой опасности! — тихо проговорил Лесли, и Карлсону послышалось, что еще тише Лесли добавил: «Очень жаль». — А нельзя ли отговорить дядю от этого опыта? Ведь он туберкулезный, и при слабости его здоровья едва ли он годен для опыта. Вы рискуете и только можете скомпрометировать ваше дело.

— Мы настолько уверены в успехе, что не видим никакого риска.

— Послушайте! Я заплачу вам. Хорошо заплачу, если вы откажетесь от дядюшки как объекта вашего опыта!

— Мы не идем на подкуп, — вмешался в разговор Гильберт. — Но если вы скажете причину, то, может быть, мы и пойдем вам навстречу.

— Причину?.. Э-э... она столь щекотливого свойства...

— Мы умеем молчать!

— Как это ни неприятно, но я должен быть откровенным... Видите ли, мой дядюшка богат,

страшно богат. А я... я его единственный наследник. Дядюшка безнадежно болен. Врачи говорят, что его дни сочтены. Быть может, несколько месяцев отделяют меня от богатства. Это как нельзя более кстати: я имею невесту. И в этот самый момент ему попадаетесь ваше объявление, и он решается подвергнуть себя анабиозу и уснуть чуть ли не на сто лет, пробуждаясь от времени до времени только для того, чтобы посмотреть на какие-то падающие звезды! Войдите в мое положение. Ведь не может же суд утвердить меня в правах наследства, пока дядюшка будет в анабиозе!

— Конечно, нет!

— Вот видите! Но тогда прощай, наследство! Его получают мои прапрапраправнуки!

— Мы можем «заморозить» и вас вместе с вашим дядюшкой. И вы будете лежать мумией до получения наследства.

— Благодарю вас! Этак рискнешь пролежать до скончания мира. Итак, вы отказываетесь иметь дело с дядюшкой?

— Было бы странно с нашей стороны отказываться после того, как мы сами опубликовали объявление о вызове охотника.

— Ваше последнее слово?

— Последнее слово!

— Тем хуже для вас! — И, хлопнув дверью, Артур Лесли вышел из конторы.

III. Неутешный племянник

Первый опыт анабиоза человека решено было произвести в самом Лондоне, в специально нанятом помещении, публично. Широкая реклама привлекла в огромный белый зал многочисленных зрителей. Несмотря на то что зал был переполнен, в нем искусственно поддерживали температуру ниже нуля. Для того чтобы не производить неприятного впечатления на публику, операцию вливания в кровь человека особого состава для придания ей свойства крови холонокровных животных решили производить в особой комнате, куда могли иметь доступ только родные и друзья лиц, подвергавшихся опыту.

Эдуард Лесли явился по своему обыкновению с астрономической точностью, минута в минуту, ровно в двенадцать часов дня. Карлсон испугался, увидав его, — до того астроном осунулся. Лихорадочный румянец покрывал его щеки. При каждом вздохе кадык судорожно двигался на тонкой шее, а на платке, который профессор подносил ко рту во время приступов кашля, Карлсон заметил капли крови.

«Плохое начало», — думал Карлсон, ведя астронома под руку в отдельную комнату.

Вслед за Эдуардом Лесли шел племянник с лицом убитого горем родственника, провожающего на кладбище любимого дядюшку.

Толпа жадно разглядывала астронома. Щелкали фотографические аппараты репортеров газет.

За Лесли закрылась дверь кабинета. И публика в нетерпеливом ожидании стала осматривать «эшафоты», как назвал кто-то стоявшие высоко посреди зала приспособления для анабиоза.

Эти «эшафоты» напоминали громадные аквариумы с двойными стеклянными стенами. Это были два стеклянных ящика, вложенных один в другой. Меньший по размерам ящик служил для помещения человека, а между стенками обоих ящиков находилось приспособление для понижения температуры.

Один «эшафот» предназначался для Лесли, другой — для Мерэ, который с поэтической неточностью опоздал.

Пока врачи приготовлялись в кабинете к операции и выслушивали у Лесли пульс и сердце, Карлсон несколько раз в нетерпении вбегал в зал справиться, не пришел ли Мерэ.

— Вот видите! — крикнул Карлсон, в третий раз вбегая в кабинет и обращаясь к Гильберту. — Я был прав. Мерэ не явился.

Гильберт пожал плечами.

Но в этот самый момент дверь кабинета с шумом раскрылась, и на пороге появился поэт. Его лицо и одежда носили явные следы дурно проведенной ночи. Блуждающие глаза, глупая

улыбка и нетвердая походка говорили за то, что ночной угар еще далеко не испарился из его головы.

Карлсон с гневом набросился на Мерэ:

— Послушайте, ведь это безобразие! Вы пьяны!

Мерэ ухмыльнулся, покачиваясь во все стороны.

— У нас во Франции, — ответил он, — есть обычай: исполнять последнюю волю обреченного на смерть и угощать его перед казнью блюдами и винами, какие только он пожелает. И многие, идя на смерть, насмерть и напиваются. Меня вы хотите «заморозить». Это ни жизнь, ни смерть. Поэтому я и пил с середины на половину: ни пьян, ни трезв.

Разговор этот был прерван неожиданным криком хирурга:

— Подождите! Дайте свежий раствор! Влейте его в новую стерилизованную кружку!

Карлсон оглянулся. Полураздетый Эдуард Лесли сидел на белом стуле, тяжело дыша впадой грудью. Хирург зажимал пинцетом уже вскрытую вену.

— Вы видите, — нервничал хирург, обращаясь к помогавшей ему сестре милосердия, которая высоко держала стеклянную кружку с химическим раствором, — жидкость помутнела! Дайте другой раствор! Жидкость должна быть абсолютно чиста!

Сестре быстро принесли бутылъ с раствором и новую кружку. Вливание было произведено.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, — ответил астроном, — терпимо.

Вслед за Лесли операции вливания подвергся Мерэ.

В легкой одежде, сделанной из материи, свободно пропускающей тепло, их ввели в зал.

Взволнованная толпа затихла. По приставленной лестнице Лесли и Мерэ взошли на «эшафоты» и легли в свои стеклянные гробы.

И здесь, уже лежа на белой простыне, Мерэ вдруг продекламировал охрипшим голосом эпитафию Сципиону римского поэта Энния.

*Тот погребен здесь, кому
ни граждане, ни чужеземцы
Были не в силах воздать
чести, достойной его.*

И вслед за этим неожиданно он захрапел усталым сном охмелевшего человека.

Эдуард Лесли лежал как мертвец. Черты лица его заострились. Он часто дышал короткими вздохами.

Хирург, следя за термометром, начал охлаждать воздух между стеклянными стенами.

По мере понижения температуры стал утихать храп Мерэ. Дыхание Лесли было едва заметно. Мерэ раз или два шевельнул рукой

и затих. У Лесли глаза оставались полуоткрытыми. Наконец дыхание прекратилось у обоих, а у Лесли глаза затуманились. В этот же момент стеклянные крышки были надвинуты на «гробы». Доступ воздуха был прекращен.

— Двадцать один градус по Цельсию. Анабиоз наступил! — послышался голос хирурга среди полной тишины.

Публика медленно выходила из зала.

Гильберт, Карлсон и хирург прошли в кабинет. Хирург сейчас же засел за какой-то химический анализ. Гильберт хмурился.

— В конце концов, все это производит удручающее впечатление. Я был прав, настаивая на том, чтобы дать публике только зрелище пробуждения. Эти похороны отобьют у всякого охоту подвергать себя анабиозу. Хорошо еще, что этот шалопай Мерэ внес комическую ноту в этот погребальный хор.

— Вы правы и не правы, Гильберт, — ответил Карлсон. — Картина получилась невеселая, это верно. Но толпа должна видеть все от начала до конца, иначе она не поверит! У наших «покойничков» установлено контрольное дежурство. Они открыты для обозрения во всякое время дня и ночи. И если мы проиграли на похоронах, то вдвое выиграем на воскресении! Меня занимает другое: операция вливания довольно неприятна и сложна. Для массового замораживания людей она негодна. Но мне

писали, что профессор Вагнер нашел более упрощенный способ нужного изменения крови путем вдыхания особых паров.

— Черт возьми! Я подозревал это! — вдруг воскликнул хирург, поднимая пробирку с какой-то жидкостью.

— В чем дело, доктор?

— А дело в том, что весь наш опыт и сама жизнь профессора Лесли висели на волоске. Как вы помните, при вливании химического раствора я обратил внимание на то, что жидкость стала мутной. Этого не должно было быть ни в коем случае. Я самолично составлял жидкость в условиях абсолютной стерильности. Теперь я хотел установить причины помутнения жидкости.

— И что же вы нашли? — спросил Гильберт.

— Присутствие синильной кислоты.

— Яд!

— Один из самых сильных. Убивает мгновенно, и от него нет спасения.

— Но как он туда попал?

— В этом весь вопрос!

— Это Артур Лесли. Неутешный племянник астронома. Вы помните, Гильберт, его просьбу и потом угрозу? Какой негодяй! А ведь, смотрите, какое душевное прискорбие разыграл?

— Когда он мог это сделать? Кажется, он не подходил близко к аппаратам...

— Да, — задумчиво проговорил хирург, — воз-

можно, что тут замешаны другие. Быть может, сестра милосердия?..

— Нужно дать знать полиции! Ведь это преступление! — воскликнул возмущенный Гильберт.

— Ни в коем случае! — возразил Карлсон. — Это только повредит нам, особенно среди рабочих, на которых мы в конечном итоге рассчитываем. И в конце концов, что может сделать полиция? Кого мы можем обвинять? Артура Лесли — заинтересованное лицо? Но у нас нет никаких доказательств, что он замешан в преступлении.

— Может быть, вы правы, — задумчиво проговорил Гильберт. — Но, во всяком случае, нам надо быть очень осторожными.

IV. Воскрешение мертвых

Прошел месяц. Приближался день «воскрешения мертвых». Публика волновалась. Шли споры, удастся ли вернуть к жизни погруженных в анабиоз.

В ночь накануне оживления хирург в присутствии Гильберта и Карлсона осмотрел Лесли и Мерэ. Они лежали, как трупы, холодные, бездыханные. Хирург постучал своим докторским молоточком по замерзшим губам поэта, и удары четко разнеслись по пустому залу, как

будто молоточек ударил по куску дерева. Ресницы покрылись изморозью от вышедшего из тела тепла.

При осмотре тела астронома наметанный глаз хирурга заметил на обнаженной руке небольшой бугорок под кожей. На вершине бугорка виднелось едва заметное пятнышко, как будто от укола, а ниже — замерзшая капля какой-то жидкости.

Хирург неодобрительно покачал головой. Скоблив ланцетом замерзшую каплю, хирург осторожно отнес этот кусочек льда в кабинет и там подверг его химическому анализу. Карлсон и Гильберт внимательно следили за работой хирурга.

— Ну что?

— То же самое! Опять синильная кислота! Несмотря на все наши предосторожности, Артуру Лесли, по-видимому, удалось каким-то путем впрыснуть под кожу своего обожаемого дядюшки несколько капель смертоносного яда!

Гильберт и Карлсон были удручены.

— Все погибло! — в отчаянии проговорил Гильберт. — Эдуард Лесли не проснется больше. Наше дело безнадежно скомпрометировано!

Карлсон бесновался:

— Под суд его, негодяя! Теперь и я вижу, что этого преступника надо передать в руки правосудия, хотя бы скандал и повредил нам!

Хирург, подперев голову рукою, о чем-то думал.

— Подождите, может быть, еще ничего не потеряно! — наконец заговорил он. — Не забывайте, что яд был впрыснут под кожу совершенно замороженного тела, в котором приостановлены все жизненные процессы. Всасывания не могло быть. При отсутствии кровообращения яд не мог разнестись и по крови. Если ядовитая жидкость была нагрета, то она могла в небольшом количестве проникнуть под кожу, которая под влиянием тепла стала более эластичной. Но дальше жидкость не могла проникнуть. По капле, выступившей в месте укола, вы можете судить, что преступнику не удалось ввести значительного количества.

— Но ведь и одной капли достаточно, чтобы отравить человека?

— Совершенно верно. Однако эту каплю мы можем преспокойно удалить, вырезав ее с кусочком мяса.

— Неужели вы думаете, что человек может остаться живым после того, как яд находился в его теле, быть может, две-три недели?

— А почему бы и нет? Нужно только вырезать поглубже, чтобы ни одной капли не осталось в теле! Разогревать тело, хотя бы частично, рискованно. Придется произвести оригинальную «холодную» операцию.

И, взяв молоток и инструмент, напоминаю-

щий долото, хирург отправился к трупу и стал срубить бугорок, работая, как скульптор над мраморной статуей. Кожа и мышцы мелкими морожеными осколками падали на дно ящика. Скоро в руке образовалось небольшое углубление.

— Ну, кажется, довольно!

Осколки тщательно смели. Углубление смазали йодом, который тотчас замерз.

За окном начиналось уличное движение. У дома стояла уже очередь ожидающих. Двери открыли, и зал наполнился публикой.

Ровно в двенадцать дней сняли стеклянные крышки ящиков, и хирург начал медленно повышать температуру, глядя на термометр.

— Восемнадцать... десять... пять ниже нуля. Нуль!.. Один... два... пять... выше нуля!..

Пауза.

Иней на ресницах Мерэ стоял и, как слезинки, наполнил углы глаз.

Первый шевельнулся Мерэ. Напряжение в зале достигло высшей степени. И среди наступившей тишины Мерэ вдруг громко чихнул. Это разрядило напряжение толпы, и она загудела, как улей. Мерэ поднялся, уселся в своем стеклянном ящике, зевнул и посмотрел на толпу осовелыми глазами.

— С добрым утром! — кто-то шутливо приветствовал его из толпы.

— Благодарю вас! Но мне смертельно хочется спать! — И он клюнул головой.

В публике послышался смех.

— За месяц не выспался!

— Да ведь он пьян! — слышались голоса.

— В момент погружения в анабиоз, — громко пояснил хирург, — мистер Мерэ находился в состоянии опьянения. В таком состоянии застиг его анабиоз, прекративший все процессы организма. Теперь, при возвращении к жизни, естественно, Мерэ оказался еще под влиянием хмеля. И так как он, очевидно, не спал в ночь перед анабиозом, то он чувствует потребность сна. Анабиоз не сон, а нечто среднее между сном и жизнью.

— Кровь! Кровь! — послышался чей-то испуганный женский голос.

Хирург посмотрел вокруг. Взгляды толпы были устремлены на тело Лесли. На рукаве его халата выступало кровавое пятно.

— Успокойтесь! — воскликнул хирург. — Здесь нет ничего страшного. Во время анабиоза профессору Лесли пришлось сделать небольшую операцию, не имеющую отношения к его замораживанию. Как только кровь отогрелась и возобновилось кровообращение, из раны выступила кровь. Вот и все. Мы сейчас сделаем перевязку. — И, разорвав рукав халата Лесли, хирург быстро забинтовал его руку. Во время перевязки Лесли пришел в себя.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, хорошо. Кажется, мне легче дышать.

Действительно, Лесли дышал ровно, без судорожных движений груди.

— Вы видели, — обратился хирург к толпе, — что опыт анабиоза удался. Теперь подвергшиеся анабиозу будут освидетельствованы врачами-специалистами.

Толпа шумно расходилась, а Мерэ и Лесли прошли в кабинет.

V. Выгодное предприятие

При тщательном медицинском освидетельствовании Эдуарда Лесли выяснились неожиданные последствия анабиоза. Оказалось, что под влиянием низкой температуры все туберкулезные палочки, находящиеся в больных легких Лесли, были убиты, и Эдуард Лесли, таким образом, совершенно излечился от туберкулеза.

Правда, еще при опытах Бахметьева такая возможность теоретически предполагалась. Но теперь это был неопровержимый факт, блестяще разрешивший вопрос о борьбе с туберкулезом, этим страшным врагом человечества.

Карлсон не ошибся. Эдуард Лесли и Мерэ стали самыми модными людьми в Лондоне, да и во всем мире. Их интервьюировали, снимали,

приглашали для публичных выступлений. Астроном, хотя и чувствовал себя теперь совершенно здоровым, тяготился этим непривычным шумом. Он настоял на том, чтобы его вновь подвергли анабиозу до 1933 года.

— Мне надо консервировать себя для науки, — говорил он.

И его желание было исполнено. Его перевезли в Гренландию. И он первым спустился в глубокие шахты «Консерваториума», как было названо это подземное хранилище для массового замораживания людей.

Зато Мерэ прямо купался в волнах популярности. Он не удовлетворялся публичными выступлениями. Он написал стихотворную поэму «На том берегу Стикса». Он писал о том, как его душа, освободившись от оков окоченевшего тела, понеслась вихрем в голубом эфире мирового пространства. Она плавала на светящихся кольцах Сатурна. Посещала планеты отдаленных звезд, «где растут лиловые люди-цветы, поющие вечную песнь счастья». Она витала в пространствах четвертого измерения, где предметы измеряются в ширину, длину, глубину.

«На земле нет подходящего выражения», — писал Мерэ и путано объяснил условия существования в мире четвертого измерения, «где нет времени», где нет понятий «вне» и «внутри», где все предметы пронизывают друг друга, не смешивая своих форм. Он писал о необычайных

встречах на Млечном Пути, уводящем за пределы известного нам звездного неба.

Его поэма, разумеется, не выдерживала ни малейшей научной критики: в состоянии анабиоза он не мог даже видеть сны своим замороженным мозгом. Но публика, падкая до сенсаций, склонная к мистицизму, увлекалась этими фантастическими картинами. Нашлись любители сильных ощущений, пожелавшие испытать на себе ощущение «полета в беспредельных пространствах», погружаясь в анабиоз. Они, конечно, ничего не чувствовали, как замороженная туша, но, «пробуждаясь», поддерживали ложь Мерэ.

Сверх всякого ожидания анабиоз принес Гильберту громадные барыши. Помимо любителей острых ощущений, к Гильберту стекались со всего света больные туберкулезом. Гренландский «санаторий» работал прекрасно. Больные получали полное излечение. А скоро прибавились еще новые клиенты. Английское правительство признало более «гуманным» и, главное, дешевым подвергать «неисправимых» преступников анабиозу вместо пожизненного заключения и смертной казни.

Наконец анабиоз был применен для перевозки скота. Вместо невкусного, замороженного обычным способом мяса, получаемого из Австралии, в Англию стали доставлять животных

в состоянии анабиоза. Их не надо было кормить в дороге, а по привозе на место их отогревали, оживляли, и англичане получали к столу самое свежее и дешевое мясо.

Карлсон потирал руки. На его долю падала немалая часть огромных доходов, которые приносил анабиоз.

— Ну что? — говорил он самодовольно Гильберту. — Теперь вы понимаете, что значит прожектер? Ваши деньги и мои проекты принесли вам миллионы. Без меня вы давно разорились бы с вашими угольными шахтами!

— Угольные шахты и сейчас дают мне убыток, — отвечал Гильберт. — Сбыта нет, рабочие неговорчивы, правительство отказывает в субсидиях. Да, Карлсон, жизнь — сложная штука! Вы хороший прожектер, но жизнь проводит свои проекты вопреки нашему желанию. Мы предполагали замораживать безработных вместе с их семьями, а вместо этого превратили наши холодильники в санатории и тюрьмы!

— Терпение! Придут и рабочие! Теперь у вас имеются свободные капиталы. Обещайте хорошее содержание семьям рабочих в том случае, если глава их семьи захочет подвергнуть себя анабиозу. Поверьте, они пойдут на эту удочку! А когда они попривыкнут к анабиозу, можно будет сбавить цену. В конце концов, они сами будут просить, чтобы их заморозили вместе с

семьями, только бы не голодать! Они придут! Нужда загонит! Поверьте мне, они придут!

И они пришли...

VI. Во льдах Гренландии

Холодный осенний ветер валил с ног. Молодой шахтер-забойщик, работавший в кардиффских шахтах, понутив голову, медленно подходил к небольшому коттеджу, видневшемуся сквозь обнаженные ветви сада.

Бенджэмин Джонсон постоял у двери, глубоко вздохнул, прежде чем открыть ее, и, наконец, несмело вошел в дом.

Его жена, Фредерика Джонсон, мыла у большого камина посуду. Двухлетний сын Самуэль уже спал.

Фредерика вопросительно посмотрела на мужа.

Джонсон, не раздеваясь, опустился на стул и тихо проговорил:

— Не достал...

Тарелка выскользнула из рук Фредерики и со звоном упала в лохань. Она со страхом оглянулась на ребенка, но тот не проснулся.

— Забастовочный комитет не имеет больше средств... В лавке не отпускают в кредит...

Фредерика перестала мыть посуду, отерла

руку о фартук и молча села к столу, глядя в угол, чтобы скрыть от мужа свое волнение.

Джонсон медленно вынул из кармана легкого не по сезону пальто измятый номер газеты и положил на стол перед женой.

— На вот, читай.

И Фредерика, смахивая слезу, которая застилала ей глаза, прочитала крупное объявление:

«Пять фунтов в неделю получают семьи рабочих, согласившихся проспать до весны...»
Дальше шло объяснение, что такое анабиоз. Фредерика уже слыхала о нем. Агенты Гильберта давно вели пропаганду анабиоза среди рабочих.

— Ты не сделаешь этого! — твердо сказала она. — Мы не скоты, чтобы нас замораживали!

— Городские джентльмены не брезгают анабиозом!

— С жиру бесятся твои джентльмены! Они нам не указ!

— Послушай, Фредерика, но ведь в конце концов в этом нет ничего ни страшного, ни постыдного. Опасности для меня никакой. Я не штрейкбрехерствую, ничьих интересов не затрагиваю.

— А мои, а твои собственные интересы? Ведь это же почти смерть, хоть и на время! Мы должны бороться за право на жизнь, а не отлеживаться замороженными тушами до тех

пор, пока господа хозяева не соблаговолят воскресить нас!

Она разгорячилась и говорила слишком громко.

Маленький Самуэль проснулся, заплакал и стал просить есть. Фредерика взяла его на руки, стала укачивать. Джонсон с тоской смотрел на русую головку сына. Он так побледнел за последнее время! Побледнела и Фредерика...

Ребенок уснул, и Фредерика опустилась у стола, закрыв лицо руками. Она не могла больше сдерживать слез.

Бенджэмин гладил своей грубой рукой ее пушистые волосы, такие же светлые, как у сына, и ласково, как ребенка, уговаривал:

— Ведь я за вас болею душой! Пойми же! Завтра Самуэль будет иметь большую кружку дымящегося молока и белый хлеб, а у тебя на столе будет хороший кусок говядины, картофель, масло, кофе... Разлучаться трудно, но ведь это только до весны! Зацветут яблони в нашем саду, и я опять буду с вами. Я встречу вас, веселых, здоровых, цветущих, как наши яблони!..

Фредерика еще раз всхлипнула и умолкла.

— Спать пора, Бен...

Больше они ни о чем не говорили.

Но Бенджэмин знал, что она согласна. А на другой день, простившись с женой и ребенком,

он уже летел на пассажирском аэроплане в Гренландию.

Серо-зеленая пелена Атлантического океана сменилась полярными картинами севера. Ледяная пустыня с разбросанными по ней кое-где горными вершинами... Временами аэроплан пролетал низко над землей, и тогда видны были хозяева этих пустынных мест — белые медведи. При виде аэроплана они в ужасе поднимались на дыбы, протягивая вверх лапы, как бы прося пощады, потом бросались убежать с неожиданной скоростью.

Джонсон невольно улыбался им, завидовал суровой, но вольной их жизни.

Вдали показались постройки и аэродром.

— Прилетели!

Дальнейшие события шли необычайно быстро.

Джонсона пригласили в контору «Консерваториума», где записали его фамилию, адрес и снабдили номером, который был прикреплен к руке в виде браслета.

Затем он спустился в подземные помещения.

Подземная машина летела вниз с головокружительной быстротой, пересекая ряд горизонтальных шахт. Температура постепенно повышалась. В верхних шахтах она была значительно ниже нуля, тогда как внизу поднималась до 10 градусов.

Машина неожиданно остановилась.

Джонсон вошел в ярко освещенную комнату,

посреди которой находилась площадка с четырьмя металлическими канатами, уходящими в широкое отверстие в потолке. На площадке находилась низкая кровать, застланная белой простыней. Джонсона переодели в легкий халат и предложили лечь в кровать. На лицо надели маску, заставляя его дышать какими-то парами.

— Можно! — услышал он голос врача.

И в ту же минуту площадка с его кроватью стала подниматься вверх. Скоро он почувствовал все усиливавшийся холод. Наконец холод стал невыносимым. Он пытался крикнуть, сойти с площадки, но все члены его тела как бы окаменели... Сознание его стало мутиться. И вдруг он почувствовал, как приятная теплота разливается по его телу. Но это был обман чувств, который испытывают все замерзающие: в последнем усилии организм поднимает температуру тела перед тем, как отдать все тепло холодному пространству. В это короткое время мысли Джонсона заработали с необычайной быстротой и ясностью. Вернее, это были не мысли, а яркие образы. Он видел свой сад в золотых лучах солнца, яблони, покрытые пушистыми белыми цветами, желтую дорожку, по которой бежит к нему навстречу его маленький Самуэль, а вслед за ним идет улыбающаяся, юная, краснощекая, белокурая Фредерика...

Потом все стало меркнуть, и он окончательно потерял сознание.

Через какое-нибудь мгновение оно вернулось к нему, и он открыл глаза.

Перед ним, наклонившись, сидел молодой человек.

— Как вы себя чувствуете, Джонсон? — спросил он, улыбаясь.

— Благодарю вас, небольшая слабость в теле, а в общем не плохо, — ответил Джонсон, оглядываясь вокруг. Он лежал в белой, ярко освещенной комнате.

— Подкрепитесь стаканом вина и бульоном, а потом в дорогу!

— Позвольте, доктор, а как же с анабиозом? Он не удался, или в шахтах срочно потребовались рабочие?

Молодой человек улыбнулся.

— Я не доктор. Будем знакомы. Моя фамилия Крукс, — и он протянул Джонсону руку. — Анабиоз удался, но мы об этом еще успеем поговорить. Нас ждет аэроплан!

Джонсон, удивляясь, что с анабиозом так скоро все покончено, быстро оделся и поднялся с Круксом на поверхность.

«А Фредерика-то проплакала небось всю ночь», — думал он, улыбаясь скорой встрече.

У входа в подземелье стоял большой пассажирский аэроплан. Кругом расстилалась вечная ледяная пустыня. Была ночь. Северное сияние полосовало небо снопами лучей нежной меняющейся окраски.

Джонсон, уже в теплой шубе, с удовольствием вдыхал чистый морозный воздух.

— Я доставлю вас до дому! — сказал Крукс, помогая Джонсону подняться по лестнице в кабину.

Аэроплан быстро взвился в воздух.

Джонсон увидел ту же пересеченную местность, те же оледенелые кратеры, появляющиеся от времени до времени на пути, как степные курганы, и тех же медведей, которым он так недавно позавидовал. Вот и древние седые волны Атлантического океана. Еще немного времени, и на горизонте в сизом тумане показались берега Англии.

Кардифф... шахты... уютные коттеджи... Вот виднеется и его беленький коттедж, утопающий в густой зелени сада. У Джонсона сильно забилося сердце. Сейчас он увидит Фредерику, возьмет на руки маленького Самуэля и начнет подбрасывать вверх.

«Еще, еще!» — будет лепетать малыш по своему обыкновению.

Аэроплан сделал крутой вираж и спустился на лужайке у домика Джонсона.

VII. Возвращение

Джонсон в нетерпении вышел из кабины. Воздух был теплый. Сбросив шубу, Джонсон побежал к дому. Крукс едва поспевал за ним.

Был прекрасный осенний вечер. Заходившее солнце ярко освещало крупные яблоки на яблонях сада.

— Однако, — с удивлением произнес Джонсон, — неужели я проспал до осени?

Он подбежал к ограде сада и увидел сына и жену. Маленький Самуэль сидел среди осенних цветов и со смехом бросал яблоки матери. Лица Фредерики не было видно за ветками яблони.

— Самуэль! Фредерика! — радостно закричал Джонсон и, перепрыгнув через низкую ограду, побежал через клумбы навстречу жене и сыну.

Но малыш, вместо того чтобы броситься навстречу отцу, заплакал, увидя приближавшегося Джонсона, и в испуге бросился к матери.

Джонсон остановился и вдруг увидал свою ошибку: это были не Самуэль и Фредерика, хотя мальчик очень походил на его сына. Молодая мать вышла из-за дерева. Она была одних лет с Фредерикой, такая же светлая и румяная. Но волосы были темнее. Конечно, это не Фредерика! И как только он мог ошибиться! Вероятно, это одна из соседок или подруг Фредерики.

Джонсон медленно подошел и поклонился. Молодая женщина выжидательно смотрела на него.

— Простите, я, кажется, испугал вашего сына, — сказал он, приглядываясь к ребенку и

удивляясь сходству с Самуэлем. — Фредерика дома?

— Какая Фредерика? — спросила женщина.

— Фредерика Джонсон, моя жена!

— Не ошиблись ли вы адресом? — ответила женщина. — Здесь нет Фредерики...

— Хорошенькое дело! Чтобы я ошибся в адресе собственного дома!

— Вашего дома?..

— А чьего же? — Джонсона начала раздражать эта бестолковая женщина.

На пороге домика показался молодой человек лет тридцати трех, привлеченный, очевидно, шумом голосов.

— В чем дело, Элен? — спросил он, не сходя со ступеньки крыльца и попыхивая коротенькой трубкой.

— Дело в том, — ответил Джонсон на вопрос, обращенный не к нему, — что за время моего отсутствия здесь, очевидно, произошли какие-то изменения... В моем доме поселились другие...

— В вашем доме? — насмешливо спросил молодой человек, стоявший на крыльце.

— Да, в моем доме! — ответил Джонсон, махнув рукой на свой коттедж.

— С кем же я имею честь говорить? — спросил молодой человек.

— Я Бенджэмин Джонсон!

— Бенджэмин Джонсон? — переспросил мо-

лодой человек и расхохотался. — Слышишь, Элен? — обратился он к женщине. — Еще один Бенджэмин Джонсон и владелец этого коттеджа!

— Позвольте вас уверить, — вдруг вмешался в разговор подошедший Крукс, — что перед вами действительно Бенджэмин Джонсон, — и он указал на Джонсона рукой.

— Это становится занятно. И свидетеля с собой притащил! Позвольте и вам сказать, что ваша шутка неудачна. Тридцать три года я был Бенджэмин Джонсон, родившийся в этом самом доме и его собственник, а теперь вы хотите меня убедить, что собственник дома, Бенджэмин Джонсон, вот этот молодой человек!

— Я не только хочу, но и надеюсь убедить вас в этом, если вы разрешите зайти в дом и разъяснить вам некоторые обстоятельства, очевидно, неизвестные вам.

Крукс говорил так убедительно, что молодой человек, подумав немного, пригласил его и Джонсона в дом.

С волнением вошел Джонсон в свой дом, который оставил так недавно. Он еще надеялся встретить на обычном месте, у камина, Фредерику и сына, играющего у ее ног на полу. Но их там не было...

С жадным любопытством окинул Джонсон комнату, в которой провел столько радостных и горьких минут.

Вся мебель была незнакомой, чуждой ему.

Только над камином висели еще расписные тарелки елизаветинских времен — фамильная драгоценность Джонсонов.

А у камина в глубоком кресле сидел седой, дряхлый старик с завернутыми в плед ногами, несмотря на теплый день. Старик окинул вошедших недружелюбным взглядом.

— Отец, — обратился молодой человек к старику, — вот эти люди утверждают, что один из них Бенджэмин Джонсон и собственник дома. Не желаешь ли заполнить еще одного сына?

— Бенджэмин Джонсон, — прошамкал старик, разглядывая Крукса, — так звали моего отца... но он давно погиб в Гренландии, в этом проклятом леднике, где морозили людей!..

— Позвольте мне рассказать, как было дело, — ответил Крукс. — Прежде всего Джонсон не я, а вот он. Я Крукс. Ученый, историк.

И, обращаясь к старику, он начал свой рассказ:

— Вам было, если не ошибаюсь, около двух лет, когда ваш отец, Бенджэмин Джонсон, попался на удочку углепромышленника Гильберта и решил подвергнуть себя «замораживанию», чтобы спасти вас и вашу мать от голодной смерти во время безработицы. Примеру Джонсона скоро последовали и многие другие исстрадавшиеся и отчаявшиеся семейные рабо-

чие. Пустовавший «Консерваториум» на северо-западном берегу Гренландии быстро заполнился телами замороженных рабочих. Но Карлсон и Гильберт ошиблись в своих расчетах. Замораживание рабочих не разрешило кризиса, который переживал английский капитализм. Даже наоборот: это только обострило разгоревшиеся страсти классовой борьбы. Наиболее стойкие рабочие были возмущены «замороженной человечинной», как называли они применение анабиоза к «консервированию» безработных, и использовали замораживание как агитационное средство. Вспыхнула революция. Отряд вооруженных рабочих, захватив аэропланы, направился в Гренландию с целью оживить своих братьев, спавших мертвым сном, и поставить их в ряды борющихся. Тогда Карлсон и Гильберт, желая предупредить события, дали по радио приказ своим прислужникам в Гренландии взорвать «Консерваториум», надеясь объяснить это преступление несчастным случаем. Радиотелеграмма была перехвачена, и Карлсон и Гильберт понесли заслуженное наказание. Однако радиоволны летят быстрее всякого аэроплана. И когда летчики спустились у цели своего полета, они застали только зияющие пропасти, обломки построек и куски мороженого человеческого мяса... Удалось раскопать несколько нетронутых катастрофой тел, но и эти погибли от слишком быстрого повышения тем-

пературы, а может быть, и от удушья. Работы затруднялись тем, что планы подземных телохранилищ исчезли. Оставалось только поставить памятник над этим печальным местом. Прошло семьдесят три года...

Джонсон невольно вскрикнул.

— И вот не так давно, изучая историю нашей революции по архивным материалам, в архиве одного из бывших министерств я нашел заявление Гильберта с просьбой о разрешении ему построить «Консерваториум» для консервирования безработных. Гильберт подробно и красноречиво писал о том, какую пользу можно извлечь из этого средства в «деле изжития периодических кризисов и связанных с ними рабочих волнений». Рукою министра на этом заявлении была наложена резолюция: «Конечно, лучше, если они будут мирно почивать, чем бунтовать. Разрешить...» Но самым интересным было то, что к заявлению Гильберта был приложен план шахт. И в этом плане мое внимание привлекла одна шахта, шедшая далеко в сторону от общей сети. Не знаю, какими соображениями руководствовались строители шахт, прокладывая эту галерею. Меня заинтересовало другое: в этой шахте могли остаться тела, не поврежденные катастрофой. Я тотчас сообщил об этом нашему правительству. Была снаряжена специальная экспедиция. Приступили к раскопкам. После нескольких недель неудачных поисков

нам удалось открыть вход в эту шахту. Она была почти не тронута, и мы направились в глубь ее. Жуткое зрелище представилось нашим глазам. Вдоль длинного коридора в стенах были устроены ниши в три ряда, а в них лежали тела. Ближе к входу, очевидно, проник горячий воздух, при взрыве он сразу убил лежавших в анабиозе людей. Ближе к середине шахт температура, видимо, повышалась более медленно, и несколько рабочих ожили, но они, вероятно, погибли от удушья, голода или холода. Их искаженные лица и судорожно сведенные члены говорили о предсмертных страданиях. Наконец в самой глубине шахты, за закрытым поворотом, стояла ровная холодная температура. Здесь мы нашли только три тела, остальные ниши были пустые. Со всеми предосторожностями мы постарались оживить их. И это нам удалось. Первым из них был известный астроном Эдуард Лесли, гибель которого оплакивал весь ученый мир, вторым — поэт Мерэ и третьим — Бенджамин Джонсон, только что доставленный мною сюда на аэроплане... Если моих слов недостаточно, в подтверждение их я могу привести неоспоримые доказательства. Я кончил!

Все сидели молча, пораженные рассказом. Наконец Джонсон тяжело вздохнул и сказал:

— Значит, я проспал семьдесят три года?

Отчего же вы не сказали мне об этом сразу? — обратился он с упреком к Круксу.

— Дорогой мой, я опасался подвергать вас слишком сильному потрясению после вашего пробуждения.

— Семьдесят три года!.. — в раздумье проговорил Джонсон. — Какой же у нас теперь год?

— Август месяц, тысяча девятьсот девяносто восьмой год.

— Тогда мне было двадцать пять лет. Значит, теперь мне девяносто восемь...

— Но биологически вам осталось двадцать пять, — ответил Крукс, — так как все ваши жизненные процессы были приостановлены, пока вы лежали в состоянии анабиоза.

— Но Фредерика, Фредерика!.. — с тоской вскричал Джонсон.

— Увы, ее давно нет! — сказал Крукс.

— Моя мать умерла уже тридцать лет тому назад, — проскрипел старик.

— Вот так штука! — воскликнул молодой человек. И, обращаясь к Джонсону, он сказал: — Выходит, что вы мой дедушка! Вы моложе меня, у вас семидесятипятилетний сын!..

Джонсону показалось, что он бредит. Он провел ладонью по своему лбу.

— Да... сын! Самуэль! Мой маленький Самуэль — вот этот старик! Фредерики нет... Вы — мой внук, — обратился он к своему тез-

ке Бенджэмину, — а та женщина и ребенок?..

— Моя жена и сын...

— Ваш сын... Значит, мой правнук! Он в том же возрасте, в каком я оставил моего маленького Самуэля!

Мысль Джонсона отказывалась воспринимать, что этот дряхлый старик и есть его сын... Старик-сын также не мог признать в молодом, цветущем, двадцатипятилетнем юноше своего отца...

И они сидели смущенные, в неловком молчании глядя друг на друга...

VIII. Агасфер

Прошло почти два месяца после того, как Джонсон вернулся к жизни.

В холодный ветреный сентябрьский день он играл в саду со своим правнуком Георгом.

Игра эта состояла в том, что мальчик усаживался в маленькую летательную машину — авиетку с автоматическим управлением. Джонсон настраивал аппарат управления, пускал мотор, и мальчик, громко крича от восторга, летал вокруг сада на высоте трех метров от земли. После нескольких кругов аппарат плавно опускался на заранее определенное место.

Джонсон долго не мог привыкнуть к этой новой детской забаве, неизвестной в его жизни.

Он боялся, что с механизмом может что-либо случиться и ребенок упадет и расшибется. Однако летательный аппарат действовал безукоризненно.

«Посадить ребенка на велосипед тоже казалось нам когда-то опасным», — думал Джонсон, следя за летающим правнуком.

Вдруг резкий порыв ветра отбросил авиетку в сторону. Механическое управление тотчас же восстановило нарушенное равновесие, но ветер отнес аппарат в сторону. Авиетка, изменив направление полета, налетела на яблоню и застряла в ветвях дерева.

Ребенок в испуге закричал. Джонсон, в не меньшем испуге, бросился на помощь внуку. Он быстро вскарабкался на яблоню и стал снимать маленького Георга.

— Сколько раз я говорил вам, чтобы вы не устраивали ваших полетов в саду! — вдруг услышал Джонсон голос своего сына Самуэля.

Старик стоял на крыльце и в гневе потрясал кулаком.

— Есть, кажется, площадка для полетов — нет, непременно надо в саду! Неслухи! Беда с этими мальчишками! Вот поломаете мне яблони, уж я вас!..

Джонсона возмутил этот стариковский эгоизм. Старик Самуэль очень любил печеные яблоки и больше беспокоился за целостность яблонь, чем за жизнь внука.

— Ну, ты, не забывайся! — воскликнул Джонсон, обращаясь к старику-сыну. — Этот сад был впервые разведен мною, когда еще тебя не было на свете! И покрикивай на кого-нибудь другого. Не забывай, что я твой отец!

— Что ж, что отец? — ворчливо ответил старик. — По милости судьбы, у меня отец оказался мальчишкой! Ты мне почти что во внуки годен! Старших слушаться надо! — наставительно закончил он.

— Родителей слушаться надо! — не унимался Джонсон, спуская правнука на землю. — И, кроме того, я и старше тебя. Мне девяносто восемь лет!

Маленький Георг побежал в дом к матери. Старик постоял еще немного, шевеля губами, потом сердито махнул рукой и тоже ушел.

Джонсон отвез авиетку в большую садовую беседку, заменявшую ангар, и там устало опустился на скамейку среди лопат и граблей.

Он чувствовал себя одиноким.

Со стариком-сыном у него совершенно не сложились отношения. Двадцатипятилетний отец и семидесятипятилетний сын — это ни с чем не сообразное соотношение лет положило преграду между ними. Как ни напрягал Джонсон свое воображение, оно отказывалось связать воедино два образа: маленького двухлетнего Самуэля и этого дряхлого старика.

Ближе всех он сошелся с правнуком — Георгом. Юность вечна. Дух нового времени не наложил еще на Георга своего отпечатка. Ребенок в возрасте Георга радуется и солнечному лучу, и ласковой улыбке, и красному яблоку так же, как радовались дети его возраста тысячи лет назад. Притом и лицом он напоминал его сына — Самуэля-ребенка... Мать Георга, Элен, также несколько напоминала Джонсону Фредерику, и он не раз останавливал на ней взгляд тоскующей нежности. Но в глазах Элен, устремленных на него, он видел только жалость, смешанную с любопытством и страхом, как будто он был выходцем из могилы.

А ее муж, внук Джонсона, носивший его имя, Бенджэмин Джонсон, был далек ему, как и все люди этого нового, чуждого ему поколения.

Джонсон впервые почувствовал власть времени, власть века. Как жителю долин трудно дышать разреженным горным воздухом, так Джонсону, жившему в первую четверть двадцатого века, трудно было применяться к условиям жизни конца этого века.

Внешне все изменилось не так уж сильно, как можно было предполагать.

Правда, Лондон разросся на многие мили в ширину и поднялся вверх тысячами небоскребов.

Воздушные сообщения сделались почти исключительным способом передвижения.

А в городах движущиеся экипажи были заменены подвижными дорогами. В городах стало тише и чище. Перестали дымить трубы фабрик и заводов. Техника создала новые способы добывания энергии.

Но в общественной жизни и в быте произошло много перемен с его времени.

Рабочих не стало на ступенях общественной лестницы, как низшей группы, группы, отличной от выше стоящих и по костюму, и по образованию, и по привычкам.

Машины почти освободили рабочих от наиболее тяжелого и грязного физического труда.

Здоровые, просто, но хорошо одетые, веселые, независимые рабочие были единственным классом, державшим в руках все нити общественной жизни. Все они получали образование. Джонсон, учившийся на медные деньги почти сто лет тому назад, чувствовал себя неловко в их среде, несмотря на всю их приветливость.

Все свободное время они проводили больше на воздухе, летая на своих легких авиетках, чем на земле. У них были совершенно иные интересы, запросы, развлечения.

Даже их короткий, сжатый язык, со многими новыми словами, выражавшими новые понятия, был во многом непонятен Джонсону.

Они говорили о новых для Джонсона обществах, учреждениях, новых видах имущества и спорта...

На каждом шагу, при каждой фразе он должен был спрашивать:

— А что это такое?

Ему нужно было нагнать то, что протекало без него в продолжение семидесяти трех лет, и он чувствовал, что не в силах сделать это. Трудность заключалась не только в обширности новых знаний, но и в том, что ум его не был так воспитан, чтобы воспринять и усвоить все накопленное человечеством за три четверти века. Он мог быть только сторонним, чуждым наблюдателем и предметом наблюдения для других. Это также стесняло его. Он чувствовал постоянно направленные на него взгляды скрытого любопытства. Он был чем-то вроде ожившей мумии, археологической находкой занятого предмета старины. Между ним и обществом лежала непреодолимая грань времени.

«Агасфер!.. — подумал он, вспомнив легенду, прочитанную им в юности. — Агасфер, вечный странник, наказанный бессмертием, чуждый всему и всем... К счастью, я не наказан бессмертием! Я могу умереть... и хочу умереть! Во всем мире нет человека моего времени, за исключением, может быть, нескольких забытых смертью стариков... Но и они не поймут меня,

потому что они все время жили, а в моей жизни провал! Нет никого!..»

Вдруг у него в уме шевельнулась неожиданная мысль:

«А те двое, которые ожили вместе со мной там, в Гренландии?..»

Он в волнении поднялся. Его неудержимо потянуло к этим неизвестным людям, которые вдруг стали ему так дороги. Они жили в одно время с Фредерикой и маленьким Самуэлем... Какие-то нити протянуты между ними... Но как найти их? Крукс!.. Он должен знать!

Крукс не оставлял Джонсона, пользуясь им как «живым историческим источником» для своей работы по истории революции.

И Джонсон поспешил к Круксу и изложил ему свою просьбу, ожидая ответа с таким волнением, как будто ему предстояло свидание с женой и маленьким сыном.

Крукс что-то соображал.

— Сейчас конец сентября... А ноябрь тысяча девятьсот девяносто восьмого года... Ну да, конечно, Эдуард Лесли должен быть уже в Пулковской обсерватории, сидеть за телескопом в поисках своих исчезающих Леонид. В Пулковской обсерватории лучший рефрактор в мире. Лесли, конечно, там. Там же вы найдете и поэта Мерэ... Он писал мне недавно, что едет к профессору Лесли. — И, улыбнувшись,

Крукс добавил: — Очевидно, все вы, «старички», чувствуете тяготение друг к другу.

Джонсон наскоро простился и отправился в путь с первым отлетавшим на Ленинград пассажирским дирижаблем.

Он сам не представлял себе, каково будет предстоящее свидание, но чувствовал, что это все, что еще может интересовать его в жизни.

IX. Под звездным небом

Дрожащей рукой Джонсон открыл двери зала Пулковской обсерватории. Огромный круглый зал тонул во мраке.

Когда глаза несколько привыкли к темноте, Джонсон увидел стоявший среди зала гигантский телескоп, напоминавший дальнобойную пушку, направившую свое жерло в одно из отверстий в куполе. Труба была укреплена на массивной подставке, вдоль которой шла лестница в пятьдесят ступеней. Лестницы вели и к площадке для наблюдения на высоте трех метров. С этой площадки, сверху, слышался чей-то голос.

— ...Отклонение от формы растянутого эллипса и приближение к форме параболы происходит в зависимости от особенного действия масс отдельных планет, которому кометы и

астероиды подвергаются при своем движении по направлению к Солнцу. Наибольшее влияние в этом отношении как раз оказывает Юпитер, сила притяжения которого составляет почти тысячную долю притяжения Солнца...

Когда Джонсон услышал этот голос, четко раздавшийся в пустоте зала, когда он услышал эти непонятные слова, на него напала робость. Зачем он пришел сюда? Что скажет профессору Лесли? Разве эти параболы и эллипсы не так же непонятны ему, как и новые слова новых людей? Но отступить было поздно, и он кашлянул.

— Кто там?

— Можно видеть профессора Лесли?

Чьи-то шаги быстро простучали по железным ступеням лестницы.

— Я профессор Лесли. Чем могу служить?

— А я Бенджэмин Джонсон, который... который лежал с вами в Гренландии, погруженный в анабиоз... Мне хотелось поговорить с вами...

И Джонсон путано стал объяснять цель своего прихода. Он говорил о своем одиночестве, о своей потерянности в этом новом, непонятном для него мире, даже о том, что он хотел умереть...

Наверно, эти, новые, не поняли бы его. Но профессор Лесли понял тем легче, что многие переживания Джонсона испытал он сам.

— Не печальтесь, Джонсон, не вы один страдаете от этого разрыва времени. Нечто подобное испытал и я, так же как и мой друг Мерэ, позвольте его представить вам.

Джонсон пожал руку спустившемуся Мерэ, по старой привычке, давно оставленной «новыми» людьми, которые восстановили красивый и гигиенический обычай древних римлян поднимать в знак приветствия руку.

— Вы тоже из рабочих? — спросил Джонсон Мерэ, хотя тот очень мало походил на рабочего.

— Нет. Я поэт.

— Зачем же вы замораживали себя?

— Из любопытства... А пожалуй, и из нужды...

— И вы пролежали столько же времени, как и я?

— Нет, несколько меньше. Я пролежал сперва всего два месяца, был «воскрешен», а потом опять решил погрузиться в анабиоз. Я хотел... как можно дольше сохранить молодость! — и Мерэ засмеялся.

Несмотря на разницу в развитии и в прежнем положении, этих трех людей сближала общая странная судьба и эпоха, в которую они жили. К удивлению Джонсона, беседа приняла оживленный характер. Каждый многое мог рассказать другим.

— Да, друг мой, — обратился Лесли к Джон-

сону, — не один вы испытываете оторванность от этого нового мира. Я сам ошибся во многих расчетах! Я решил подвергнуть себя анабиозу, чтобы иметь возможность наблюдать небесные явления, которые происходят через несколько десятков лет. Я хотел разрешить труднейшую для того времени научную задачу. И что же? Теперь все эти задачи давно разрешены. Наука сделала колоссальные открытия, раскрыла за это время такие тайны неба, о которых мы не смели и мечтать! Я отстал... Я бесконечно отстал, — с грустью добавил он после паузы и вздохнул. — Но все же я, мне кажется, счастливее вас! Там, — и он указал на купол, — время исчисляется миллионами лет. Что значат для звезд наши столетия?.. Вы никогда, Джонсон, не наблюдали звездного неба в телескоп?

— Не до этого было, — махнул рукой Джонсон.

— Посмотрите на нашего вечного спутника Луну! — и Лесли провел Джонсона к телескопу.

Джонсон посмотрел в телескоп и невольно вскрикнул от удивления.

Лесли засмеялся и сказал с удовольствием знатока:

— Да, таких инструментов не знало наше время!..

Джонсон видел Луну, как будто она была от него на расстоянии нескольких километров. Ог-

ромные кратеры поднимали свои вершины, черные зияющие трещины бороздили пустыни...

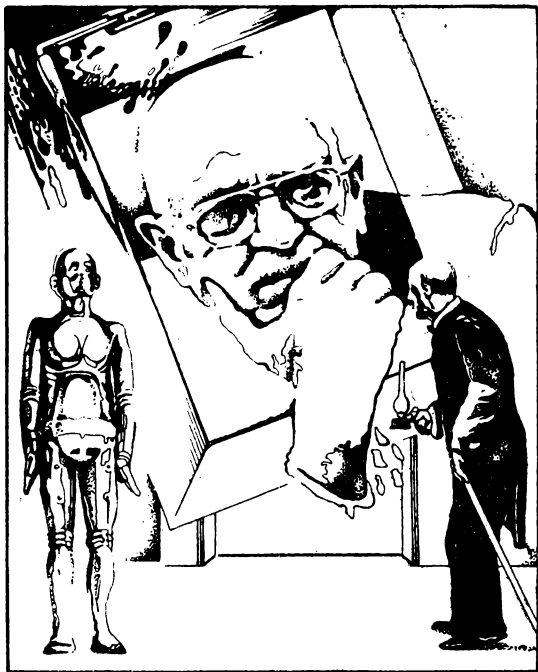
Яркий до боли свет и глубокие тени придавали картине необычайно рельефный вид. Казалось, можно протянуть руку и взять один из лунных камней.

— Вы видите, Джонсон, Луну такую, какою она была и тысячи лет тому назад. На ней ничего не изменилось... Для вечности семьдесят пять лет — меньше, чем одно мгновение. Будем же жить для вечности, если судьба оторвала нас от настоящего! Будем погружаться в анабиоз, в этот сон без сновидений, чтобы, пробуждаясь раз в столетие, наблюдать, что творится на Земле и на небе. Через двести триста лет мы, быть может, будем наблюдать на планетах жизнь животных, растений и людей... Через тысячи лет мы проникнем в тайны самых отдаленных времен. И мы увидим новых людей, менее похожих на теперешних, чем обезьяны на людей... Быть может, Джонсон, будущие обитатели нашей планеты низведут нас на степень низших существ, будут гнушаться родством с нами и даже отрицать это родство? Пусть так... Мы не обидчивы. Но зато мы будем видеть такие вещи, о которых и не смеют мечтать люди, отживающие положенный им жизнью срок... Разве ради этого не стоит жить, Джонсон? По нашей просьбе меня и

Мерэ снова подвергнут анабиозу. Хотите присоединиться к нам?

— Опять? — с ужасом воскликнул Джонсон. Но после долгого молчания он глухо произнес, опустив голову: — Все равно...

СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!!!



1. Больное место Эдуарда Гане

— Вы начинаете стареть, Иоганн, — ворчливо сказал Эдуард Гане, отодвигая кресло.

Лакей с трудом опустил на колени, подавляя вздох, и начал подбирать упавшие с подноса кофейник, серебряный молочник и чашку.

— Зацепился за угол ковра, — смущенно проговорил он, медленно поднимаясь.

Эдуард Гане, выпятив толстую синюю губу, неодобрительно смотрел на пятно от разлитого кофе и с упрямством старика сказал еще раз:

— Вы начинаете стареть, Иоганн! Сегодня утром, одевая меня, вы никак не могли попасть отверстием рукава в мою руку. Вчера вы разлили воду для бритья...

На каменном бритом лице Иоганна промелькнула тень печали. То, что говорил Гане, было правдой: Иоганн начинал стареть и даже дряхлеть. Но это была горькая правда. Семьдесят шесть лет — не шутка, и из них пятьдесят пять

было отдано служению Эдуарду Гане, который только на шесть лет был моложе слуги. Пора на покой. Иоганн имеет кое-какие сбережения. На его век хватит. Но что он будет делать, оставив службу? Его старое тело, как машина, справляется с привычной работой обслуживания другого человека. На себя же — Иоганн знал это — у него не хватит сил. И он привык, сжил-ся с этим старым брюзгой Эдуардом Гане. Иоганн поступил к нему еще в Ганновере, откуда они приехали в Новый Свет искать счастья пятьдесят лет назад. Эдуарду Гане повезло. Он нажил большой капитал и десять лет назад после легкого удара продал свои текстильные фабрики, выстроил в окрестностях Филадельфии загородную виллу в стиле немецкого замка и удалился на покой. Полсотни лет не сделали из Гане американца. Он остался немцем в своих вкусах, привычках, во всем. Дома с Иоганном он говорил только по-немецки. Настоящее имя Иоганна было Роберт, но Гане признавал для слуги только одну «кличку» — Иоганн, и в конце концов старый лакей сам забыл свое первое имя...

Как многие старые холостяки, Эдуард Гане был не чужд странностей. В домашнем быту он не признавал новшеств. В его замке время, казалось, остановилось. Гане не выносил электрического света, который, по его мнению, портит зрение. Во всех комнатах горели керосино-

вые лампы, а в кабинете на письменном столе стояли свечи под зеленым абажуром. О радио старый Гане не мог слышать. «Довольно того, что через меня проходят радиоволны, — говорил он. — От них у меня усиливаются подагрические боли. Непременно надо будет сделать на крыше и стенах дома радиоотводы. Я не желаю, чтобы через меня проходили звуки какой-нибудь пошлой шансонетки». Гане не переносил также езды на автомобиле. В его конюшне стояла пара выездных лошадей, и в редкие посещения города он появлялся в старомодной карете, возбуждая удивление прохожих. Но эти выезды он совершал не более двух раз в год. Зато каждое утро с немецкой пунктуальностью Гане прогуливался по саду, опираясь на руку Иоганна.

И когда они шли так по усыпанной песком дорожке, рука об руку, с черными тростями в руках, незнакомый человек затруднился бы сказать, кто из них хозяин и кто слуга. За долгую совместную жизнь Иоганн как бы сделался двойником Гане, усвоив все его жесты и манеру держаться. Иоганн казался важнее, так как он был старше и брился, как истый американец, а у Гане были небольшие бачки. И только внимательный взгляд мог по костюму отличить хозяина: у Гане сукно было значительно дороже.

Иоганн очень любил эти прогулки. Неужели им должен прийти конец? Нет, этого не может быть. Никто лучше Иоганна не знает привычек Эдуарда Гане, никто не вынесет его старческого брюзжания.

Эта мысль несколько успокоила Иоганна, и он с едва заметной улыбкой на высохших губах, но внешне покорно сказал:

— В таком случае, господин Гане, вам придется поискать мне заместителя. Молодой человек, конечно, справится лучше меня...

— Что-о? Молодой человек? Вы решили сегодня известить меня, Иоганн! Принесите мне кофе...

Иоганн бодрящейся походкой вышел, подрагивая в коленях ногами. За дверью лицо его утратило каменное выражение. Он улыбнулся во весь рот, обнаружив искусственные зубы безукоризненной белизны. Иоганн попал в самое больное место Эдуарда Гане. Гане не выносил слуг вообще, а молодых в особенности. В своей вилле он держал самое необходимое количество слуг: садовника — он же был кучером — и повара китайца. Обоим было по пятьдесят лет. Женской прислуги не было. Белье отдавалось в стирку на соседнюю ферму. Оттуда же приходила старая женщина, когда нужно было навести порядки в доме. Повар и садовник жили во флигеле, а Иоганн помещался в небольшой комнате рядом со спальней

Гане, готовый во всякое время дня и ночи прийти на зов хозяина.

II. Невероятное предложение

После утреннего кофе Эдуард Гане и Иоганн совершали обычную прогулку по саду. Опираясь друг на друга, как два старых подгнивших дерева, они медленно шли по дорожке, от времени до времени отдыхая на удобных садовых скамейках.

— Вы предлагаете, Иоганн, нанять нового слугу, молодого. Разве год назад мы не сделали этого опыта? И что же? Я не знал, как отделаться от этого молодого человека. Правда, он не бил посуды и быстро попадал в рукава, одевая меня. Он не зацеплялся за ковры и не портил мне дорогих ковров, как вы, Иоганн...

Иоганн терпеливо ожидал, когда последует «но».

— Он все делал быстро и хорошо. Но ведь это же невозможные люди... современные слуги, молодые! Каждое слово обдумывай, чтобы не обидеть их и не нарваться на грубость. Лишний раз не позови. Ночью... у меня подагра разыгралась, зову его, а его и след простыл. Нет! Гулять отправился! Воскресенье придет — давай ему отпуск... И чем все это кончилось!

Нагрубил и ушел. Хорошо еще, что не зарезал, не ограбил... Присядем, Иоганн, у меня что-то нога... К дождю, вероятно...

И, усевшись на скамью, Гане тяжело вздохнул:

— Нет больше хороших слуг, Иоганн. Вымирает эта порода. Хороший слуга должен быть как машина. «Сядь!» Сел. «Встань!» Встал. «Поддай!» Подал. И все молча, четко, ловко. И чтобы никаких там «сознаний личности», обид. Мало ли что старый человек сказать может, когда у него и тут ломит и там болит!.. Нет, Иоганн, это не выход.

— Можно нанять постарше, — самоотверженно давал советы Иоганн, — так лет пятидесяти, чтобы крепкий был, да только без молодого шала.

— Да где их достать таких? Такими дорожат. Ведь я бы вас не отпустил, Иоганн, когда вам было пятьдесят, если бы кто захотел переманить вас к себе. Так и каждый хозяин. Да и трудно привыкать к новому человеку, а ему — ко мне...

Оба замолчали, подавленные безвыходностью положения.

— Если женщину, постарше?

— Вы решительно хотите доконать меня, Иоганн. Неужели вы не знаете, что каждая женщина, поступая в услужение к старому одинокому богатому человеку, норовит прибрать

его к рукам, женить на себе, вогнать в гроб и выйти замуж за молодого! Нет, нет, избави меня бог. Я еще жить хочу. Уж лучше с вами буду век коротать, Иоганн...

На душе Иоганна отлегло. Он не знал, что впереди предстоит новое испытание...

На нижней дорожке послышался скрип песка под чьими-то тяжелыми шагами. Иоганн и Гане насторожились. Гане не любил посетителей. И надо же было кому-то прийти во время прогулки! Дома можно не принять, а здесь он был беззащитен перед вторжением непрошеного гостя. Гане измерил расстояние до дома. Нет, не успеть дойти... Из-за поворота дорожки уже виднелась чья-то голова в котелке. Еще несколько шагов, и неизвестный предстал перед Гане. Это был плотный солидный человек лет сорока, в безукоризненном костюме, с уверенными, корректными манерами.

— Могу я видеть мистера Эдуарда Гане? — спросил неизвестный, оглядывая сидящих и стараясь угадать, кто из них Гане. Иоганн скромно опустил глаза, хотя, как всегда, он был польщен этим замешательством посетителя.

— Я Эдуард Гане. Что вам угодно? — спросил Гане, не приглашая незнакомца сесть.

Посетитель учтиво приподнял котелок и ответил:

— Джон Мичель, представитель электростан-

ханяческой компании «Вестингауз». Я осмелился побеспокоить вас, чтобы сделать вам очень интересное предложение...

— Если бы вы даже были представителем самого Форда, я не приму вашего предложения, — ворчливо перебил его Гане. — Вот уже десять лет, как отстранился от всякой коммерческой деятельности и не желаю...

— Но я совсем не предлагаю вам вступить в дело, — в свою очередь перебил его посетитель. — Мое предложение совершенно иного свойства, и, если вы будете любезны одну минуту выслушать меня...

Эдуард Гане беспомощно посмотрел на кусты роз, перевел взор на цветущие глицинии, окружавшие зеленым каскадом садовую беседку, и, наконец, возвел глаза вверх. Потом покосился на край скамейки и с зловещей любезностью сказал:

— Садитесь. Я вас слушаю.

Незнакомец притронулся к шляпе и с достоинством уселся на скамью. И тут... тут случилось чудо. Незнакомец заговорил и с первых же слов приковал внимание Гане и Иоганна к тому, о чем он говорил.

— Богатый пожилой воспитанный джентльмен не может обойтись без прислуги. Но как трудно в наш век найти хорошего слугу! Старые преданные слуги под влиянием неумолимого закона природы все больше дряхлеют, —

Джон Мичель выразительно посмотрел на Иоганна, — а на смену им нет никого. Молодежь развращена профессиональными союзами, партиями, федерациями. Их требования, их капризы невыносимы. Притом вы никогда не гарантированы, что один из таких молодчиков не перережет вам в одну прекрасную ночь горло и не убежит с вашими драгоценностями. Даже женщины не безопасны, в особенности для старых холостяков. Наймешь какую-нибудь экономку, и не успеешь оглянуться, как окажешься у нее под башмаком.

«Что за чертовщина? — подумал Гане. — То ли он подслушал, то ли это в высшей степени странное совпадение...»

А Мичель продолжал свою загадочную речь: — Да, о найме новых слуг приходится забыть. Но вместе с тем и без слуг обойтись нельзя. Домашний уют пропадает. Везде пыль, по углам пауки ткут паутину. Но это еще не все. Подумали ли вы, мистер Гане, о том печальном моменте, когда ваш старый слуга — я не ошибаюсь, это он сидит с вами? — когда ваш старый слуга не придет на ваш зов потому, что он не в силах будет от старческой слабости подняться с кровати? И вы останетесь один, беспомощный и жалкий...

Думал ли об этом Гане? Эта мысль преследовала его по ночам, как кошмар. И Гане не один раз вызывал Иоганна ночью лишь для

того, чтобы убедиться, что слуга еще может дотащиться до него, и с волнением прислушивался, как Иоганн, кряхтя и сопя, поднимал с кровати свое старое тело...

— Вам некому будет подать таз с водой, принести кофе, — продолжал терзать Гане посетитель. — Вы будете лежать в своей кровати, а пауки — отвратительные мохнатые пауки — будут спускаться вам прямо на голову, и обнаглевшие крысы начнут прыгать по одеялу...

Гане снял шляпу и отер платком лоб: «Это бред какой-то!..»

— Что же вы хотите? — спросил он с отчаяньем и тоской в голосе. — Зачем вы говорите мне все эти ужасы?

Мичель посмотрел на Гане уголком глаз и остался доволен наблюдением. Он как будто не расслышал вопроса. Не спеша закурил сигару, окинул рассеянным взглядом сад и сказал:

— Хорошенькая у вас вилла. Уютный уголок. Здесь можно беспечально провести остаток жизни, если только...

— Я просил бы вас держаться ближе к цели вашего визита, — нетерпеливо сказал Гане.

— ...если только иметь хороших, надежных слуг, которые повинуются вашему голосу, немы как рыба и послушны вам, как ваши собственные мысли, — закончил Мичель. И, повернувшись к Гане, он сказал: — Вот за этим самым

я и пришел к вам. Я хочу предложить вам таких идеальных слуг.

Разговор неожиданно был прерван появлением собаки — черного пинчера, выбежавшего из дома садовника. Собака быстро подбежала к Гане, но, увидев чужого, заворчала и оскалила зубы.

Мичель опасливо поджал ноги.

— Джипси, на место! — прикрикнул Гане, и собака с ворчаньем улеглась под скамейкой.

Мичель поморщился.

— С детства не переносу собак, — сказал он. — Однажды от них я очень сильно пострадал. А других у вас нет?

— Только эта. Не беспокойтесь, она не укусит. Так вы говорили, что можете предложить мне идеальных слуг... Но, если не ошибаюсь, вы назвали себя представителем фирмы «Вестингауз». И в то же время вы комиссионер по найму слуг?

— В то же время и от той же фирмы.

— С каких это пор фирма «Вестингауз»...

— С тех самых, как она стала изготавливать слуг, идеальных слуг.

«Это какой-то сумасшедший», — подумал Гане, с новой тревогой поглядывая на посетителя.

Мичель заметил тревогу в глазах Гане и с улыбкой ответил:

— Вас это, может быть, поразит, но это так. Фирма «Вестингауз» изготавливает механических

слуг. Комбинация телефона с принципами беспроводного телеграфирования — только и всего. Ваше приказание передается вибрационной волной в девятьсот колебаний в секунду и даже в тысячу четыреста колебаний. Эти колебания воспринимаются особыми вилочками, вилочки переменяют пазы в машинном слуге, и он выполняет приказание. Я не буду утомлять вас техническими описаниями. Важно то, что механические слуги будут выполнять все ваши приказания.

— Что же они... в виде людей? — спросил Гане.

— Есть разные, — ответил Мичель. — Некоторые из этих механических слуг представляют собою просто скрытый аппарат. Довольно вам будет отдать приказ, и такой аппарат зажжет электрические лампочки, пустит в ход электрический веер, осветит комнату прожектором, зажжет сигнальную лампу, приведет в действие электрическую метлу или пылесос. Наконец, откроет вам двери. Довольно вам будет сказать, как в сказке из «Тысячи одной ночи»: «Сезам, откройся!» — и дверь немедленно откроется, впустит вас и закроется за вами.

— Как в сказке?.. Гм... А вы знаете сами эту сказку? — спросил Гане.

— Признаться откровенно, забыл, — ответил Мичель.

— Если память не изменяет мне, — сказал

Гане, — в этой сказке говорится об одном человеке, который, сказав эти слова: «Сезам, откройся!» — вошел в пещеру, полную сокровищ, но, войдя, забыл волшебное слово; каменные стены сомкнулись за ним; он не мог выйти обратно и был застигнут разбойниками...

— Значит, фирма «Вестингауз» усовершенствовала арабские сказки. Если вы забудете волшебное слово, вам довольно будет нажать электрическую кнопку, и дверь откроется. Этого, надеюсь, вы не забудете. Компания берет на себя полную гарантию за исправность своих механических слуг. Мы берем все расходы на себя и не удержим с вас ни одного доллара из задатка, если слуги не удовлетворят вас. Разрешите принять от вас заказ?

— Так, сразу я не могу решить. Для меня это слишком необычное предложение.

— Тогда мы сделаем вот как. Надеюсь, вы не откажете мне продемонстрировать вам некоторых из наших механических слуг. Это вам ничего не будет стоить...

— Я, право, не знаю, что вам сказать...

Мичель, как будто дело было уже решенным, поднялся, откланялся и сказал:

— Завтра утром, с вашего разрешения, я буду у вас. — И он ушел, сопровождаемый лаем собаки, выскочившей из-под скамейки.

III. Испытания Иоганна еще не кончились

В эту ночь Иоганн и его хозяин спали очень плохо. Предложение Мичеля было заманчиво, но Эдуард Гане боялся всяких новшеств. Страшные же картины одиночества пугали его еще больше. И когда он забывался в тревожном сне, ему казалось, что он лежит один, без слуги, пауки спускаются ему на голову, а по одеялу бегают крысы. Иоганна преследовали еще более страшные кошмары: в правый бок дул холодом электрический вентилятор, потом вдруг откуда-то выскакивала огромная механическая метла и выметала его из комнаты... Иоганн убегал от нее, но не мог открыть дверей и с ужасом кричал: «Сезам, откройся!..»

Утром после завтрака пришел Мичель с рабочими, которые принесли ящики с механическими «слугами» и принялись за работу.

— Будьте добры познакомить меня с расположением вашего дома, — сказал Мичель, обращаясь к Гане.

— Из этой гостиной, — объяснял хозяин, — дверь ведет в мою спальню. В правой стене спальни — дверь в кабинет, а в левой — две двери: одна — в комнату Иоганна, а другая — в ванную.

— Прекрасно. С этих дверей мы и начнем электромеханизацию вашего дома. К вечеру все будет готово.

В то время как рабочие снимали двери и вделывали в стены механизмы, Мичель объяснял назначение других аппаратов:

— Вот этот ящик на колесиках, с круглой щеткой на конце и есть механическая метла. Вы ставите ее вот так, поворачиваете вот этот рычажок, и метла готова для работы. Скажите ей: «Мети!»

— Мети! — визгливо крикнул Гане взволнованным голосом. Но метла не двигалась.

— Ее механизм реагирует на более низкие колебания звука, — объяснял Мичель. — Нельзя ли взять тоном ниже?

— Мети!..

— Еще ниже.

— Мети! — пробасил Гане. И метла пришла в действие. Колесики ящика закрутились вместе со щеткой в виде вала, и механическая метла прошла по большой комнате, как трактор по полю, осторожно обходя препятствия, дошла до конца стены, сама повернула обратно и пошла по новой полосе...

— Под щеткой находится пылесос. Таким образом, вся пыль собирается внутри ящика и потом выбрасывается, — продолжал объяснения Мичель.

Метла вымела уже половину комнаты, когда произошло маленькое происшествие. В комнату вбежал Джипси и отчаянно залаял на метлу. В тот же момент колесики метлы заработали

с необычайной быстротой, и метла, как бы спасаясь от собаки, начала, выписывая восьмерки, метаться по комнате, преследуемая собакой. Иоганн и его хозяин, стоявшие посередине комнаты, от ужаса перед столкновением с взбесившейся метлой сразу помолодели на сорок лет и начали с неожиданной быстротой увертываться от механического врага. Несколько раз метла едва не налетела на них, но они, делая прыжки, достойные Дугласа Фербэнкса, спасались. Однако неожиданным поворотом метла задела Иоганна, он упал на пол, растянувшись во всю длину своего длинновязого тела, и метла проехала через него, впрочем без особых повреждений его фрака, вычистила попутно спину и подняла вверх волосы на затылке. С этой необычайной прической он поднялся с пола и бросился к дивану, где уже стоял его хозяин.

А Мичель, размахивая руками, гонялся следом за собакой и неистово кричал:

— Уберите собаку! Уберите собаку!..

Приключение окончилось так же неожиданно, как и началось. Метла, изменив фигуру восьмерки на круг, промчалась вокруг комнаты и остановилась.

Мичель вытер лоб и сказал, обращаясь к Гане:

— Мне очень неприятно, но здесь во всем виновата собака. Дело в том, что механизм

метлы, как я уже сказал, реагирует на звуки. Собачий лай, заставив вилочки вибрировать слишком сильно, вызвал все эти неожиданные явления. Придется удалить собаку. Что же касается метлы, то исправления сейчас же будут сделаны.

Монтер подошел к метле, открыл дверцу ящика, повозился несколько минут, и метла была вновь в полной исправности. Иоганн увел собаку и запер ее в дальней комнате, а успокоившаяся метла благополучно домела комнату.

— Видите, как это удобно, — говорил Мичель. — Ваш верный старый Иоганн будет управлять механическими слугами и с их помощью еще долго будет служить вам...

Хитрый Мичель считал нужным задобрить Иоганна, основательно опасаясь его влияния на хозяина.

Над кроватью и письменным столом Гане были сделаны электрические вентиляторы, которые начинали работать по одному словесному приказу.

К вечеру все было готово.

Эффект самооткрывающихся дверей так понравился Гане, что заставил его забыть неприятный случай с метлой.

— Присмотритесь к вашим механическим слугам, — сказал на прощание Мичель. — И когда вы привыкнете к ним, я уверен, что они станут для вас совершенно необходимы. Вы

будете удивляться, как могли жить без них раньше. Я навещу вас через несколько дней... — И уже у двери он еще раз напомнил о необходимости убрать из дому собаку. — Только в этом случае я могу отвечать за исправность механизмов!

Предубеждение Гане перед новшествами было сломлено неопровержимыми преимуществами новых механических слуг. Когда Мичель и рабочие ушли, Гане занялся испытанием.

— Мети! — приказывал он метле, и метла безукоризненно выполняла свою работу.

— Вентилятор! — говорил он, обращаясь к небольшим пропеллерам, установленным над кроватью. И вентиляторы, для которых был проведен электрический ток из флигеля, начинали с усыпляющим, тихим шумом свою освежительную работу.

Но двери особенно восхищали Гане. До позднего вечера он ходил из комнаты в комнату и, останавливаясь перед закрытыми дверями, повторял:

— Сезам, откройся!

И двери, послушные его голосу, бесшумно открывались и медленно закрывались за ним.

— А ведь это действительно как в сказке! — говорил восхищенный Гане. — Мичель не обманул. Как вы полагаете, Иоганн?

— Да, это неплохо, господин Гане! — Старый Иоганн говорил искренне. Он уже примирился

с вторжением в дом механических слуг. Облегчая его работу, они не угрожали ему лишением места. «Приносить кофе и попадать в рукав они все-таки не могут!» — думал Иоганн, обрадованный тем, что механические слуги все же не могут вполне заменить живого человека. Он не знал, что его испытания еще не кончились...

Вечером, улегшись в кровать, Гане заставил вентиляторы освежить его нежной струей воздуха и, засыпая, сказал:

— Теперь по крайней мере пауки не угрожают мне...

IV. Механические слуги

На третий день, когда Гане только что окончил завтракать, послышался шум автомобиля.

Иоганн выглянул в окно и увидел, что к дому подъезжает на автомобиле Мичель в сопровождении грузовика. На грузовике были уложены длинные ящики, напоминающие гробы. Почему-то эти ящики взволновали Иоганна, — быть может, напоминанием о смерти, которое никогда не покидает старого человека.

— Мичель приехал, — доложил Иоганн.

Быстро отдав распоряжения слугам, Мичель вошел в комнату с развязностью друга дома.

— Как поживают наши механические слуги? Вы довольны ими?

— Да, благодарю вас, я вполне доволен ими, — ответил Гане.

— Ну, а я не вполне, — ответил Мичель, весело улыбаясь.

— Не угодно ли чашку кофе, мистер Мичель? Чем же не удовлетворяют вас механические слуги? — спросил Гане.

— А вот чем, мистер Гане. Они имеют слишком ограниченный круг работ. Узкие специалисты, так сказать. Они не могут помочь вам одеться и не подадут вам кофе.

У Иоганна от этих слов что-то екнуло в груди. Неужели Мичель... Иоганн не успел додумать свою мысль, как Мичель подтвердил его опасения.

— Я не хотел пугать вас слишком необычными новшествами, — продолжал Мичель. — Все эти «Сезамы» и механическая метла — детский лепет по сравнению с последними изобретениями компании «Вестингауз». Я привез вам пару настоящих механических слуг. Они будут выполнять все ваши приказания, повинаясь вашему слову...

Иоганн крикнул. Руки его задрожали, и поднос выпал из рук.

— Не пугайтесь, Иоганн, — обратился к нему Мичель. — Вы все же будете необходимы. За механическими слугами нужен некоторый уход и присмотр. Вы только повыситесь в чине и будете мажордомом. А слуги станут выполнять

за вас всю работу, которая вам не под силу. Не угодно ли взглянуть?

Мичель, Гане и Иоганн вышли из дому. Рабочие уже сняли гробоподобные ящики, положили на землю и вскрывали крышки.

Со смешанным чувством страха и любопытства Гане заглянул в ящики и увидал двух железных истуканов, напоминающих рыцарей, закованных в латы с ног до головы. Сочленения этих истуканов были соединены спиральными пружинами.

Рабочие взяли за затылки этих мумий и подняли их несгибающиеся тела. Мичель подошел к «слугам» и ударил черной тростью по их лицам, издавшим металлический звон. Затем «слуг» поставили у подножья лестницы, ведущей в дом. Мичель подошел к ним и, осмотрев маленькие включатели, находившиеся на затылке «слуг», повернул их.

Произошло чудо. С глухим шелканьем и треском колени «слуг» изогнулись, и «слуги» начали взбираться по лестнице в дом. Но в этот момент опять откуда-то появился Джипси. С громким лаем, наскakивая и отлетая, он начал хватать одного «слугу» за ногу. И «слуга» вдруг дернул ногой и остановился.

— Уберите собаку! — закричал неистово Мичель.

Садовник схватил лающего Джипси и унес к себе. После этого «слуги» без остановок воз-

шли по лестнице; дойдя до стены вестибюля, они повернулись и вошли в гостиную.

— Стойте! — крикнул Мичель, следовавший за ними. «Слуги» остановились.

— Вперед десять шагов! Поворот направо! Наклонитесь! Возьмите! Назад! Стойте! — командовал Мичель.

«Слуги» выполняли все приказания. Они прошли через комнату, повернули к столику. Нагнулись, осторожными движениями взяли со столика лежавшие альбомы и принесли их Мичелю.

Гане был поражен. Иоганн потрясен.

— Видите, как это просто. Все, что вы ни прикажете им, они выполняют. Причем довольно лишь раз приказать им исполнить что-либо, например, сходить в буфет и принести закуску, как они будут делать это по одному приказу: «Закуску!», или: «Кофе!» Иоганну останется только командовать ими да от времени до времени смазывать механизм.

И, обратившись к рабочему, Мичель сказал:

— Дайте масленку. Благодарю вас. Подойдите сюда, Иоганн, и смотрите внимательно.

Обратившись к «слугам», Мичель приказал:

— Нагнитесь!

«Слуги» нагнулись.

— Видите, Иоганн, маленькую дырочку в темени? Сюда пускайте масло. Механических

слуг тоже надо кормить. Берите масленку. Да не бойтесь. Отчего у вас так дрожат руки?

У Иоганна действительно дрожали руки, и он никак не мог попасть в дырочку.

— Ничего, привыкнете, — ободрял его Мичель. И он продолжал демонстрировать механических слуг, заставляя их проделывать всевозможные вещи. Они сняли с Мичеля смокинг и вновь надели его. Все это они выполняли с безукоризненной точностью.

— Они не только прекрасные слуги, но и незаменимые сторожа. Разрешите пройти в кабинет. — И, не дожидаясь ответа, Мичель сказал «слугам»: — Идите за мной!

Гане был так поражен, что лишился воли и сам шел следом за Мичелем, как механический слуга. Мичель прошёл в кабинет и поставил «слуг» около несгораемого шкафа. Отойдя в сторону, он крикнул:

— Тревога!

В тот же момент «слуги» заработали руками с необычайной быстротой.

— Всякий бандит, который осмелится подойти к шкафу, будет убит и превращен в лепешку этими стальными рычагами! Хорошо? — спросил Мичель, обращаясь к Гане.

— Даже слишком, — ответил побледневший Гане.

— И в то же время они кротки, как голуби. Попробуйте сами приказать им.

— Нет, знаете, мне не надо этих слуг, — вдруг решительно заявил Гане. — Это слишком необычайно. И потом, что, если эти слуги взбесятся, как взбесилась ваша механическая метла? Ведь от них спасения не будет!

— Исключена всякая возможность, — быстро ответил Мичель. — Довольно вам сказать «стоп!», и их механизм парализуется.

За окном послышался шум отъезжавшего грузовика. Гане с беспокойством посмотрел в окно и сказал:

— Позвольте, куда же он уезжает? Я не хочу механических слуг. Пусть рабочие увезут их обратно...

— Простите, но я был так уверен в том, что слуги понравятся вам, что распорядился не ожидать меня... Впрочем, это можно исправить, если не хотите...

И, подойдя к окну, Мичель закричал:

— Эй! Эй, вернитесь!

Но грузовик уже завернул за угол и скрылся.

— Не слышат! Уехали... Ну ничего, я приеду за ними завтра. Хотя надеюсь, вы за день настолько привыкнете к ним, что сами не пожелаете вернуть их. Позвольте попрощаться с вами. Мне нужно еще доставить пару слуг на виллу Мансфельда. И, пожалуйста, не беспокойтесь. Все будет прекрасно.

— Но как же так?..

Приветливо кивнув, Мичель выбежал из комнаты.

— До завтра! — крикнул он из автомобиля и уехал.

Эдуард Гане и Иоганн остались одни, со страхом поглядывая на металлических истуканов, стоявших у несгораемого шкафа.

— Вот так история! — шепотом сказал Гане, опасаясь, как бы звук его голоса не привел в движение механических слуг. Сделав знак рукой, Гане на цыпочках подошел к закрытой двери и негромко сказал: — Сезам, откройся!

Дверь отворилась. Гане и Иоганн выскользнули из кабинета в спальню. Дверь закрылась за ними. Оба вздохнули с облегчением.

— Только бы они не вышли оттуда, — опасно сказал Гане тихим голосом. Он с ужасом вспоминал металлические руки, вращающиеся, как крылья мельницы. — Неприятная история...

— А что, если бы их выгнать оттуда? — предложил Иоганн.

— Но как? — с тоскою спросил Гане.

— Мы вот что сделаем, — сказал, подумав, Иоганн. — Вы, господин Гане, пройдете вверх и запретесь на ключ. В верхних комнатах двери без всяких «Сезамов». Старый ключ будет надежней. А я пройду со двора и крикну этим идолам из окна, чтобы они убирались отсюда к черту.

— Что же, попробуем, — согласился Гане.

Он заперся наверху, а Иоганн, выйдя из дому, крикнул через окно:

— Сезам, откройся!

Когда дверь из кабинета в спальню открылась, он крикнул вторично:

— Вперед десять шагов!.. Шагом марш!.. Уходите отсюда!

Но «слуги» стояли неподвижно.

— Пошли вон! Убирайтесь!

«Слуги» по-прежнему не двигались, стоя у шкафа, как рыцарские доспехи. А двери в это время уже закрылись, и Иоганну пришлось вновь повторять: «Сезам, откройся!» Он изменил тон, кричал на все голоса: то басом, то фистулой — все напрасно. «Слуги» окаменели. Иоганн просил, умолял их, наконец начал ругаться. Но разве сталь проберешь ругательствами!

В полном отчаянье явился он к Гане:

— Не уходят...

Гане сидел в кресле, опустив голову. У него было такое чувство, как будто в его дом ворвались разбойники и заперли его в верхней комнате. Но что могло произойти со «слугами»?..

Гане хлопнул себя по лбу.

— Все это очень просто, — сказал он, повеселев. — Мичель, объясняя, сказал в присутствии слуг «стоп!». Это слово парализовало их механизм. Они, кажется, в самом деле вовсе не опасны нам...

Гане осмелился даже спуститься в нижний этаж и пройти в свою спальню. Но вечером, ложась спать, он заставил Иоганна принести из гостиной столы, диван и стулья и забаррикадировать ими дверь из кабинета.

— Так будет спокойнее, — сказал он, укладываясь в кровать. — А вы, Иоганн, на всякий случай оставайтесь сегодня со мною. Можете прилечь на этом диване.

Иоганну совсем не улыбалось провести ночь на баррикадах, но он улегся без возражения, по привычке повиноваться...

V. Ночь кошмаров

Это была самая беспокойная ночь за всю долгую совместную жизнь Иоганна и его хозяина. Старикам не спалось. Им чудились какие-то шорохи в кабинете. В тревожном сне их преследовали кошмары: стальные люди хватали и били их железными руками.

Незадолго перед рассветом Иоганн разбудил задремавшего хозяина:

— Господин Гане... господин Гане!.. В кабинете что-то творится неладное...

Гане проснулся, вскочил с кровати и прислушался. Да, это не обман слуха. Из кабинета действительно доносились заглушенные звуки,

тихий треск, удар металлического предмета о ковер и потом шипенье...

— Ожили! — с ужасом прошептал Иоганн. Его челюсти выбивали дробь, а руки тряслись так, что он не мог стянуть с себя одеяла.

Похолодевшие от страха старики сидели несколько минут неподвижно, будучи не в силах сделать ни одного движения.

В кабинете шум усилился. Что-то упало и с грохотом покатилося по полу. Это перешло все границы страха. Гане вдруг подбежал к двери и закричал исступленным голосом:

— Сезам, откройся!!

Но дверь не открывалась.

— Сезам, откройся! — эхом повторил Иоганн. И они пищали, ревели, кричали у двери, стараясь извлечь из своих старых глоток всю гамму звуков человеческого голоса, чтобы пробудить какие-то неповинующиеся вилючки в механизме дверей. Но все было напрасно. Странная сказка «Тысячи и одной ночи» претворялась в действительность. Им казалось, что двери из кабинета дрожат под чьим-то напором. Еще минута, и оттуда вырвутся сорок разбойников и растерзают их старые тела...

Последнее, что слышал Иоганн, это был визгливый лай Джипси, изгнанного на ночь из дому. Потом все замолкло. Иоганн и его хозяин потеряли сознание...

Когда они пришли в себя, уже рассвело.

С радостным удивлением они убедились, что живы и невредимы. Дверь в кабинет была закрыта и баррикада из стульев, столов и дивана не нарушена. Иоганн нажал на дверь в гостиную ручкою, и, к его удивлению, дверь открылась. Они были свободны. Иоганн разбудил садовника и повара. Но никто из них не решался войти в кабинет.

— Вызовите полицию, — сказал Гане.

Садовник отправился во флигель и по телефону сообщил в ближайший полицейский участок. Через полчаса слышалось трещанье мотоциклетов. На этот раз Гане не возражал против технического прогресса. Неприятный шум мотоциклета показался для него райской музыкой.

Полисмены открыли дверь кабинета. На полу лежали поверженные кем-то металлические «слуги». Дверцы несгораемого шкафа были открыты. Все драгоценности исчезли...

Присутствие полиции придало Гане смелости. Он вошел в кабинет и, глядя на лежащих «слуг», сказал прочувствованно, как будто он обращался к трупам:

— Я был не прав по отношению к ним. Я боялся их, а они погибли на посту, охраняя мое имущество от воров, которые, очевидно, проникли через окно...

Но ему недолго пришлось оплакивать «верных слуг». Полицейские довольно бесцеремон-

но подняли «трупы», осмотрели их, нашли, что от механических слуг остались одни пустые оболочки!..

Гане сразу стало все ясно. Мичель сыграл с ним плохую шутку. Под видом механических слуг он поместил в металлические футляры своих сообщников. Бандиты ночью вышли из металлических футляров, расплавили шкаф, похитили драгоценности и удрали через окно. Вот почему Мичель так опасался собаки...

— Господин Гане, вас хочет видеть агент компании «Вестингауз», — сказал Иоганн, заглядывая в кабинет.

— Что, Мичель? Очень кстати! — И, обращаясь к полисмену, Гане торопливо проговорил: — Арестуйте скорее этого бандита!

Полицейские и Гане вышли в гостиную. Там стоял русоволосый молодой человек с бумагой в руке. Он с недоумением посмотрел на полицейских и, учтиво поклонившись Гане, сказал:

— Здравствуйте, мистер. Я пришел, чтобы произвести с вами расчет за установку механических слуг...

— К черту механических слуг! — взревел Гане. — Пусть лучше пауки падают на голову и крысы бегают по одеялу! Вы с Мичелем и механическими жуликами обобрали меня! Арестуйте этого человека!

— Я не знаю Мичеля. Это какое-то недоразумение. Ваш управляющий заказал у нас

механическую метлу, вентиляторы и «Сезамы». Вы приняли заказ и расписались. Вот счет...

— А это? — продолжал волноваться Гане. — Пожалуйста сюда, молодой бандит!

И, пригласив следовать за собой, Гане провел молодого человека в кабинет и показал на лежавших «слуг».

Агент «Вестингауза» посмотрел, пожал плечами и сказал:

— Наша фирма не вырабатывает таких кукол.

Гане продолжал бесноваться, но тут вмешался полисмен. Он поговорил с молодым человеком, посмотрел на счет, проверил полномочия и сказал, обращаясь к Гане:

— Мне кажется, мистер Гане, что молодой человек не причастен к преступлению. Мы расследуем это дело. Мичель, по-видимому, сделал от вашего имени заказ у «Вестингауза» только на метлу, вентиляторы и «Сезам». Эти же футляры «лакеев» он изготовил сам и в них ввел в ваш дом своих сообщников. Это, конечно, стоило ему денег, но расходы, вероятно, окупилась. Сколько у вас было денег в шкафу?

— Всех ценностей на сто тысяч с чем-то долларов...

— Ну вот, видите, хороший куш! По всей вероятности, злоумышленники убежали бы в своих железных оболочках, чтоб еще раз ис-

пользовать их, если бы что-нибудь не заставило их поторопиться...

— Собака подняла лай! — вставил слово Иоганн.

— Но «Сезам» тоже участвовал в заговоре, — упорствовал Гане. — Почему все двери перестали открываться в момент грабежа?

— Может быть, вы слишком сильно крикнули от испуга: «Сезам, откройся!» — и тем испортили механизм, — высказал предположение агент. — Наши аппараты рассчитаны на известную силу и высоту тона.

Это объяснение — Гане не мог не сознаться — было похоже на правду. Он не кричал, а рычал, вопил на непослушные двери.

— Мистер Штольц, — сказал полисмен, обращаясь к молодому человеку, — я не арестую вас, но все же прошу следовать за мной. Мне необходимо выяснить все обстоятельства дела.

Полицейские, забрав металлических слуг как вещественное доказательство, удалились вместе с агентом.

Эдуард Гане остался один со своим слугой.

— Я еще не пил кофе, — сказал устало Гане.

— Сию минуту, сэр, — ответил Иоганн, семеня к буфету.

От всех волнений ночи у Иоганна дрожали руки сильнее обычного, и, подавая кофе, он уронил сухарницу.

— Ничего, Иоганн, не расстраивайтесь, это

с каждым может случиться, — ласково сказал Гане. И, отпив дымящегося кофе, он задумчиво добавил: — «Сезамы», вентиляторы и механическую метлу мы, пожалуй, можем оставить, Иоганн. Это полезное изобретение. Оно облегчит ваш труд. Эти настоящие вестингаузовские механические слуги имеют, на мой взгляд, лишь один недостаток: они не переносят лая и приказаний в повышенном тоне. Но с этим уж ничего не поделаешь. Такой теперь век...

МИСТЕР СМЕХ



На распутье

Спольдинг вспомнил счастливые, как ему казалось, минуты, когда он положил в портфель аттестат об окончании политехнического института.

Он инженер-механик, и перед ним открыт весь мир. Для него светит солнце. Для него улыбаются девушки. Для него распускают павлиньи хвосты роскоши витрины магазинов, для него играет веселая музыка в нарядных кафе, для него скользят по асфальту блестящие автомобили.

Правда, сегодня все это еще недоступно для него, но, быть может, завтра он возьмет под руку голубоглазую девушку с ярко-пунцовыми губами, сядет с ней в блестящий автомобиль, поедет в лучший ресторан города.

Ну, понятно, это все будет «завтра» не в буквальном смысле слова. Надо найти работу. Послужить инженером у хозяина. Скопить не-

много денег и открыть собственное дело. А дальше все пойдет как по маслу.

Найти работу... Это, конечно, не легко. Спольдинг хорошо знает об этом. Но кризис и безработица — страшные слова не для него, Спольдинга. Разве в институте у кого-нибудь из студентов был такой рост, вес, такие мускулы, как у него? Разве во всех спортивных состязаниях он не побеждал всех своих товарищей? А голова! Разве он не кончил высшую школу одним из первых — мог бы и первым, если бы не слишком увлекался спортом.

Главное же, ни у кого нет такой стальной воли, такого упрямого стремления к власти, такой страстной жажды богатства, такого аппетита ко всем благам жизни и такой фанатичной настойчивости в достижении цели.

И Спольдинг ринулся головой в свалку, как изголодавшийся волчонок, пустив в ход и волю, и жажду, и зубы, и когти. Но вскоре оказалось, что всего этого мало. Когти ему понадобились только на то, чтобы однажды в сердцах сорвать висевшее на воротах завода объявление «Приема нет». Зубами он грыз от злости камышовую трость, получая очередной отказ. В большинстве случаев ему не удавалось проникнуть не только в кабинет директора, но и к секретарю. Ему оставалось лишь говорить по телефону из проходной конторы или из вестибюля. Однажды он попытался силой про-

рвать кордон, но был с позором, под руки, выведен из кабинета личного секретаря машиностроительного магната.

Он жил на случайные мелкие заработки, нередко недоедал и ожесточался: он со злорадством думал о том, как сам будет еще более беспощаден с неудачником, когда все же достигнет вершин земного благополучия. И если обычные пути трудны, нужно находить более быстрые, новые, необычные.

Новые пути! Где они, эти новые пути? Спольдинг начал жадно прислушиваться, ловить каждое слово о быстрых или необычайных способах обогащения.

Как-то в вагоне подземной железной дороги Спольдинг услышал разговор об удаче одного писателя-юмориста, который одной книгой сделал себе огромное состояние. Спольдинг сам читал эту веселую книгу и от души хохотал. Но ведь у него, Спольдинга, нет литературного дарования. Через несколько дней он прочитал о человеке, нажившем, несмотря на кризис, миллионы на патентованном средстве дляращения волос. Секрет заключался в том, что это средство — невероятно, но факт — действительно вызывало усиленный рост волос. А изобрести такое или подобное средство — не легкий и не скорый путь. В другой газете сообщалось о колоссальных заработках знаменитого комического

киноартиста Престо. Увы, у Спольдинга не было и артистических талантов.

Усталый, раздраженный, с тяжелым грузом дневных огорчений и обид поздно вечером возвращался Спольдинг домой. Шагал по узкой комнате с окном во двор и слушал, как за стеной кто-то заунывно играл на странном инструменте. Звуки напоминали то флейту, то скрипку, то человеческое контральто.

Эти звуки действовали ему на нервы. Непонятен был тембр, непонятна меняющаяся мелодия — то чарующая, прекрасная, то кошмарная, нелепая. Непонятны были, как и вчера вечером, неожиданные переходы музыкальных звуков в пулеметную стрельбу, впрочем очень скоро прекратившуюся. Непонятен, наконец, был исполнитель. Ученик не мог играть столь блестяще такие технически сложные вещи, артист не мог исполнять музыкальные нелепицы, странные по содержанию и форме.

Уже несколько дней эти звуки интригуют и беспокоят Спольдинга. Надо будет спросить у хозяйки дома, кто поселился в соседней комнате. И сегодня за стеной после певучей скрипичной мелодии вдруг послышался адский железный скрежет, свист, верещанье.

Спольдинг начал стучать в стену. Звуки умолкли.

Королева слез

Стучат...

— Войдите.

В полуоткрытых дверях появилась высокая краснощекая сорокалетняя хозяйка пансиона. Не входя в комнату, она сказала:

— Простите, мистер Спольдинг. Вам, кажется, мешает соседка своей ужасной музыкой? Я скажу ей, чтобы она не играла позже восьми часов вечера.

— Благодарю вас, миссис Адамс, — ответил Спольдинг. — Эта музыка действительно несколько беспокоит меня. Но я не хотел бы стеснять соседку, если для нее эти звуковые феномены не забава, а работа. Я могу приходить домой позже...

— Ах, нет, нет! Я непременно скажу мисс Бульвер. Она непозволительно молода... то есть я хотела сказать: непозволительно оригиналка по своей молодости. Изобретательница! — с долей презрения закончила миссис Адамс свою аттестацию.

Спольдинг заинтересовался.

— Оригиналка? Изобретательница? И что же она изобретает? Да вы войдите в комнату, миссис Адамс!

Но миссис Адамс не так была воспитана, чтобы заходить в комнату одинокого холостяка. Она осталась у двери.

— Благодарю вас, но я тороплюсь, — ответила она. — Я не хочу сказать ничего плохого о мисс Бульвер, но все эти изобретатели немножко того. — И Адамс повертела толстым пальцем с двумя обручальными кольцами возле лба. — Она говорит, что изобретает такую песенку, от которой заплачет весь мир: и грудной младенец, и столетний старик, и счастливая невеста, и жизнерадостный юноша, даже кошки и собаки. Она так говорит: «И тогда я буду Королевой слез», — это ее собственные слова, я ничего не прибавляю.

Миссис Адамс позвали, она извинилась, одарила на прощанье Спольдинга улыбкой и ушла.

...Во втором этаже находилась широкая застекленная веранда, выходившая в садик с чахлыми деревцами и двумя клумбами.

Веранда была своего рода клубом для жильцов миссис Адамс. Здесь стояли столики, плетеная мебель, искусственные пальмы в углах, горшки с цветами на подоконниках и клетка с зеленым попугаем, любимцем хозяйки. Вечерами здесь играли в шахматы и домино, болтали, танцевали под граммофон, читали газеты, иногда пили чай и закусывали.

До сих пор Спольдинг не посещал этого клуба, где собирались мелкие служащие, кустари, продавцы вразнос, неудачливые комиссионеры и агенты по сбыту патентованных средств, начинающие писатели, студенты, — дом был боль-

щей, жильцы часто менялись. Теперь Спольдинг зачастил в клуб и здесь встретился с мисс Бульвер.

Прежде чем познакомиться, он несколько дней изучал ее. Аттестация, данная миссис Адамс, совершенно не подходила к этой девушке. Она совсем не походила на оригиналку, а тем более на «тронутого» изобретателя. Простая, спокойная. Черты лица правильные, приятные.

— Вы называете себя Королевой слез? — спросил однажды Спольдинг.

Бульвер улыбнулась.

— Я хочу стать ею. И не только Королевой слез, но и Королевой радости, Королевой человеческого настроения, если хотите.

— Заставлять людей плакать или смеяться? Разве это возможно?

— А разве это и сейчас не существует? — ответила Бульвер вопросом на вопрос. — Разве вы не встречали впечатлительных, простых людей, которые не могут удержаться от слез, когда слышат звуки похоронного марша, исполняемого духовым оркестром? И разве у этих людей не начинают ноги сами приплясывать при звуках плясовой песни? Когда мы до конца проникнем в тайну веселого и грустного, у нас заплачут и засмеются не только самые чувствительные и впечатлительные люди. Мы заставим плясать под нашу дудку само горе, а радость — проливать горячие слезы.

Спольдинг улыбнулся.

— Да, это зрелище, достойное богов, — сказал он. — И вы полагаете, что из этого можно извлекать доллары?

— Мой патрон, мистер Гоуд, полагает, что да. Иначе он не субсидировал бы, хотя и в очень скромных размерах, моих опытов.

— Мистер Гоуд? Чем же он занимается?

— Механическим производством веселья и грусти. Он фабрикант граммофонных пластинок.

И девушка рассказала Спольдингу историю своих деловых отношений с мистером Гоудом.

Лючия Бульвер окончила консерваторию по классу композиции. Уже на последних курсах консерватории она занялась теоретической работой, которая ее чрезвычайно увлекла. Она хотела постичь в музыке тайну прекрасного. Почему одна последовательность звуков оставляет нас равнодушными, другая раздражает, третья пленяет? На эти вопросы не было ответа ни в теории гармонии и контрапункта, ни в сочинениях по эстетике и психологии. Тогда Бульвер взялась за теоретические работы по акустике и физиологии.

— И какую же практическую цель вы преследовали? — спросил Спольдинг.

— В начале этой работы я не думала ни о какой практической цели. Открыть тайну прекрасного! Изучая узоры нотописи и звукозапи-

сей, я пыталась в этих узорах найти закономерности. И кое-что мне уже удалось. Потом попробовала сама составлять узоры и переводить их в звуки, и, представьте, у меня начали получаться довольно неожиданные, оригинальные мелодии. Однажды я принесла мистеру Гоуду сочиненную мной песенку. Случайно вместе с нотами выпал из портфеля один из таких узоров. Мистер Гоуд заинтересовался, спросил меня, что это за кабалистика. Я объяснила. Мистер Гоуд сказал: «Интересно. Пожалуй, из этого может выйти тояк. Вы знаете, я скупаю у композиторов новые песни и романсы... Монопольно. Только для моих пластинок. В нотном издательстве они не появляются. Но с композиторами, не обижайтесь, трудно ладить. Как только композитору удастся написать одну-две популярные песенки, он начинает зазнаваться и заламывает несуразно высокую цену. Этак и разориться недолго. И вот, если бы вам удалось изобрести аппарат, при помощи которого можно было бы механически фабриковать мелодии, ну хотя бы так, как получается итоговая цифра на арифмометре, — это было бы замечательно. Я больше не нуждался бы в композиторах, освободился бы от их капризов и чрезмерных претензий. Чудесно! Посадить за аппарат рабочего или машинистку — и пожалуйста! Одна хорошенькая мелодия за другой падают вам в руки. Только верти ручку, и деньги сами по-

сыплются. И мир будет наводнен новыми песнями. Сможете это сделать, мисс?» Я ответила, что у меня не было мысли о полной замене художественного творчества машиной и едва ли это возможно. «Математические исчисления не менее сложны, чем ваши композиционные измышления, а тем не менее счетные машины прекрасно заменяют работу мозга. Попробуйте. Я могу субсидировать ваши опыты. Если же вы добьетесь удачи, ваше будущее вполне обеспечено». Я приняла это предложение.

— И каковы же ваши успехи? — спросил Спольдинг.

— Мне удалось уже овладеть кое-какими эстетическими формулами для математического построения мелодий. И если эта работа пойдет с таким же успехом и дальше...

По веранде прошла миссис Адамс. Был поздний час, веранда почти опустела. Бульвер пожелала Спольдингу покойной ночи и ушла.

Эврика!

После того как Спольдинг узнал, чем занимается Бульвер, он потерял к ней всякий интерес, как к «сфинксу без тайны».

Месяц спустя после разговора с Бульвер Спольдинг однажды, возвращаясь домой в ва-

гоне подземной железной дороги, прочитал в газете:

«Концерну Бэкфорда угрожает крах».

Спольдинга интересовало все, что касалось возвышения и падения людей — от судьбы Наполеона до истории миллионов Ротшильда и Рокфеллера. И он внимательно прочитал газетную заметку. Оказалось, что Бэкфорд был одним из «гегманов» — профессионалов-шутников, нечто вроде французских конферансье. Это Спольдинг знал. Но дальше для него были новости. Оказалось, что «торговля смехом» поставлена в Америке на широкую ногу. Выдумывание острот — такой же «бизнес», как и изготовление шляп или запонок. И крупнейшим «концерном» такого рода являлось предприятие мистера Бэкфорда — «первого гегмана в Америке». Он придумывал и продавал остроты, писал скетчи, юмористические номера для музыкальной комедии, для работников эстрады, клоунов и комиков театра. Нажив на этом небольшое состояние, он начал покупать и перепродавать чужие остроты, собирать и систематизировать «мировые запасы смехотворения» — юмористические книги, исторические анекдоты, граммофонные пластинки с юмористическими записями. Его каталог содержал более сорока тысяч острот, шуток, анекдотов. Весь материал систематизировался по темам, пронумеровывался, каталогизировался. Любую

шутку можно было найти в течение двадцати секунд.

Каждый год каталог пополнялся на три тысячи номеров. Чтобы отобрать первые сорок тысяч, Бэкфорду пришлось просмотреть более трех миллионов шуток и остроумий. Заказчик требовал, чтобы в программах, составленных Бэкфордом, слушатель смеялся не менее восьмидесяти раз в час. Бэкфорд перевыполнил это требование: слушатели смеялись от девяноста до ста раз, а в самых лучших программах даже — рекордная цифра — сто двадцать раз в течение получаса. По теории Бэкфорда, зрители и слушатели не гонятся за новыми шутками, которые к тому же трудно изобретать. Все, что требуется от профессионала, — умело подобрать старые остроумия.

Теория эта как будто оправдывалась жизнью, по крайней мере дела «концерта» шли успешно. Бэкфорд оброс «дочерними» предприятиями: кино, мюзик-холлами и прочими и даже обзавелся банком. И вдруг все это солидное здание начало давать трещину за трещиной. По необъяснимой причине слушатели и зрители смеялись все реже и реже: семьдесят, шестьдесят, сорок, двадцать раз в продолжение часа вместо восьмидесяти, девяноста, ста «обязательных». Сбыт сокращался...

Почему? Спольдинг задумался. Быть может, Бэкфорд не учел изменившихся обстоятельств?

Кризис. Общее тревожное настроение в стране и во всем старом мире. Чувство неустойчивости, неуверенности. Бэкфорд был грубый практик. Он не пытался ответить на вопрос теоретически. Заглянуть, вскрыть природу смешного. Изучить психологию современного зрителя, слушателя, читателя. Меняются люди, меняется их отношение и к смешному. То, что смешило вчера, вызывает сегодня недоумение. Понятие смешного подвижно и разнообразно. Но какие-то общие принципы смеха должны существовать. Быть может, они сводятся к пяти-шести основным «формулам». И если их найти и умело применять сообразно людям и обстоятельствам, люди начнут смеяться безотказно. А почему же нет? Надеется же Бульвер найти принципы прекрасного!! И если да, то... ведь это же золотые россыпи! Бэкфорд был и остался мелким кустарем. Он не понял, что смех не только валюта, но и могущественная сила. Как заманчиво обладать секретом смеха, заставлять хохотать всяких людей при всяких обстоятельствах!

У Спольдинга даже руки похолодели. Что же надо делать? Во что бы то ни стало вырвать у смеха его тайну. Изучать вопрос теоретически и практически. И затем действовать. Нет основного капитала! Для начала можно предложить свои услуги этому гегману и банкиру Бэкфорду, а потом...

Спольдинг так увлекся, что хлопнул ладонью по газете и неожиданно для себя крикнул на весь вагон:

— Эврика!

Соседка испуганно посторонилась, а Спольдинг, взглянув в окно, вновь вскрикнул, но уже от досады на себя: задумавшись, он проехал пять лишних остановок. Под смех пассажиров он кинулся к выходу.

С того дня Спольдинг засел за работу...

Путь к славе

Спольдинг сделал пометку на полях толстой тетради, походил по комнате, достал с книжной полки том Марка Твена, раскрыл заложенную страницу и прочитал подчеркнутые карандашом строки:

«Есть ли у вас брат? — Да, мы звали его Билль. Бедный Билль! — Он, значит, умер? — Этого мы никогда не могли узнать. Глубокая тайна витает над этим делом. Мы были — покойный и я — близнецы, и когда нам было две недели от роду, нас купали в одной, лохани. Один из нас утонул в ней, но никак нельзя было узнать который. Одни думают, что Билль, другие, что я...»

Спольдинг засмеялся, тотчас нахмурился, за-

думался. Бросил на стол томик Марка Твена и снова зашагал по комнате.

— В чем тут секрет смешного?

Спольдинг открыл книгу Анри Бергсона «Смех». «Смешной является косность машины там, где должны быть подвижность, внимание, живая гибкость человека. Человек, действующий как мертвый автомат. Вот один из секретов смешного. Человек бежит по улице, спотыкается, падает. Прохожие смеются. Человек занимается своими повседневными делами с математической правильностью. Но вот какой-то злой шутник перепортил окружающие его предметы. Человек погружает перо в чернильницу и вытаскивает оттуда грязь, думает, что садится на крепкий стул, и растягивается на полу...»

«А ведь это верно! — удивляется Спольдинг. — Ведь это же стандарт всех комических трюков наших американских кинокартин! Однако мне необходимо испытать действенность этого на отдельных людях. Кстати, вот стул со сломанной ножкой, вот...»

Миссис Адамс подошла к двери и с любопытством заглянула в замочную скважину. Спольдинг стоял перед зеркалом и делал страшные гримасы. Стук в дверь отвлек его внимание.

Кто бы это мог быть? Ну, конечно, это миссис Адамс идет справиться, не нужно ли мне чего. Испытаем на ней.

— Войдите!

Миссис Адамс открывает дверь. Спольдинг делает навстречу ей несколько шагов. На полпути ноги у него заплетаются, и он глупо во весь рост растягивается на полу. Но миссис Адамс не смеется. Она истерически вскрикивает и бросается к Спольдингу.

— Вы ушиблись? Что с вами? Боже, я так испугалась!..

— Ничего, ничего, легкое головокружение, миссис. Садитесь, прошу вас, в кресло. Я тоже присяду. Голова еще кружится.

Спольдинг садится на стул со сломанной ножкой и, идиотски вытаращив глаза, с грохотом падает на пол. Адамс окончательно испугалась. Растерянно заметалась.

— Вы больны, мистер, это совершенно очевидно. И лицо ваше изменилось, оно страшно искажено, неподвижно. Такое лицо бывает у... очень больных!

Увы, смешная, как казалось Спольдингу, гримаса вызвала не смех, а испуг.

Когда, наконец, хозяйка ушла, Спольдинг бросился к своим книгам. В чем причина неудачи?

Ему казалось, что он нашел объяснение: для смеха необходима нечувствительность к объекту смеха. Но в том-то и дело, что к нему, Спольдингу, миссис Адамс равнодушна. А можно ли рассмешить влюбленную в тебя женщину? Конечно, можно. Надо только найти секрет...

Понемногу он одолевал тайну смешного.

Скоро Спольдинг стал «душой общества», собиравшегося на веранде (он вновь начал появляться там). Возле него неизменно раздавался смех.

— Мы не знали, что вы такой веселый, — говорили пансионеры.

Веселых любят, и Спольдинг чувствовал растущие к нему симпатии.

Постепенно он ставил себе все более трудные задачи: смешил угрюмых, больных, чем-либо огорченных и расстроенных людей. У него еще были неудачи, ошибки, но он все легче исправлял их, зато были и настоящие победы. В пансионе Адамс появился новый жилец, отставной офицер Баллонтайн, человек необычайно мрачного характера и исключительных жизненных неудач. Говорят, только за последний год он потерял половину своего состояния, левую ногу и жену, покинувшую его из-за невыносимого характера. Притом он болел печенью и отличался необычайной раздражительностью. Никто не видел его не только смеющимся, но и улыбающимся. И вот такого человека Спольдинг решил рассмешить. Об этом знали все, кроме самого Баллонтайна, заключались крупные пари. Спольдинг уже вступал на арену смехотворца-профессионала.

Как будто не обращая внимания на старого брюзгу, Спольдинг начал демонстрировать свои

испытанные номера. Баллонтайн сидел на низкой софе, обняв скрещенными пальцами колено здоровой ноги, и смотрел на Спольдинга черными сердитыми глазами. Кругом все покатывались со смеху, у Баллонтайна хоть бы мускул дрогнул на лице. Ставившие на Спольдинга начали уже с беспокойством перешептываться: быть может, Баллонтайн глух, как никогда не смеявшийся дядюшка в рассказе Марка Твена?

Но тут неожиданно Баллонтайн взорвался. И взрыв его смеха был похож на пушечный выстрел, причем по законам отдачи его корпус откинулся назад, а затылком он так больно ударился о стену, что на несколько минут потерял сознание: ему прикладывали холодные компрессы и давали нюхать спирт.

Торжество Спольдинга было полное.

Веранда становилась тесна для его экспериментов. И он решил поработать гегманом в мюзик-холле. У него уже была солидная теоретическая подготовка, какой не имеют артисты, и у него был собран большой материал остроумия и анекдотов всех времен и народов. Не мудрено, что успех пришел к нему сразу, а за успехом и довольно крупные заработки. Спольдинг щедро расплатился с миссис Адамс и, к ее величайшему огорчению, переехал на новую квартиру в центре города.

Получив солидную теоретическую и практическую подготовку, Спольдинг решил предложить

свои услуги Бэкфорду. Спольдинг уже имел некоторую известность, и ему без особого труда удалось проникнуть к Бэкфорду, поговорить и убедить взять его к себе в качестве «научного консультанта».

Спольдинг рьяно принялся за работу. Ознакомился с каталогом «шедевров мировых остроумий и шуток», с граммофонными пластинками, кинотекой. Дело Бэкфорда было рассчитано на массовый сбыт, и потому Спольдинг принялся изучать среднего американца — его вкусы, его натуру. Нужно было выяснить, почему рекордные программы Бэкфорда не вызывают прежнего смеха и чем можно вновь вызвать этот смех. От изучения толпы, массового среднего американца Спольдинг перешел к изучению отдельных людей, типичных представителей отдельных классов и групп населения. Рассмешить безработного, рабочего, служащего, находящегося под страхом увольнения; домовладельца, оставшегося без жильцов, лавочника без покупателей; антрепренера пустующего театра. Рассмешить голодного калеку, арестанта, меланхолика. Рассмешить человека, придавленного заботой, охваченного беспокойством, тревогой. Рассмешить всех их — значит рассмешить среднего американца, от природы здорового, склонного к оптимизму и юмору.

После упорного труда Спольдингу удалось разрешить задачу.

— Вы даже мертвого заставите рассмеяться, Спольдинг! — говорил довольный своим консультантом Бэкфорд.

Можно было заняться расширением производства. И здесь Спольдинг проявил большую изобретательность.

Он расширил круг клиентов, заказчиков, обновил «ассортимент товара», изобрел новые сорта и виды продукции. Рекламные проспекты с приложением «образцов товара» рассылались актерам театра и кино, драматургам, писателям, журналистам, адвокатам, конференсье, цирковым клоунам, врачам, тюремщикам, педагогам, профессорам, парикмахерам, даже настоятелям церквей различных вероисповеданий.

«Смех как метод лечения!» — при этом приводились примеры и авторитетные заключения ученых. «Веселый парикмахер привлекает клиентуру!» — история мистера Гопкинса, парикмахера, разбогатевшего после того, как он стал пользоваться услугами концерна Бэкфорда. «Клиент м-ра Бэкфорда мистер Г. очаровал своими веселыми шутками мисс Н., богатую и красивую девушку, и женился на ней». «Театр, где не перестает звучать смех, никогда не имеет пустых мест — убедительные примеры».

Рекламы производили свое действие, спрос увеличился. К некоторому удивлению самого Спольдинга, он завербовал довольно много кли-

ентов среди церковных проповедников, которые как-то умудрились соединить земной грешный смех с небесной елейностью.

Появились в продаже новые пластинки фирмы Бэкфорд с записью неотразимых выступлений Спольдинга, пластинки — открытые письма с анекдотами и смешными песнями, коробки с вызывающими смех сюрпризами, фокусные смехотворные сигары, папиросы, конфеты, бинокли, стереоскопы, игрушки, зеркала, карлики, зверюшки, делающие неожиданно забавные движения или производящие смешные звуки. В ловких руках Спольдинга смех, подобно мифическому старику Протею, принимавшему разнообразные облики, становился то словом, то звуком, то красками, то формами, то тем и другим вместе. Неожиданный успех — большой доход — принесло последнее изобретение Спольдинга — уличные «киоски смеха», где прохожие за дешевую плату могли в пять минут насмеяться досыта. Они выходили оттуда со слезящимися от смеха глазами и веселыми восклицаниями. Это было лучшей рекламой, и возле киосков всегда толпились очереди.

Дела Бэкфорда поправились и быстро пошли в гору. Он был вполне доволен Спольдингом, но Спольдинг не был доволен своим хозяином. В свое время между ними был заключен такой договор: Бэкфорд платит Спольдингу ежемесячную твердую плату. Сверх этого, как только

доходы Бэкфорда начнут расти, Спольдинг получает два процента — всего только два процента! — с суммы новых, добавочных доходов. Но чем больше росли доходы, тем меньшее желание проявлял Бэкфорд соблюдать договор. Бэкфорд не хотел платить два процента.

Между Спольдингом и Бэкфордом уже произошло несколько крупных столкновений. Бэкфорд даже сам провоцировал их: скорее можно будет отказаться от Спольдинга, который, по мнению Бэкфорда, был уже не нужен.

— Ну, так не будьте в претензии на меня, мистер Бэкфорд! — однажды во время такого спора воскликнул Спольдинг. — Я спас вас от разорения. На моем смехе вы нажили новые капиталы и, несмотря на свои обещания, теперь отказываетесь выдать мою часть. Так знайте же, что я сумею смехом отобрать у вас свою долю смеха, превращенную в деньги!

— Поистине это самая неудачная шутка из моего пятидесятитысячного каталога шуток и острот, — презрительно улыбаясь, ответил Бэкфорд.

— Посмотрим, для кого она будет неудачной! — угрожающе возразил Спольдинг.

После этого Спольдинг надолго уединился, производя какие-то новые опыты.

И вот...

Вверх дном

Грузное тело мистера Бэкфорда, судорожно сотрясаясь, перевалилось через подлокотник кресла. Лицо искажено гримасой истерического смеха. Шея покрыта крупными каплями пота. Пухлая рука с массивным перстнем на безымянном пальце беспомощно свесилась, касаясь персидского ковра. Бэкфорд пытался сесть прямо, но припадок мучительного смеха снова свалил его на сторону.

Чрезвычайным усилием воли мистеру Бэкфорду, наконец, удалось приподняться и сесть прямо, откинувшись на спинку кресла.

Раскаты смеха слышались все реже, как удаляющаяся гроза. Мистер Бэкфорд начал приходить в себя, но еще не смог толком сообразить, что, собственно, произошло.

Через полуоткрытую дверь из соседней комнаты, где помещался секретариат, доносились странные, нелепые, приглушенные звуки не то смеха, не то рыданий, всхлипывания, тяжелые вздохи, стоны, отрывочные фразы и снова смех.

Наваждение какое-то!

Бэкфорд машинально посмотрел на письменный стол, покрытый толстым зеркальным стеклом. На нем лежала чековая книжка с торчащим белым корешком. Бэкфорд собственной

рукой вписал в чек «десять миллионов долларов», расписался, оторвал чек от корешка и отдал Спольдингу. Бледно-синее лицо Бэкфорда становится сизым, щеки лиловыми. Новый взрыв лающего смеха вдруг переходит в неистовый рев взбесившегося осла. В ответ на этот рев в соседней комнате застонали, завывали, залаляли, зафыркали, закашляли, заохали, захотали на разные голоса, но никто не пришел на помощь. Быть может, им самим нужна была помощь. Эта мысль помогла Бэкфорду окончательно овладеть собой — ведь он был могущественным главой фирмы, владельцем небоскреба, он был могущественным господином для всех этих подневольных безденежных людей.

Бэкфорд постарался восстановить в памяти происшедшее, но это не легко было сделать, когда по сто первому этажу билдинга Бэкфорда пронесся тайфун безумия и все перевернул вверх дном. Был знаменитый «мертвый час» Бэкфорда — от восьми до девяти утра, когда он в полном одиночестве составлял план дневной кампании — кого пускать на дно, с кем заключить временный союз, кому нанести сокрушительный удар. Если бы одновременно провалились нью-йоркская, парижская и лондонская биржи вместе с государственными банками, если бы Луна упала на Землю, никто не мог, не смел, не имел права вторгаться в его кабинет и нарушать час священнодействия.

И вот сегодня... Бэкфорд уже ориентировался в «дислокации» международных финансовых сил и принялся набрасывать краткие, но точные приказы своим директорам, агентам, биржевым маклерам, подкупленным чиновникам министерства финансов, редакторам газет, как вдруг — он не поверил своим ушам! — в соседней комнате личного секретаря послышался непристойный шум, который мог нарушить стройное течение его мыслей, тем самым причинив Бэкфорду огромные убытки. Вслед за шумом раздался уже совершенно неприличный смех. Это было равносильно бунту, мятежу.

Глава фирмы уже протянул руку к «сигналу тревоги», как вдруг дверь резко открылась, волны безумного смеха заполнили огромный кабинет. В дверях стоял этот негодяй Спольдинг в сером костюме и соломенной шляпе. Бэкфорд немного откинул назад свою круглую голову и взглянул на незваного гостя тем испытанным ледяным, пронизывающим взглядом, от которого приходили в смущенье самые закаленные пройдохи и прожженные дипломаты.

Спольдинг выдержал этот взгляд и вдруг сделал какую-то легкую, но невероятно смешную гримасу, какой-то легкий жест, придавший неотразимый комизм всей фигуре, и сказал всего одну фразу. Сейчас Бэкфорд не мог даже вспомнить ее — нечто совершенно неожидан-

ное, абсолютно неподходящее к месту и времени, но, быть может, именно потому до такой степени забавное, что Бэкфорд вдруг расхохотался таким непосредственным, заразительным смехом, каким не смеялся со времени своей далекой молодости. Спольдинг, не снимая шляпы, быстро прошел по ковру расстояние от двери до письменного стола, встал возле стола, оперся рукой на стеклянную поверхность и в паузе бэкфордовского смеха сказал:

— Не угодно ли, хозяин, закончить наши расчеты? Потрудитесь подписать и выдать мне чек на десять миллионов долларов!

Бэкфорд на секунду перестал смеяться и с испугом посмотрел на Спольдинга — не сошел ли тот с ума: смешить первого гегмана столь же нелепо, как угощать конфетами фабриканта конфет!

Спольдинг улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, вы будете достаточно благоразумны. Нет? — Снова мимическая игра и какая-то новая фраза, вызвавшая у Бэкфорда неудержимый смех.

— Чек пишите на предъявителя.

Бэкфорд засмеялся, забился, как птица, попавшая в силки. Протянул руку к звонку, но припадок судорожного смеха парализовал движение. Все мышцы совершенно ослабели. Тело словно обмякло. С тоской глянул в открытую

дверь — оттуда помощи ожидать не приходилось: машинистки и секретари корчились в пароксизмах смеха, словно в предсмертных судорогах страшной эпидемической болезни... А Спольдинг, этот злой гений смеха, продолжал терзать тело и нервы мистера Бэкфорда. Астматического телосложения босс начал задыхаться и прохрипел:

— Миллион!

— Десять и один! — ответил Спольдинг.

— Два!

— Десять и два! — набавил Спольдинг.

Бэкфорд превращался в кисель. Он так смеялся, что глаза закатывались, губы синели, в боках кололо и не хватало дыхания. Упрямство могло кончиться плохо. Бэкфорд попросил пощады. Он готов подписать чек на десять миллионов, но не может сделать этого: у него дрожат руки. Спольдинг перестал смешить, Бэкфорд отдышался и подписал чек. В конце концов это и не так страшно: Бэкфорд успеет сообщить в банк, чтобы деньги не выдавали.

Спольдинг небрежным жестом положил чек в карман, приподнял соломенную шляпу и отпустил на прощанье такую шутку, которая сделала Бэкфорда неспособным к каким-либо действиям на время, необходимое Спольдингу, чтобы спокойно уйти.

...Глубоко вздохнув, как человек, проснувшийся после кошмарного сна, Бэкфорд посмотрел на циферблат больших часов, стоявших в углу кабинета. К удивлению банкира, оказалось, что визит Спольдинга продолжался всего восемь минут и со времени его ухода прошло не больше минуты. Спольдинг должен был находиться еще в лифте. Бэкфорд схватил телефонную трубку, позвонил в банк, помещавшийся двумя десятками этажей ниже, и приказал немедленно арестовать предъявителя чека на десять миллионов долларов.

— Денег не выдавать! Чек подложный! Ха-ха-ха! О, дьявол! Вы не обращайте внимания, что я смеюсь. Это нервное... ха-ха!

Затем на тот случай, если Спольдинг не явится в банк за получением денег лично, Бэкфорд позвонил к начальнику охраны, помещавшейся в первом этаже:

— Немедленно поставить стражу у всех дверей! Ха-ха-ха-хо! — снова расхохотался Бэкфорд, вспомнив Спольдинга. — За... за... ха-ха-хо!

«Тысячу чертей! Так он успеет убежать!...» Наконец ему удалось выговорить вторую фразу:

— Арестуйте молодого человека в сером костюме и в соломенной шляпе. Спольдинга! Знаете?! Фу, теперь можно посмеяться. Хо-хо-хо-хо! Так. Довольно. Хо-хо-хо! Довольно!

Бэкфорд позвонил личному секретарю. В кабинет вошел высокий худой человек, согнувшийся, как полураскрытый перочинный нож. Он смеялся мелким, залихватским смехом, и тело его дергалось, будто чья-то сильная рука трясла его, как игрушечного паяца. На полпути до стола секретарь совершенно скис от смеха и обессиленный уселся на ковер. Глядя на секретаря, Бэкфорд хмурился все больше и вдруг захохотал сам.

Секретарь поднялся. Шатаясь, как пьяный, добрался до столика с графином воды. Попытался налить воду в стакан, но руки дрожали.

Позвонил телефон, Бэкфорд снял трубку. Первое, что он услышал, был смех — буйный, неудержимый, с верещаньем. Бэкфорд побледнел. Этот серый дьявол Спольдинг, очевидно, успел заразить эпидемией смеха и первый этап.

Басовый смех заменился теноровым — пискливым, ребячьим или женским. Видимо, разные люди пытались говорить, но смех мешал им. Бэкфорд грубо выругался и бросил телефонную трубку.

Лишь через три часа ему удалось узнать подробности происшедших событий, о которых, впрочем, он уже догадывался. И в банке и в вестибюле пытались, но неудачно, задержать Спольдинга. В банке к нему подошли три

полисмена, но, словно сраженные пулей, через секунду они уже корчились на полу в судорогах смеха. Спольдинг принудил смехом кассира выдать деньги, смехом проложил себе путь в вестибюле среди многочисленных полицейских домашней охраны и благополучно ушел из билдинга, унося в боковом кармане серого костюма десять миллионов долларов.

— Нет, это не человек, это сатана! — прошептал Бэкфорд.

Глава фирмы был огорчен потерей крупной суммы денег, возмущен дурацкой ролью, которую ему пришлось играть, и все же он не мог не чувствовать чего-то похожего на уважение к Спольдингу. Уже то, что мистер Смех потребовал не тысячу, не миллион, а десять миллионов, поднимало его над толпой мелкотравчатых авантюристов.

Но оставить этого нельзя. Подарить ни с того ни с сего десять миллионов — не таков мистер Бэкфорд.

И Бэкфорд начал звонить в полицию, в прокуратуру, своим агентам.

Король смеха

В несколько часов Спольдинг — «мистер Смех», как уже прозвали его журналисты, — получил

мировую известность. Вернее, мировую огласку получило необычайное происшествие в небоскребе Бэкфорда. Но о самом мистере Смехе, о его прошлом, о его личной жизни знали очень мало. Корреспонденты вспоминали, что под именем мистер Ризус (мистер Смех) подвизался на лучших эстрадах мюзик-холла некий юморист, чрезвычайно быстро делавший карьеру. При одном его выходе весь зрительный зал заливался гомерическим хохотом, и мистера Ризуса уже тогда называли Королем смеха. Однако он, пролетев ярким метеором, исчез с эстрады так же внезапно, как и появился. О нем забыли, дальнейшей судьбой его не интересовались.

И вот теперь мистер Ризус, Король смеха, так внезапно напомнил о себе.

Армия юрких корреспондентов и стая полицейских ищеек бросились по городу разыскивать следы Спольдинга. К удивлению самих следопытов, эти следы разыскались очень просто.

Оказалось, Спольдинг снимает прекрасный особняк почти в центре города. Дом стоит посреди сада, окруженного красивой железной оградой, через которую хорошо видны дом и все дорожки английского сада. Сюда и устремились толпы журналистов, фотографов, кинооператоров.

Железные ворота и калитка оказались на запоре. На звонки никто не выходил.

Не прошло и пяти минут, как юркие люди с ловкостью обезьян перелезли через железную ограду и ринулись к дому. Но тут случилось необычное. Стены дома превратились в экран дневного кино, а на экране появился Король смеха. В то же время заговорили репродукторы.

И «нападающие», роняя «вечные» перья, блокноты и фотоаппараты, уже катались по земле в судорогах смеха. Некоторые, закрыв глаза и уши, смогли подойти к дверям дома, но двери были закрыты. Да и невозможно же интервьюировать с закрытыми глазами и ушами!

Атака была отбита. Армия журналистов с позором ретировалась.

Столь же печальна была судьба и полицейской атаки. Все полисмены падали в саду, сраженные смехом.

Старый работник полиции, предводительствовавший отрядом, выкинул белый флаг — платок. К его удивлению, экраны погасли и рупоры замолчали. Наступило нечто вроде перемирия. Начальник направился к дому. Двери перед ним открылись.

Вернулся он минут через десять, взволнованный, задумчивый, с загадочной улыбкой на

лице. Карман его френча сильно оттопырился. Он отдал своей разбитой армии приказ об отступлении. В тот же день он доложил по начальству и сообщил об этом журналистам, что мистер Смех непобедим. Единственно возможная война с ним — воздушная. Но не бросать же с аэроплана стокилограммовые бомбы в центре города.

...Город взволнован. А виновник всего переполоха спокойно сидел в глубоком кожаном кресле, курил сигару, вспоминая пройденный путь, и подводил итоги.

Спольдинг, наконец, богат. У него прекрасный отель в городе и вилла в горах. Яхта, аэроплан, автомобили... Чего не хватает ему? Жены! Ему нужна блестящая жена. Вот если бы миссис Файт! Красавица двадцати четырех лет, вдова. Владелица миллионов, фабрик и заводов. Богатейшая невеста мира. Так пишут газеты. Почему бы не завоевать смехом ее сердце и ее состояние? Это, конечно, может быть квалифицировано как принуждение, даже насилие, разбой, вымогательство. Но не все ли равно?

И Спольдинг начал разрабатывать свой новый план. Справиться с Бэкфордом было легче: Спольдинг хорошо знал Бэкфорда. О миссис Файт он знал только по газетам. Приходилось собирать дополнительные сведения через частных агентов. Файт была крупной ставкой, и

надо сделать все, чтоб не проиграть этой ставки.

Через несколько дней все было готово. Спольдингу удалось проникнуть во дворец Файт. Удалось обезоружить, повергнуть в прах и личную стражу: лакеев, камеристок. Разыскать в бесконечной анфиладе комнат миссис Файт.

Когда Спольдинг вошел, Файт курила египетскую сигару, вставленную в золотой мундштук с сапфировым наконечником. На ней было газовое стеклянное платье, розовые туфли из обезьяньей кожи с брильянтовыми пряжками.

— Не согласитесь ли вы, миссис Файт, выйти за меня замуж? — спросил Спольдинг и снабдил это предложение легкой остротой. Файт звонко рассмеялась, но тут же быстро ответила:

— Перестаньте смешить меня, Спольдинг! Вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж? Так в чем же дело? Какая женщина откажется стать женой Короля смеха? Я согласна. И я не привыкла откладывать своих решений.

Спольдинг был так ошеломлен этим неожиданно быстрым согласием, что забыл о продолжении своей «атаки смехом». Он стоял неподвижно с полуоткрытым ртом и, быть может, в первый раз был смешон, не желая этого.

Энергичная женщина быстро взяла инициативу в свои руки. Она позвонила. На звонок вошла седая старушка, похожая на придворную статс-даму.

— Мадам Анжело, — сказала Файт по-французски, — прошу вас немедленно вызвать сюда пастора Гоббса. Распорядитесь, чтобы подали авто. Протелефонируйте Джонсу. Через час мы вылетаем в Сан-Франциско. Три пассажира. Вес... ваш вес?

— Восемьдесят пять, — автоматически ответил Спольдинг.

— У меня семьдесят, у пастора сто. Итого двести пятьдесят пять. Багаж двадцать. Всего двести семьдесят пять. Передайте эти цифры Джонсу. Предупредите, чтобы масла и бензина хватило на весь путь.

Отпустив мадам Анжело и обратившись к Спольдингу, миссис Файт сказала:

— Пастор Гоббс повенчает нас в небе. Не правда ли, это очень оригинально? Вся Америка будет говорить об этом. А в Сан-Франциско мы пересядем на нашу яхту и...

Файт нажала вторую кнопку. Вошла камеристка.

— Мадлен! Скорее пальто и шляпу! Для авто.

Когда Спольдинг немного пришел в себя от неожиданности, мысли его лихорадочно заработали. Почему Файт согласилась так скоро? Не хитрость ли это? А почему ей и не быть

искренней? Разве Спольдинг не молод, не красив? И разве он не герой дня? А миссис Файт — Спольдинг хорошо знал об этом — была в высшей степени тщеславной женщиной. Ее богатство обеспечивало выполнение всех ее прихотей. И лучшим, самым любимым ее удовольствием было читать о себе в газетах. Вся Америка должна была знать, как она выглядит в новом платье, что ей подавали на обед, какие духи она заказала в Париже, какие кружева в Брюсселе, во сколько обошлась ей новая ванная комната розового мрамора. Предложение Спольдинга могло очень подойти к ее тщеславным планам. Согласившись на брак, она может вскоре покинуть его, а потом рассказать об этом интервьюерам, и вся Америка будет смеяться над ним, Королем смеха! Как ловко миссис Файт обманула его! Или она может выйти за него замуж, а потом изобразить себя жертвой насилия. Тоже сенсация! И снова Спольдинг окажется в смешной роли. Или — чем не сенсация — Файт выходит замуж за Короля смеха в небесах. Неделью, месяц газеты будут пережевывать это событие. Потом она бросит его, разведется с ним, хотя бы на том основании, что не хочет находиться под вечной угрозой быть засмеянной до смерти.

Мысли Спольдинга начали путаться. Он готовился к страшной борьбе, собрал все свои

«смехотворные возможности», все силы своих нервов. Он находился в состоянии напряженной боевой готовности... И вдруг эта неожиданная разрядка. Эта столь внезапная капитуляция врага превращала его победу в поражение. Какое потрясение! Что делать, что делать! Нет, черт возьми, он не согласен! И надо просто бежать!

Спольдинг сделал уже шаг по направлению к двери, но Файт следила за ним.

— Куда же вы? — Она ловко ухватила его за рукав и посадила в низкое кресло возле себя. Спольдинг занял это унижительное положение без звука протеста. Решительно с ним делалось что-то неладное. Во всем этом есть что-то... смешное, ужасно смешное.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — вдруг закатился Спольдинг таким заливчатым смехом, каким мало кто смеялся из его жертв.

— Что с вами? — спросила Файт, с удивлением глядя на Спольдинга.

— Как это?.. — вдруг начал он, почти на каждом слове прерывая себя смехом. — Как это говорил старик Бергсон? Остроумие часто состоит в том, чтобы продолжить мысль собеседника до той точки, где она становится собственной противоположностью, и собеседник сам попадает, так сказать, в ловушку, постав-

ленную его же собственными словами. Так у нас с вами и получилось! Вы понимаете?

— Ничего не понимаю, — ответила Файт.

Спольдинг закатился смехом еще более буйным. Затем вдруг перестал смеяться, как будто в нем что-то оборвалось. Он замолчал и стал серьезным, даже мрачным.

— Я, увя, понял сразу слишком много. И поистине я попал в ловушку, которую сам поставил. Я до конца понял секрет смешного, и смешного больше не существует для меня. Для меня нет больше юмора, шуток, острот. Есть только категории, группы, формулы смешного. Я анализировал, машинизировал живой смех. И тем самым я убил его. Вот сейчас я смеялся. Но мне удалось и этот смех анализировать, анатомировать, убить. И я, фабрикант смеха, сам больше уже никогда в жизни не буду смеяться. А что такое жизнь без шутки, без смеха? Без него — зачем мне богатство, власть, семья? Я ограбил самого себя...

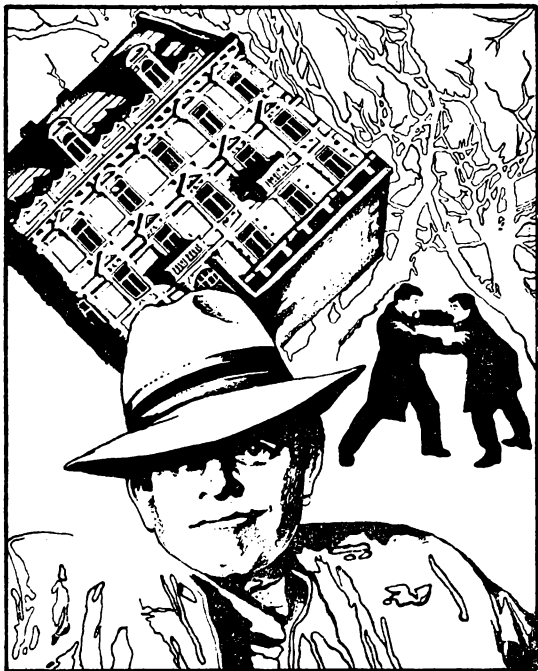
— О чем вы болтаете, Спольдинг? Придите, наконец, в себя! Или вы пьяны? — с раздражением воскликнула Файт.

Но Спольдинг, опустив голову, сидел неподвижно, как статуя, в мрачной задумчивости, не отвечая на вопросы, не обращая внимания на окружающих.

Его пришлось отвезти в больницу. Главный

врач нашел у Спольдинга душевное расстройство на почве крайнего истощения нервной системы. «Величайшие артисты-комики нередко кончают черной меланхолией», — говорил врач. Но его молодой ассистент, оригинал и любитель парадоксов, уверял, что Спольдинга убил дух американской механизации.

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ



I. Под старой липой

— Нет, трудно в наше время быть «собственным корреспондентом». Я, как говорится, выбит из седла и не знаю, о чем теперь писать. Вы помните мой рождественский фельетон? Я сделал любопытный подсчет, сколько десятков миллионов бутылок вина и шампанского выпили берлинцы за праздники и сколько сотен миллионов килограммов съели свинины и гусей. Немцам это показалось обидно. «А, он хочет доказать, что нам совсем не плохо живется и что, следовательно, мы можем гораздо аккуратнее платить военные долги?» Дело дошло до дипломатических осложнений. Мне пришлось объясняться и извиняться*.

— На таких фельетонах журналисты делают имя, — сказал Лайль, отпивая кофе.

— Разные бывают имена, — ответил Марам-

* Случай, имевший место в действительности в 1927 году.

балль. — Меня едва не отозвала редакция обратно в Париж. И я теперь решительно в затруднении. Нельзя же все время писать о новых постановках и выставках картин!

Приятели замолчали, занявшись завтраком. Каждое утро они встречались здесь, в Тиргартене*, занимали столик под старой тенистой липой, пили кофе и делились новостями. Марамбалль — собственный корреспондент газеты «Тан» — двадцатипятилетний молодой человек с черными усами и живыми, веселыми глазами, очень подвижный, беспечный и жизнерадостный, и Лайль — корреспондент лондонской газеты «Дейли телеграф», замкнутый, сухой, бритый, с неразлучной трубкой в зубах. Несмотря на разницу в характерах, они были большими друзьями. Даже профессиональное соперничество не портило этой дружбы.

Лайль допил кофе, выпустил клуб дыма и сказал:

— Ну что же, облюбуйте какой-нибудь берлинский Чарнинг-Кросс** и напишите теперь о бедноте.

— Благодарю вас. Меня, чего доброго, заподозрят в большевизме, и редакция уж наверное отзовет меня после такого фельетона.

* Тиргартен — общественный парк в Берлине.

** Чарнинг-Кросс — колоссальная арка в Лондоне, у которой собираются бездомные.

— Все зависит от того, как вы постройте фельетон.

— Ах, надоело мне это!.. Вы слышали новую негритянскую певицу мисс Глоу? Она выступает в цирке Буша. Уж действительно «глоу»*. От ее пения несет зноем африканской пустыни. Траляляляля! Изумительно! Непременно пойдите. И зачем только столь очаровательный голос она держит в черном теле! Эй, эфемерида, пожалуйста сюда!

Молодой грек, в белом костюме и соломенной шляпе, с черными, грустными, маслянистыми, большими глазами и орлиным носом, подошел к столику, раскланялся, церемонно подняв шляпу, и присел на край стула.

— Жарко, — сказал Метакса (так звали грека), обтирая влажный лоб шелковым платком.

— Как называется газета, в которой вы работаете? — спросил Марамбалль, подмигивая Лайлю.

— «Имера».

— Химера? /

— «Имера», что значит «день». Хорошая газета, афинская, шестьдесят тысяч тираж.

— Ого! И вы посылаете туда эфемериды? **

* Glow — жар, яркость, пыл (англ.).

** Эфемеридами в древней Греции назывались ежедневные отчеты о деятельности царей и полководцев.

Вот мы тут спорили с Лайлем, — и Марамбалль, опять подмигнул Лайлю, — каково первоначальное значение слова «комедия»?

— «Комос» значит «разгул», — серьезно отвечал Метакса, — «оди» — «песнь». «Комодоя» — веселое пение в честь Вакха-Дионисия*. Так произошло слово «комедия». — И, окинув журналистов ласковым взглядом, Метакса спросил: — Вы не знаете последней новости? Говорят, вчера подписано тайное соглашение между Германией и Советской Россией. О! Делиани!

Наскоро простившись, Метакса нагнал своего соотечественника, шедшего по дорожке с большой корзиной, наполненной шелковыми тканями.

— Из него никогда не выйдет хорошего журналиста, — сказал Марамбалль, глядя вслед удалявшемуся греку.

— Почему вы так думаете? — процедил сквозь зубы, не выпуская трубки, Лайль.

— Разве настоящий журналист станет говорить о такой крупной новости, как подписание тайного соглашения между державами, если уж ему удалось кое-что пронюхать первым? Да и журналист ли он?

— Метакса приехал в Берлин учиться, а для того чтобы иметь материальные средства, он

* Вакх, или Дионис, — в греческой мифологии бог плодородия, вина и веселья.

корреспондирует в какую-то греческую газету. — И, посопев угасавшей трубкой, Лайль продолжал: — Но вы ошибаетесь, считая его глупым. Он умнее, чем кажется, и хитрее нас двоих, вместе взятых. Если он разбалтывает, как вы полагаете, дипломатическую тайну, то у него, очевидно, своя цель.

Марамбалль задумался. Если бы ему первому удалось добыть сведения о тайном соглашении! Это сразу выдвинуло бы Марамбалля. До сих пор ему приходилось играть вторые роли: «аккредитованным»* представителем и корреспондентом газеты «Тан» был некто Эрмет, старый журналист и политический деятель. Он писал корреспонденции по наиболее важным политическим вопросам; на долю же Марамбалля оставались мелочи: театр, искусство, спорт, судебные процессы. Но Марамбалль был честолобив; притом он любил широко пожить. Немудрено, что он спал и видел во сне сенсации первостепенной важности, которые он, Марамбалль, сообщает изумленному миру. Фраза, мельком брошенная Метаксой о тайном соглашении, взволновала его. Это было в его духе. Если бы удалось вырвать эту тайну из недр министерства! Впервые за все время его дружбы с Лайлем Марамбалль по-

* Аккредитованный — на дипломатическом языке уполномоченный, облеченный доверием.

смотрел на своего товарища с опасением и тревогой.

«Только бы ему не пришла в голову мысль добывать эту чертову грамоту!»

Лайль поймал взгляд Марамбалля и, улыбаясь углами глаз, спросил:

— Что, задел вас Метакса за живое?

— Глупости, — равнодушно ответил Марамбалль. Он был смущен и зол на Лайля за то, что тот отгадал его мысль. Марамбалль повернулся на стуле, рассеянно посмотрел вдоль аллеи и вдруг весь встрепенулся. Широкая улыбка открыла его прекрасные белые зубы.

Мимо их столика шла девушка в легком сером костюме, с открытой головой, остриженной «под мальчика».

— Здравствуйте, господин Марамбалль, — приветливо ответила она на поклон. — Отец сегодня уезжает на заседание к министру. — И, весело улыбнувшись, она удалилась, помахивая стеклом.

Лайль, едва заметно улыбаясь, наблюдал за Марамбаллем, следившим за удалявшейся девушкой. И Марамбалль был вознагражден: она еще раз обернулась и кивнула ему головой.

— Какая вольность для немки, не правда ли? — сказал сияющий Марамбалль, поворачивая лицо к Лайлю. — Дочь первого секретаря министра иностранных дел Рупрехта Леера.

— Ого!

— Тип новой немецкой женщины послевоенной формации. Костюм, прическа, манеры, вы видели? Чемпион плавания, лаун-тенниса, поло. Тело Валькирии и голос Лорелеи! * Прекрасно поет. Имеет один только физический недостаток: тяжелую поступь. Вы заметили? Берлинка, ничего не поделаешь! Если бы сто первых красавиц Берлина прошли по этой дорожке церемониальным маршем, их ноги подняли бы не меньше шума, чем рота солдат.

— С этим недостатком можно мириться, если через сердце фрейлейн Леер лежит путь к тайнам кабинета ее отца, — глубокомысленно сказал Лайль.

«И зачем только такие догадливые люди бывают на свете!» — с досадой подумал Марамбалль.

— Для француза женщина всегда самоцель, — напыщенно ответил он. — Нас сблизила общая любовь...

Лайль выпустил густой клуб из заново набитой трубки.

— Любовь к спорту и пению. Представьте, она обожает Равеля, Метнера, Стравинского и...

* Валькирии — в скандинавской мифологии молодые, прекрасные девы, живущие в чертогах бога Одина, решающие судьбы битв. Лорелея — по древнему немецкому сказанию, нимфа, живущая на рейнской скале того же названия и пением своим увлекающая путешественников с целью погубить их.

французские шансонетки. И я обильно снабжаю ее этим легкомысленным жанром. — Посмотрев на часы, Марамбалль сказал: — Однако мне пора. Музы призывают меня. Иду писать очередной фельетон.

— Так не забудьте же посетить цирк Буша! Глоу! Огонь, жар, пламя, зной и кожа, блестящая, как ботинки, только что вычищенные компатриотом Метаксы.

II. Двойник Марамбалля

Марамбалль писал так же легко и непринужденно, как и жил: не углубляясь и не задумываясь о том, что выйдет. Иногда он удивлял редактора и самого себя блестящим фельетоном, иногда попадал впросак, как это было с его злополучным фельетоном о выпитых морях вина и горах съеденной берлинцами свинины. В работе для него было трудным только одно: сесть за стол. Вся его слишком живая, экспансивная натура протестовала, и ему было так же трудно засадить себя за стол, как ввести в оглобли необъезженную лошадь.

В этот день с ним было как всегда. Усилием воли он заставлял себя подойти к столу, но тотчас увертывался, проходил мимо, подходил к окну и, напевая веселую шансонетку, барабанил пальцами по стеклу. Потом он от-

крывал окно: душно. Потом закрывал его: мешает уличный шум. И при этом курил одну папиросу за другой.

Измерив комнату бесчисленное количество раз вдоль и поперек, он, наконец, перехитрил свою норовистую натуру: сделал посреди комнаты резкий поворот, подбежал к столу с видом человека, бросающегося в омут, и уселся в кресло, преисполненный решимостью.

Марамбалль взял в рот новую папироску и зажег спичку. Но тут случилось нечто, заставившее его забыть о фелъетоне и повергшее его сначала в недоумение, а потом и в ужас.

Спичка зажглась с треском, как ей полагается, но Марамбалль не увидел огня, хотя слух не мог обмануть его: спичка зажглась. Раздумывая над этим непонятным явлением, он продолжал держать спичку и вдруг вскрикнул от ожога. Марамбалль бросил спичку, отдернув руку. Теперь он тер рукой обожженный палец и в то же время продолжал видеть свою протянутую над столом руку со спичкой. Марамбалль в ужасе откинулся на спинку кресла и наблюдал эту «третью руку», в то время как его дрожащие руки покоились уже на коленях. Он сидел так неподвижно минут пять, пока новое явление не поразило его: он увидел, как вспыхнула, наконец, спичка в призрачной руке, как догорела и как отдернулась рука после ожога пальцев. Словом, он увидел то, что должен был

видеть, когда зажег спичку, но видел это с опозданием в пять минут. Марамбалль протянул руку и зажег лампу на письменном столе. Выключатель шелкнул, но огня не было, не видел Марамбалль и своей протянутой к лампе руки. Он почувствовал, как зашевелились волосы на его голове.

«Неужели я сошел с ума? И так неожиданно?» — холодея, подумал он. Быстро поднявшись с кресла, Марамбалль зашагал по комнате. Только теперь он обратил внимание на то, что из окна падал странный оранжевый свет. Марамбалль подошел к окну и взглянул на небо. Всего несколько минут тому назад он видел это летнее голубое безоблачное небо. Теперь от ласкающей глаза голубизны не осталось следа. Небо было страшного, оранжевого цвета. Улица погрузилась в сероватый полумрак, как это бывает во время неполного солнечного затмения. Листва деревьев почернела, а белизна домов покрылась густым синеватым оттенком, и дома показались Марамбаллю страшными, как лицо трупа. Марамбалль вернулся от окна и остолбенел от удивления, смешанного с ужасом.

Он увидел себя сидящим за столом. Двойник протянул руку к лампе и зажег ее. Вспыхнул синеватый свет под черным абажуром, хотя абажур был из зеленого стекла. Потом призрак Марамбалля поднялся из-за стола и бесшумно

зашагал по комнате, повторяя все движения Марамбалля номер первый, произведенные им за несколько минут до этого. Марамбалль-первый в ужасе всматривался в зеленоватое растерянное лицо Марамбалля-второго и инстинктивно прыгнул в сторону, когда Марамбалль-второй, шагая по комнате, направился прямо на него.

«Галлюцинация!.. Увы, я сошел с ума. Но неужели сумасшедшие сознают свое безумие и мыслят так ясно, как я?» — думал Марамбалль, следя за своим двойником, который в это время остановился в задумчивости посреди комнаты. Поразительно! Этот призрак выглядит так реально. И если бы не зеленовато-синеватый оттенок его лица, призрак ничем не отличался бы от живого человека.

«Не заговорить ли мне с ним?» — подумал Марамбалль. Но это было бы уже полным безумием. Марамбалль решился на иное. Он стремительно двинулся вперед на своего двойника и... прошел его насквозь. Теперь уже сомнения не было: Марамбалль галлюцинирует. Молодой человек постарался овладеть собой. Острота ужаса прошла, на смену явилось любопытство. Марамбалль обошел вокруг своего двойника и вдруг всунул свою голову внутрь оболочки призрака. Там было совершенно темно.

«Если бы я не сошел уже с ума, от всего

этого можно еще раз помешаться», — подумал Марамбалль, вынырнув из темноты призрака в багровый полумрак комнаты.

Из коридора раздался отчаянный крик хозяйки гостиницы, фрау Нейкирх, сорокалетней вдовы. Она кричала так, будто ее резали. Марамбалль, забыв о своей горестной судьбе, выбежал в коридор, сделал несколько шагов и ударился о невидимую мягкую преграду. Он протянул руки. Кто-то невидимый схватил его за плечи, и голос фрау Нейкирх простонал у самого его уха.

— О-оо! — В то же время он почувствовал, как грузное тело фрау Нейкирх упало на него. Марамбалль ощупью подхватил невидимую, но весьма ощутимую вдову за талию и, задыхаясь под непомерной тяжестью, потащил потерявшую сознание Нейкирх в свой номер. Он усадил ее на стул, но стула не оказалось там, где он его видел, и тело Нейкирх мягко шлепнулось на пол. Несчастная вдова, по-видимому, даже не заметила этого и не издала ни звука. Марамбалль ощупью нашел кресло, разыскал на полу тело Нейкирх и наконец усадил невидимую гостью в невидимое кресло. Потом он подбежал к столу и налил в стакан воды из графина. Несмотря на всю необычность положения, Марамбалль отметил, что вещи, которые не были сдвинуты с места, были хорошо видны и оказывались не призрачными. Но до-

вольно было стакан поставить на новое место, как он исчезал из поля зрения, глаз же продолжал видеть его там, где он стоял несколько минут тому назад.

«Во всяком случае, в моем безумии, как у Гамлета, есть какая-то система», — подумал Марамбалль уже не без юмора, стараясь найти стаканом рот бесчувственной вдовы. К Марамбаллю уже возвращалась его обычная жизнерадостность.

Пролив полстакана воды на невидимые рыжие завитушки волос и на широкую грудь Нейкирх, Марамбалль, наконец, бесцеремонно провел по лицу хозяйки ладонью, нащупал ее рот и влил в него воду. Столь энергичное наружное и внутреннее лечение оказало свое действие. Нейкирх икнула — это было первым проявлением жизни — и, продолжая икать, видимо, приходила в себя. И вдруг она опять истерически закричала:

— А-а-а! Вот, вот!.. Меня несут! Меня несут!.. О-о-о!..

Марамбалль оглянулся и увидел, что из двери Марамбалль-второй тащит в номер Нейкирх-вторую. Ее посиневшее лицо было откинута назад, рыжие волосы, завитые у висков, растрепались и были уже не рыжими, а синими, толстые ноги беспомощно волоклись по ковру, а Марамбалль-второй тянул ее грузное тело,

как муравей, взваливший на себя непосильную ношу.

«Как ему, должно быть, тяжело, бедняге!» — посочувствовал Марамбалль-первый Марамбаллю-второму.

Но Марамбалль уже не удивлялся. Он умел делать выводы и применяться к обстоятельствам. Главное же — он убедился, что не с ним одним приключилось такое несчастье: фрау Нейкирх проявляла то же безумие, что и он, но в еще более резкой форме. Судя же по необычайному шуму, который доносился из коридора и с улицы, помешательство, должно быть, было всеобщим. Как будто весь мир сразу превратился в сумасшедший дом. Отовсюду слышались крики, стоны и даже смех, не оставлявший никакого сомнения в том, что он исходил от безумного. От времени до времени с улицы через открытое окно слышался какой-то треск и новые взрывы криков и стонов. Марамбалль мельком заглянул в окно и увидел страшные картины: лежавшие на боку трамваи, обломки перевернутых автомобилей, темную кровь, разлитую по асфальту, и груды тел — мертвых и изувеченных; причем Марамбалль отметил, что крики слышатся не только в местах этих катастроф, но и там, где глаз ничего не видел.

«Еще не проявилось», — подумал Марамбалль.

А фрау Нейкирх продолжала кричать и всхлипывать.

«Нет, это не безумие, — подумал Марамбалль, — скорее какая-то необычайная катастрофа, если только все вместе взятое не кошмар, не безумный бред моего расстроенного воображения».

— Боже мой, Боже мой! — причитала фрау Нейкирх. — Что со мною? Что это делается?..

— Успокойтесь, фрау, — пытался ее утешить Марамбалль. — Поверьте, что это пройдет. Не могут же все люди сразу сойти с ума. Это не безумие, а просто так... чертовщина какая-то. Мы просто начали видеть не то, что есть, а то, что было пять-десять минут тому назад... Да, да, вот именно! — обрадовался Марамбалль, когда ему удалось свести все явления к одной причине. — Может быть, какой-нибудь новый газ появился в воздухе и изменил свойства нашего глаза, — пытался Марамбалль уяснить себе и Нейкирх необычайность происшедшей перемены.

— Нет, нет, — упорно говорила Нейкирх, — это конец... Конец света... Это светопреставление!.. Да, да. Какой ужас!.. Какой ужас!.. Я вышла из своей комнаты и вдруг увидела себя идущей по коридору в мою комнату. Я думала, что мое сердце лопнет от страха. Это к смерти! В нашем роду все видят своего двойника перед смертью...

— Но ведь вы видели и моего двойника. Да вот, посмотрите, сейчас вы видите, как я поливаю вам на голову воду и ишу ваш рот. А между тем вот пощупайте мои руки, в них нет стакана воды.

— Значит, и вы умрете. Все умрут... Это светопреставление. Я не могу жить в этом мире, среди призраков, видеть своего двойника, всюду следующего за мною. — И вдова Нейкирх разразилась истерическим смехом.

Марамбалль безнадежно махнул рукой.

— Вы слышите эти крики? — сказал он. — Там гибнут люди, и там моя помощь нужнее. Возьмите себя в руки.

— Нет, нет, не уходите! — вскрикнула Нейкирх, хватая воздух там, где она видела Марамбалля, ставящего на столик стакан воды.

III. В мире призраков

Прислушиваясь к шумному дыханию фрау Нейкирх, Марамбалль обошел то место, где она должна быть по его расчетам, снял с вешалки шляпу и, осторожно пробравшись вдоль стены по коридору, вышел на улицу и немедленно был сбит с ног каким-то невидимым существом.

— Однако можно быть повежливее, — сказал он призраку, поднимаясь с тротуара.

— Вежливость — призрак в этом мире призраков, — услышал Марамбалль чей-то голос и вслед за тем истерический смех.

— Иду! Иду! Иду! — предупреждал чей-то голос.

И Марамбалль посторонился.

«Публика быстро начинает приспособляться», — подумал он и пошел по тротуару, громко стуча подошвами и непрерывно повторяя, как гудок автомобиля:

— Иду, иду, иду!..

Отовсюду слышались эти предупредительные голоса, и улица гудела встревоженным шмелиным роем.

Несмотря на эти предупредительные голоса, прохожие то и дело насккивали друг на друга.

Мимо Марамбалля без единого звука промчался переполненный публикой трамвай. Марамбалль уже знал, что это «призрак» трамвая, прошедшего несколько минут тому назад.

Вслед за этим он услышал рев рожка и предупредительные крики:

— Осторожнее! Едет карета «Скорой помощи»!

Судя по звукам, она двигалась очень медленно. Марамбалль не слышал грохота невидимых трамваев, — очевидно, всякое движение было прекращено вскоре после наступления «светопреставления». Но оно наступило так внезапно, что не обошлось без катастроф.

Марамбалль видел столкнувшиеся трамвай и автобус. Трамвай сошел с рельсов и наехал на фонарный столб, а автобус лежал на боку. Марамбалль осторожно пересек улицу и подошел к месту катастрофы, чтобы помочь раненым; однако это оказалось очень трудным делом. Несколько раненых, к которым он участливо наклонялся, оказались пустым местом: раненые уже отползли в сторону. Марамбаллю пришлось рассчитывать не на зрение, а на слух и осязание. По стонам он разыскал несколько раненых и принес их к карете «Скорой помощи». Она, вероятно, стояла здесь уже несколько минут и была не призрачной.

Марамбалль чувствовал на своих руках теплую кровь, но не видел ни себя, ни раненых. Он мог только любоваться своим призраком, пробирающимся еще через улицу к месту катастрофы.

Какой-то мужчина стонал на его руках.

«Несчастный, — подумал Марамбалль, — как-то ему будут делать операцию, если необходима немедленная помощь? Он может изойти кровью, прежде чем «проявится» на операционном столе».

Это слово «проявляться», заимствованное у фотографов, очень нравилось Марамбаллю, так как оно точно передавало явление: все предметы делались видимыми только через не-

сколько минут, как изображение на проявляемой фотографической пластинке.

Марамбалль почувствовал, что проголодался. Он жил на Доротеенштрассе, в нескольких минутах ходьбы от Тиргартена. Но на этот раз ему пришлось идти довольно долго, пробираясь ощупью. Он извинялся, задевая плечом призраки, и наталкивался на невидимых живых людей.

«Однако который теперь может быть час?» — подумал Марамбалль, глядя на потускневшее солнце на багровом небе, склонявшееся к западу. По привычке он вынул часы и посмотрел на циферблат.

«Фу, черт возьми, никак не привыкнешь к этому сумасшествию!» — бранился он, глядя в пустоту. Он оглянулся и увидел большие часы на углу улицы. Стрелки стояли на пяти. Он сделал всего несколько шагов вперед, вновь взглянул на часы и удивленно остановился. Минутная стрелка указывала уже пять минут шестого. Еще несколько шагов вперед — и часы показывали десять минут шестого, как будто время начало бежать с невероятной быстротой. Марамбалль был так заинтересован этим странным поведением часов, что решил проверить их, отойдя назад. И что же? Время тоже как будто пошло назад. Пять минут шестого. Ровно пять. Марамбалль отошел на метр и увидел, что часы показывают уже без пяти минут пять.

Марамбалль свистнул.

«Ловко! Прогуливаясь взад и вперед, я могу по своему желанию распоряжаться временем: посетить прошлое, заглянуть в будущее и вернуться в настоящее. Но почему же я не видал своих карманных часов? Не потому ли, что в кармане темно?» — Марамбалль еще раз вынул свои часы и поднес их очень близко к глазам. Всего через две-три секунды он увидел циферблат и стрелки, которые показывали двадцать минут шестого. Он подошел к большим уличным часам и посмотрел на них. Они показывали четверть шестого.

Пользуясь тем, что его никто не видит, Марамбалль влез по столбу к самому циферблату и мог убедиться, что теперь и эти уличные часы показывали двадцать минут шестого.

— Теперь мне многое становится ясным, — сказал Марамбалль, предпочитая говорить вслух с самим собой, вместо того чтобы кричать все время «иду, иду». — Мои глаза видят то, что было примерно пять минут тому назад на расстоянии метра, десять минут назад — на расстоянии двух метров и так далее. Это слишком сложно, чтобы быть безумием.

Очевидно, что-то неладное произошло в самой природе.

Когда Марамбалль добрался, наконец, до ресторана, его ждало разочарование. Ресторан был закрыт. Марамбалль был постоянным по-

сетителем, и ему удалось выпросить у хозяина только черствый вчерашний пирожок.

— Однако, если так пойдет дальше, мы подохнем с голоду, — сказал Марамбалль, доедая пирожок.

— Последние времена, — вздохнул хозяин. — Это светопреставление.

«И он о том же», — подумал Марамбалль, вспомнив вдову Нейкирх, затем он спросил:

— Господин Лайль был у вас сегодня к обеду?

— Как всегда. Но он чувствует себя очень плохо. Его сильно помяли в автобусе. Он выглядит совсем больным.

— Но ведь вы не могли его видеть, — насторожился Марамбалль.

— Ну, разумеется, я видел его после того, как он ушел. Кто бы мог подумать, господин Марамбалль, что мы доживем...

Но Марамбалль уже не слушал его. Все в порядке. Хозяин ресторана видит так же, как и он, как и все.

— Сколько стоит пирожок?

Марамбаллю пришлось бы ожидать не менее пяти минут, чтобы увидеть безнадежный жест хозяина. Но интонация голоса и без этих внешних проявлений ясно свидетельствовала об угнетенном состоянии владельца ресторана в Тиргартене, а слова говорили еще яснее.

— Какие тут счета, господин Марамбалль! —

сказал он уныло. — С собой в могилу не возьмешь ни пирожков, ни платы за них. Кушайте на здоровье. Простите, что не могу ничем угостить вас больше. Я даже себе не сумел приготовить обеда: половина жаркого оказалась сырою, а половина сгорела. — И он еще раз безнадежно крикнул.

— Телефон действует? Мне нужно переговорить с Лайлем.

— Ничего не действует. Все разваливается. Лакеи перепились, винный погреб опустошен. Все идет прахом. И я.. я, кажется, сам напьюсь, если только эти подлецы оставили мне хоть каплю вина...

IV. Загадка света

Марамбалль возвращался к себе на Доротеенштрассе. Он уже больше не сомневался в том, что здоров. «Болен не я, а весь мир», — думал он и не мог решить, лучше это или хуже. Молодой человек радовался за себя, вернув уверенность в здравости своего рассудка. Но все же положение катастрофическое. «Нет, уж лучше бы я сошел с ума. Меня врачи, наверно, вылечили бы, а удастся ли им вылечить весь мир, заболевший каким-то странным недугом, — это большой вопрос».

Вернувшись к себе в номер, Марамбалль

быстро включил комнатный радиоприемник в надежде, что по крайней мере по радио он что-нибудь узнает о причинах необычайной катастрофы, разразившейся над миром. И он не ошибся.

Говорила станция Кенигсвустергаузена*.

«...Только высочайшее самообладание и дисциплина могут спасти город от паники, которая грозит самыми губительными последствиями. Граждане должны строжайше придерживаться новых правил уличного движения, памятуя, что несоблюдение их грозит смертельной опасностью. Город объявлен на осадном положении. Все попытки нарушения уличного спокойствия будут караться беспощадно на месте преступления».

«Хотел бы я посмотреть, как они будут ловить «преступников», — подумал Марамбалль.

«...О причинах, вызвавших катастрофу мирового масштаба, виднейшие ученые Берлина сообщают следующее. Ими установлено, что скорость света замедлилась. Вместо трехсот тысяч километров в секунду свет начал двигаться со скоростью всего шесть минут пятьдесят восемь секунд-метр. Как известно, мы видим окружающие предметы потому, что они отражают естественный, солнечный, или искусственный свет. Эти отражения проходят теперь примерно

* Мощная радиостанция под Берлином.

семь минут каждый метр расстояния. Следует упомянуть, что ученые — физики и астрономы — уже давно установили, что скорость света непостоянна. Она уменьшается почти на четыре километра в год. Однако при сохранении этой плавности скорость света могла уменьшиться до нуля только через семьдесят пять тысяч лет. Это слишком отдаленное будущее не могло, конечно, вселять тревогу. Уменьшение на четыре километра в год практически было неощутимо и могло влиять только на астрономические подсчеты там, где дело шло об измерении огромных пространств астрономических лет*. Поэтому ученые и не считали нужным предавать свои наблюдения об уменьшающейся скорости света широкой гласности.

Что касается причин внезапного замедления света, то ученым не удалось еще найти удовлетворительного объяснения. По мнению одних, наблюдавшееся в прошлые годы уменьшение скорости света только кажущееся: не скорость света уменьшилась, а увеличилась единица измерения времени — секунда — благодаря замедлению суточного вращения Земли. Однако против этой гипотезы и раньше делались возражения: замедления во вращении Земли наблюдаются периодически, то есть Земля то замед-

* Астрономический год — расстояние, проходимое светом в продолжение года.

ляет, то ускоряет до обычного свое суточное вращательное движение вокруг оси, тогда как скорость света уменьшалась равномерно. То же, что мы видим теперь, окончательно опровергает эту гипотезу: если бы уменьшение света было кажущимся и зависело от замедления Земли, то это означало бы такое замедление, которое сказалось бы и на увеличении силы тяжести (от уменьшения центробежной силы), чего, однако, мы не наблюдали.

Остается предположить, что Солнце в своем движении вступило вместе со всей солнечной системой планет в такие области мирового пространства, где скорость света более замедленная. Это может происходить или от свойств мирового эфира, или же от иной кривизны пространства — вообще говоря, от неоднородности и непостоянства межзвездных глубин.

Наконец, следует упомянуть, что изменение цветов произошло потому, что благодаря замедлению света весь спектр как бы передвинулся справа налево: голубой превратился в темно-оранжевый, зеленый в почти черный и так далее. Появились и новые цвета, ультрафиолетовые и лежащие правее их. Но невооруженным глазом они воспринимаются как темные или вовсе не воспринимаются.

Наука бессильна изменить явление такого космического порядка, как замедление света. Но примениться к новым условиям жизни мы

все же можем. К счастью для нас, столь резкое уменьшение скорости света не проявляет тенденции к еще большему уменьшению. Скорость света пока является величиной постоянной. Нам ничего больше не остается, как приспособиться к новым условиям существования и надеяться, что это явление преходящего характера».

Кто-то постучал в дверь.

— Войдите!

Скрипнула «закрытая» дверь, и в комнату вошло тяжелое дыхание тучной фрау Нейкирх.

— Добрый вечер, господин Марамбалль, — слышался ее голос, такой печальный, как будто она только что похоронила своего мужа.

— Добрый вечер, фрау Нейкирх. Ну, вот видите, все великолепно. Сейчас передавали по радио, что в общем ничего страшного нет. Маленькая заминка со светом. Солнце заехало в кривизну, и луч света не может протолкаться через эфир. Садитесь, фрау, только не мимо кресла. Вот, кажется, оно.

— Благодарю вас. Я тоже слушала радио, но ничего не поняла, а вы объяснили все так просто. Но все-таки в этом мире много непонятного... Я хотела спросить у вас, господин Марамбалль. Вот, например, газ. Я вскипятила воду и закрыла кран газовой горелки. Но газ продолжает гореть, хотя и не шипит. Скажите, пожалуйста, будет отмечать это счетчик?

Здесь я же не виновата, что газ продолжает гореть, хотя этот кран закрыт.

V. Дело № 174

Прошло несколько дней, и жизнь понемногу начала входить в новую колею. Фрау Нейкирх примирилась со своим двойником; повара в ресторанах как-то умудрялись «на слух, вкус и нюх» готовить кушанья и обслуживать посетителей; возобновилось и уличное движение, хотя оно происходило с чрезвычайной медлительностью; в том же замедленном темпе работали почта, телеграф и телефон.

Марамбалль и Лайль сидели на своем обычном месте за завтраком под густой липой в Тиргартене.

— А все-таки надо отдать справедливость немцам: их удивительная организованность сказалась в дни катастрофы с особой наглядностью. Берлин — первый город во всем мире восстановил нормальную жизнь, — говорил Марамбалль, обращаясь к образу Лайля, каким тот был пять минут назад. Впрочем, большой разницы между действительным и призрачным Лайлем не было, так как Лайль отличался неподвижностью в противоположность Марамбаллю, между жестами и словами которого не было никакой связи. Марамбалль-

первый заразительно смеялся, в то время как Марамбалль-второй сосредоточенно поглощал завтрак или закуривал папиросу.

— Интересно все-таки знать, чем все это кончится?

— Надо жить, чем бы ни кончилось, — ответил Лайль. — Перед наступлением тысячного года люди ожидали конца мира, и многие богачи завещали свое имущество церкви. Но конец мира не наступил. Пришлось судебным порядком требовать возвращения своего имущества. Говорят, в Италии одно такое судебное дело не окончено до сих пор.

— Да, и у нас во Франции был подобный случай, если память не изменяет мне, в 1499 году. На этот год великий астролог Стефлер предсказал повторение всемирного потопа, и тулузский президент Ориаль предусмотрительно выстроил себе новов ковчег. Однако не только потопа, но и наводнения не произошло *. К сожалению, — грустно сказал Марамбалль, хотя его призраком беззвучно смеялся, откинув голову назад, — у нас действительно произошло в некотором роде светопреставление.

— Человек умный все должен обращать себе на пользу, — вдруг услышали они чей-то голос.

* Исторические факты. Астрология — мнимая наука, которая считала возможным по положению звезд определять судьбу человека и предсказывать наступление событий.

— Эй, кто нас подслушивает? Однако теперь надо быть осторожным!

Невидимый посетитель ответил:

— Что же мне, гудеть, как автомобиль, при своем приближении? Не моя вина, что вы не видите меня.

— А, эфемерида! Здравствуйте. Садитесь на этот стул; он не сдвигался с места более десяти минут.

Метакса, однако, осторожно ощупал стул, прежде чем сесть. Эта осторожность входила в привычку.

— Жарко, — сказал Метакса.

— Удивительно, что вы из Греции, а постоянно жалуетесь на жару, — отозвался Марамбалль.

— В Греции — там еще жарче. — И, помолчав, Метакса продолжал: — Дело номер сто семьдесят четыре находится у первого секретаря министра, Леера.

— Что за дело? — спросил Марамбалль.

— О тайном соглашении между Германией и Россией, — ответил Метакса.

Марамбалль ощутил на своем лице клуб дыма из трубки Лайля.

— И что же дальше? — спросил Марамбалль.

— Ничего. Я только сообщил вам новость. Думал, может быть, будет интересно. И еще есть новость. Лейтенант барон фон Блиттер-

сдорф сделал предложение фрейлейн Вильгельмине Леер.

— Но ведь ее нет в городе! Откуда вы все это знаете? — горячо воскликнул Марамбалль. Эта новость поразила его; он густо покраснел и был очень рад, что Лайль и Метакса не видят его лица. Но, вспомнив о том, что они все же увидят его, Марамбалль постарался придать своему лицу равнодушный вид.

— И люди будут жениться и выходить замуж даже в день светопреставления, — процедил Лайль. — Вас это огорчает, Марамбалль?

— Нисколько, — поспешно ответил он. — Я не собирался жениться на фрейлейн Вильгельмине. Да, признаться, не очень и верю этой новости. Вильгельмина... фрейлейн Леер сообщила мне сегодня по телефону, что в момент катастрофы она была за городом и до сих пор не могла вернуться, так как всякое движение было прекращено. Она приедет только сегодня в шесть часов вечера. Когда же Блиттерсдорф мог сделать предложение? Во всяком случае, она сказала бы мне об этом.

— Блиттерсдорф сделал официальное предложение ее отцу, Рупрехту Лееру.

— Ну и пусть Блиттерсдорф женится на Рупрехте Леере, — со смехом отвечал Марамбалль, в душе очень озабоченный решительными действиями соперника.

Лейтенант Блиттерсдорф был давнишним пре-

тендентом на руку Вильгельмины, хотя больше пользовался успехом у ее отца, чем у нее.

Сама Вильгельмина не отказывала лейтенанту решительно, она отвечала на его предложение, что не думает о замужестве.

Марамбалль не лгал, уверяя, что он не собирается жениться на Вильгельмине, хотя она и нравилась ему; его планы не заходили так далеко. Получив возможность бывать в доме у Лееров и пользуясь ее дружеским расположением, Марамбаллю удавалось узнать раньше других корреспондентов кое-какие дипломатические новости. Правда, ничего крупного, сенсационного он получить не мог: дверь в деловой кабинет Рупрехта Леера была довольно плотно закрыта для него. Но все же это была приятная и полезная дружба. И вот теперь этой дружбе может наступить конец. Ревнивый и грубоватый лейтенант барон Блиттерсдорф, воспитанный в военной обстановке империи, конечно, не потерпит Марамбалля в качестве друга дома. Притом Вильгельмина, если выйдет замуж, переедет к мужу и этим самым наполовину потеряет ценность для Марамбалля.

«Черт возьми, надо на что-нибудь решиться крупное, — думал Марамбалль. — Да, Метакса явно наталкивает меня. Дело номер сто семьдесят четыре!.. Правда, мир сейчас занят иным. Но что, если «светопреставление» кончится так

же неожиданно, как оно началось? А лучшего времени не выбрать; надо воспользоваться случаем и раздобыть такой сенсационный документ. И тогда пусть Вильгельмина выходит замуж за своего барона, если это ей нравится...»

— Все эти соглашения потеряли теперь всякий смысл и ценность, — небрежно сказал Марамбалль. Вынув карманные часы, он поднес циферблат к глазам, подождал, пока он появится, и поднялся.

— Мне пора. Сколько с меня следует? — обратился он к лакею, принесшему кофе Метаксе.

Лакей подсчитал.

— Четыре марки. И еще одна марка за пирожок, который вы съели в тот день, когда ресторан был закрыт. Хозяин просил вас напомнить об этом должке...

Марамбалль вынул бумажник, подсчитал деньги, «проявляя» их у глаз, и всунул в руку лакея.

— Получайте. Очевидно, ваш хозяин раздумал умирать.

И, распрощавшись, Марамбалль ушел, потрескивая автоматической трещоткой, которая издавала негромкое, но характерное шелканье при каждом его шаге. Прохожие, которые еще не успели обзавестись этой новинкой, пре-

дупреждали о себе однообразным «иду, иду».

На всех перекрестках громкоговорители напоминали о правилах уличного движения.

Толпа на тротуарах двигалась не спеша, в строгом порядке, придерживаясь правой стороны. Полицейские на перекрестках от времени до времени трубили в рожок, приостанавливая движение трамваев и экипажей, чтобы дать возможность пешеходам перейти на другую сторону улицы.

Автомобили и трамваи двигались также очень медленно, непрерывно подавая сигналы звонками и гудками. Чтобы не мешать друг другу, все эти звуки были приглушены. На улице стало гораздо тише, чем раньше. У всех жителей города быстро обострился слух.

Уже никто не обманывался видом бесшумного призрачного трамвая, стоящего на остановке: все знали, что этот видимый трамвай давно прошел. Но, когда слышался шум подходящего невидимого трамвая, пассажиры шли на звук звонка, на ощупь находили входную площадку и, соблюдая строжайшую очередь, входили в трамвай. К счастью, столбы, указывающие места остановки, дома, как все неподвижные предметы, были хорошо видимы, хотя они и являлись «устаревшим» отображением вещей.

VI. Игра в жмурки

Несмотря на осадное положение и все принятые меры, в городе все же были случаи ограблений. И поэтому во всех домах были приняты меры предосторожности, чтобы вместе с жильцами в дом не проникали вору, пользуясь своею временной невидимостью.

Когда Марамбалль позвонил у дома Леера, швейцар осторожно приоткрыл дверь, держа ее на цепочке, и впустил Марамбалля, только узнав его по голосу. Марамбалль едва протиснулся в приоткрытую дверь, причем почувствовал, как швейцар легонько провел рукой по его спине, чтобы убедиться, что за Марамбаллем никого нет, и тотчас закрыл дверь.

— Фрейлейн Вильгельмина приехала? — спросил он, раздеваясь.

— Только что, — отвечал швейцар.

Марамбалль поднялся по лестнице, устланной черным ковром, — до «светопреставления» он был красным, — вошел в большую гостиную и огляделся.

Вильгельмина, в дорожном костюме, с небольшим чемоданом в руке, стояла у раскрытой двери в кабинет Леера и говорила с отцом. Вернее, бесшумно шевелила губами. Потом отец так же беззвучно что-то сказал ей, потрепал по щеке и ушел к себе, закрыв дверь

кабинета. Вильгельмина быстро прошла в свою комнату, в правую дверь.

Марамбалль находился в затруднении. Он знал, что видел минувшие события. Но вернулась ли уже в гостиную Вильгельмина?

Его вывел из затруднения голос Вильгельмины, раздавшийся из столовой. Она запела, потом, очевидно услышав шум приближающихся шагов, прекратила пение и спросила:

— Кто здесь?

— Здравствуйте, фрейлейн, — сказал Марамбалль, осторожно пробираясь в столовую. — С приездом!

— А, это вы, Марамбалль, здравствуйте! — Девушка пошла навстречу гостю.

— Не правда ли, интересно? Весь мир играет в прятки. Ну, где же вы?

И, смеясь, она вертелась около него, как будто не могла найти. А Марамбалль беспомощно разводил руками, хватая воздух.

— Через пять минут, когда вы проявитесь, я буду смеяться, наблюдая ваш глупый вид, — продолжала она забавляться. — Ну, вот моя рука, держите, — наконец смиростивилась она.

Молодые люди сели у стола.

— Как давно мы не виделись! — сказал Марамбалль. — Это было еще в старом мире, когда люди видели настоящее, а не прошлое. Как провели вы время у фрейлейн Алисы?

— Великолепно, — отвечала девушка. — Сна-

чала мы все очень испугались. А потом нашли, что это даже интересно. Но, Марамбалль, это начинает мне надоедать. Прощай лаун-теннис! Мы больше не можем играть в эту чудесную игру!..

— Есть «игры» поважнее, — сказал Марамбалль. — На многих фабриках и заводах прекратилось производство. Если это продлится, мы переживем ужасные времена.

— Придумают что-нибудь, — беспечно ответила Вильгельмина. — Научатся работать «вслепую». Ведь работают же слепцы. И вообще не портите мне настроения. Представьте, у подруги мы играли в пушбол. Это было что-то невероятно комическое!

— Да, люди приспособляются ко всему, это правда. Сегодня впервые открываются даже театры. В опере идет «Фауст».

— Воображаю, что́ это будет. У нас абонемент. Заезжайте за мной, и отправимся вместе в нашу ложу.

— А я хотел предложить вам место в партере, это ближе к сцене, если только вы снизойдете до партера.

— Снизойду, — ответила Вильгельмина. — Идем в партер. Но как же музыканты будут читать ноты?

— Артисты и оркестр будут исполнять на память. Каждый из них отлично знает свою партию. Зрелищное восприятие, конечно, не

будет совпадать со слуховым. Но с этим надо примириться.

— А что же будет с нашей музыкой и пением, Марамбалль?

— Мы будем разбирать ноты, как близорукие, и учить на память.

— Вы принесли новые романсы?

— Принес, — ответил Марамбалль, наблюдая за тем, как «призрак» Вильгельмины вошел в столовую, переодетый в розовое кимоно. Только теперь Марамбалль узнал, как одета сидящая с ним Вильгельмина.

— Дайте же мне, — протянула девушка руку.

— Извольте, — ответил Марамбалль, незаметно выходя в гостиную.

— Но где же вы?

— Вот здесь, неужели вы не видите меня? — смеялся Марамбалль, повторяя ее игру в прятки. Надо сказать, что эта игра очень понравилась ему. Марамбалль начал бегать по гостиной, а Вильгельмина преследовала его. Марамбалль увлекался все больше. И вдруг, когда посреди комнаты она поймала его, Марамбалль обхватил девушку и крепко поцеловал.

Вильгельмина вырвалась из его объятий.

— Сумасшедший!

В тот же момент они услышали знакомые прихрамывающие шаги лейтенанта Блиттерсдорфа. На войне он был ранен в ногу и с тех пор прихрамывал.

От веселости Марамбалля и Вильгельмины не осталось и следа. Лейтенант явился, как статуя командора, и молодые люди стояли смущенные, подобно дон Жуану и донне Анне. Правда, командор еще ничего не мог видеть. Он мог только слышать подозрительный шум. Но протекут минуты — и вся картина «проявится»... Одно спасение — увести лейтенанта из этой комнаты, пока прошлое не станет видимым «настоящим».

Вильгельмина, так же как и Марамбалль, уже хорошо знала, что чем ближе предмет, тем скорее он проявляется.

Она храбро бросилась навстречу приближающимся шагам, взяла лейтенанта за руку и попыталась обвести его вокруг комнаты, к двери в кабинет отца.

— Это вы, господин лейтенант, как кстати! — зашебетала она, дружески толкая лейтенанта. — Папа будет очень рад видеть вас, идемте к нему...

— Я, кажется, помешал, — хмуро отозвался лейтенант. — Здравствуйте, фрейлейн Вильгельмина, — и он остановился, чтобы поцеловать ей руку. Девушка ускорила эту церемонию и вновь повлекла за собой лейтенанта к спасительной двери.

— Почему вы ведете меня, э-э, таким кружным путем? — спросил лейтенант, опять останавливаясь.

— Я только что приехала и разбросала на полу свои чемоданы, мы можем упасть. Да ну же, какой вы неповоротливый! — тормошила она его.

— Но, может быть, ваш отец занят?..

— Да нет же, идемте.

Вот и спасительная дверь... Вильгельмина быстро постучалась, открыла дверь, не ожидая ответа отца, почти втокнула в кабинет лейтенанта и, бросив несколько фраз, ушла «прибрать чемоданы», плотно закрыв за собой дверь.

— Где вы? — шепотом спросила она, войдя в гостиную.

— Здесь, — так же тихо ответил провинившийся дон Жуан.

— Уходите скорей... противный!

Но Марамбалль не торопился. Его обуяло непреодолимое желание увидеть самому всю сцену игры в жмурки, а она уже начала проявляться: Марамбалль-первый то приближался, то удалялся. И когда он подходил ближе, то события шли ускоренным темпом, как будто кто-то быстрее пускал кинематографическую ленту. Когда он отступал назад, движения играющих в прятки замедлялись. Наконец, отступая с быстротою, превышающей скорость света, он видел события в обратном порядке. Вильгельмина сама была увлечена этим «фильмом». Опомнившись, она тихо спросила:

— Вы еще здесь?

— Здесь, — со сладким вздохом отвечал Марамбалль.

— Да уходите же, безумный человек!

— Сейчас, только досмотрю самое интересное.

Марамбалль, подвигаясь взад и вперед, нашел момент поцелуя и начал медленно — со скоростью света — отступать к двери. И прозрачная пара как будто застыла в поцелуе.

— Изумительно! — сказал он у двери. — А в оперу мы все-таки поедem!

Марамбалль услышал, как Вильгельмина в нетерпении топнула ногой.

— Иду, иду! — И Марамбалль вышел, прикрыв дверь.

На лестнице навстречу ему поднималась тень грозного командора — лейтенанта Блиттерсдорфа. Его рыжие распушенные усы были подняты вверх, как у Вильгельма Второго.

— Фу, проклятое привидение! — выбранился Марамбалль. И он демонстративно прошел сквозь призрак лейтенанта, двинув плечом воображаемого соперника.

Когда Марамбалль ушел, новое беспокойство овладело Вильгельминой. Она знала, сколько опасных неожиданностей таит в себе новый порядок вещей. Вильгельмина тихо подошла к закрытой двери в кабинет отца и тронула ее рукой. Опасение Вильгельмины оправдалось

закрытая дверь была на самом деле открыта. Это, очевидно, проделка лейтенанта. Он мог открыть ее после того, как Вильгельмина вышла. Теперь весь вопрос был в том, дошло ли отражение сцены игры в жмурки до лейтенанта, сидящего в кабинете отца... Вильгельмина зашла сбоку и прикрыла дверь. Подойдя через несколько минут вновь к двери в кабинет, она опять нашла ее открытою. Стать у двери и загородить своим телом видение? Но она не могла «загородить» того отражения, которое уже было впереди нее. В отчаянии девушка ушла в свою комнату и заперлась.

Вильгельмина волновалась не напрасно.

Лейтенант, заподозрив неладное, принял свои меры. Поздоровавшись с Леером, он поставил кресло против двери и открыл ее. Скоро начала проявляться вся сцена игры в жмурки. Тогда лейтенант заговорил с отцом Вильгельмины о Марамбалле.

— Я, конечно, далек от мысли давать вам советы, господин Леер, — сказал он, — но мне кажется, что посещения вашего дома иностранным корреспондентом, притом французом, не совсем удобная вещь при вашем официальном положении. Притом отношения Марамбалля к фрейлейн Вильгельмине могут вызвать превратные толкования и повредить репутации вашей дочери...

— Мне самому не нравятся эти визиты. Но

что же я могу поделать? Шальная девчонка... Будь бы жива ее мать, — со вздохом сказал Леер, — все было бы иначе. Я не сомневаюсь, что их отношения носят вполне невинный характер. Спорт, музыка...

— Вполне невинный? — лейтенант тяжело задыхался. — А вот не угодно ли взглянуть в гостиную!

Леер поднялся из-за письменного стола, подошел к двери и воскликнул от изумления.

Они увидели финал игры в прятки. Среди гостиной беззвучная тень Марамбалля целовала призрак Вильгельмины. От ревнивого взора лейтенанта не ускользнуло, что Вильгельмина не очень быстро оторвалась от губ молодого человека, и в ее негодовании не было искренности.

Кровь медленно залила все лицо лейтенанта.

— Я... убью его! — тихо, но решительно сказал лейтенант. — Вызову на дуэль и убью.

Леер вернулся к столу и, ошеломленный виденным, тяжело опустился в кресло.

— Да, это ужасно... Она обманула мое доверие... Но как же вы будете «драться» с ним на дуэли?

— В открытую или «вслепую» — все равно. На пистолетах. До решительного результата.

— А если он откажется от дуэли?

— Я убью его. Теперь это можно сделать проще, чем раньше.

Разговор не вязался. Лейтенант скоро откланялся и направился к двери.

Вильгельмина слышала, как он шел, и подумала: «Он не простился со мною! Сердится! Конечно, он видел все. Но видел ли отец?»

В ту же минуту послышался голос отца:

— Вильгельмина, иди сюда!

Между отцом и дочерью произошел длинный и чрезвычайно неприятный разговор.

VII. Последнее свидание

Не без волнения вечером подъезжал Марамбалль к дому Вильгельмины. Удалось ли ей скрыть «следы преступления»?

Он позвонил и спросил швейцара, дома ли фрейлейн Вильгельмина.

— Уехали! Не принимают! — сердито ответил швейцар и тотчас же захлопнул дверь.

Марамбалль протяжно свистнул.

— Дело дрянь! «Уехали и не принимают». Это похоже на отказ от дома...

Он все же надеялся встретить Вильгельмину в опере и поехал туда.

Осторожно пробравшись во второй ряд, Марамбалль уселся в кресло и начал осматривать ложи. Но ложа Лееров была пуста. «Может быть, она еще не проявилась?» — не терял Марамбалль надежды, думая о Вильгельмине.

Сосед слева задел его плечом и пробормотал извинение.

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Мы все слепые, а слепому трудно не задеть другого, — с французской болтливостью ответил Марамбалль. И в ту же минуту он услышал, как кто-то шепчет ему на ухо:

— Простите! Я хотел только убедиться, вы ли это. Сегодня господин первый секретарь Леер уезжает к министру ровно в десять. А дело номер сто семьдесят четыре будет лежать у него на столе.

— Метакса! Вы как сюда попали?

— Так же, как и вы, — отвечал грек.

В этом действительно не было ничего необычайного: места корреспондентов находились в одном ряду. Метакса, очевидно, только принял меры к тому, чтобы оказаться по соседству с Марамбаллем.

— Послушайте, — сказал Марамбалль, — что вы, наконец, гипнотизируете меня все время делом номер сто семьдесят четыре? Что вам от меня нужно?

— Тс!.. — И, наклонившись к самому уху Марамбалля, Метакса сказал: — Вы же сами знаете, что на этом деле можете заработать. У меня есть свои люди в доме Леера, и я знаю все, что там делается. Но мне труднее обделать это дело, чем вам. Вы свой человек в доме.

Под плавные, торжественные звуки увертюры Метакса продолжал развивать свой план:

— Я сообщил вам об этом деле, я направил вас, и вы заработаете тысячи. Ну, а мне за это дадите только одну тыщонку марок...

Мысль Марамбалля заработала. Метакса прав. На этом деле можно заработать. Да, не вовремя Вильгельмина затеяла игру в жмурки!.. Если бы не этот роковой поцелуй!.. Положение очень осложнилось. Нужно ли давать этому греку за комиссию? Марамбалль постарается добыть секретное дело, но делиться с Метаксой он не намерен.

— Во-первых, вы напрасно стараетесь, господин Метакса, — зашептал Марамбалль в ухо соседа. — Все, что делается в доме Лееров, я знаю не хуже вас. И о деле номер сто семьдесят четыре я узнал гораздо раньше, чем эту «новость» сообщили мне вы. А во-вторых, я больше не собираюсь бывать в доме Лееров.

— Лейтенант не пускает? — язвительно спросил грек, поняв, что Марамбалль увиливает от дележа.

— Это касается только меня, — сухо ответил Марамбалль.

«Какая некультурность!» — возмущался он бестактным вопросом грека, искренне забывая о том, что сам ведет нечистую игру.

Увертюра окончилась. Со сцены уже слышался голос Фауста, а занавес казался еще

закрытым. И только когда Мефистофель на зов Фауста отозвался: «И я здесь!» — для первых рялов спектакль начался. Между пением, игрой артистов и оркестром не было никакой связи. Задние ряды увидели открытие занавеса только к антракту первого акта. «А последнее действие галерка будет досматривать, как немую сцену, после окончания оперы... Пропала опера!»

В середине второго акта Марамбалль осторожно вышел и направился к выходу. Оглядываясь назад, он видел как бы повторение действия в обратном порядке. Но это уже не интересовало его.

Он вернулся к себе и позвонил по телефону Вильгельмине.

Она оказалась дома, но разговор с нею не доставил ему особого удовольствия.

— Отец и лейтенант видели все, — говорила она. — Мне пришлось выдержать очень неприятную сцену с отцом. И было бы лучше, господин Марамбалль, — ее голос дрогнул, — если бы вы не показывались в наш дом по крайней мере некоторое время, пока все не уляжется.

Она не имела решимости отказать ему сразу.

Марамбалль был в полном душевном смятении, выслушав из ее уст этот приговор.

Отказ в такой момент, когда ему, как никогда раньше, нужно было быть в доме Лееров! Завтра будет уже поздно. Дело номер 174 бу-

дет погребено в стальном сейфе, или же оно попадет в руки какого-нибудь Метаксы. Медлить нельзя. Душу Марамбалля одновременно обуревали и другие чувства. Поцелуй острой отравой проник в его сердце, а в голосе Вильгельмины, говорившей по телефону, ему чудилась печаль. Быть может, она любит его? В эту минуту ему казалось, что и он также безумно любит ее. И с неожиданной для самого себя страстью он начал умолять ее принять его в последний раз, «чтобы проститься навеки».

В спортсменском сердце Вильгельмины, вероятно, были оборваны еще не все струны сентиментализма. Искренний тон Марамбалля, видимо, тронул ее. Она колебалась, а он, вздыхая и охая в телефонную трубку, поддавал жару.

— Только взглянуть... В последний раз!

— Но отец приказал швейцару не принимать вас, — в отчаянье призналась она.

— О, это ничего не значит! — оживился Марамбалль. — Я пройду со стороны сада, вы откроете мне дверь...

— Но в саду сторожа; вы знаете, теперь везде усиленная охрана.

— Старожа, наверно, не отдан приказ не пускать меня; наконец, я сумею пробраться мимо них... Только взглянуть!..

— Ну, хорошо. Но приходите скорее, пока отец не вернулся.

Марамбалль бросил трубку и завертелся по комнате, ища разбросанные шляпу и перчатки.

«Бог всесильный, бог любви! Ты услышь мою мольбу!..» — пропел Марамбалль и бросился по коридору, едва не сбив с ног фрау Нейкирх.

Марамбалль благополучно проскользнул мимо сторожей и незаметно вошел в дом. Он пробрался в гостиную и остановился, едва слышно кашлянув.

— Я здесь, — тихо ответила Вильгельмина, — у рояля.

Марамбалль сделал несколько шагов и вновь остановился в нерешительности. Он так спешил, что не обдумал плана действий. Изобразить ли ему безутешного влюбленного или же, пользуясь случаем, пробраться в кабинет, похитить дело и бежать? Женщина или деньги? Несколько секунд он переживал сильнейшую борьбу. Но в конце концов он решил, что Вильгельмина все равно потеряна для него, и потому надо покончить с делом номер 174.

Но, даже решившись на это, он все же не мог поступить слишком вероломно по отношению к Вильгельмине. Да это было бы и неосторожно.

«Обидеть женщину не только некрасиво, но и опасно. Женщины умеют мстить». И Марамбалль выбрал средний путь. Он метнулся в кабинет, нагнулся над освещенным столом, на-

шел дело номер 174, сунул его под жилет и выбежал в гостиную. Все это заняло не больше полминуты.

— Да где же вы? — спросил он несколько громче.

— Здесь, — тихо отвечала Вильгельмина.

— А мне почудилось, что вы говорите из кабинета, и я прошел туда. Вы не можете себе представить, как я сожалею о том, что случилось!.. Нет, не так. Я в восторге от того, что случилось, но сожалею о том, что наша шалость обнаружена... Я... — Он хотел сказать «я люблю вас», но, почувствовав, что папка с делом готова выскользнуть из-под жилета, положил руку несколько ниже сердца и, прижимая жилет, продолжал: — Я всегда буду помнить о вас... — «А вдруг она скажет, что любит меня?» — в ужасе подумал Марамбалль. «Нет, сейчас не время распускаться». И, найдя ее руку, Марамбалль почтительно поцеловал кончики холодных пальцев.

— Прощайте, Вильгельмина!

Девушка сделала движение и вздохнула. Быть может, она была недовольна его слишком примерным поведением и почтительностью?.. Опасаясь проявления ее нежных чувств, которые могли задержать его и сыграть роковую роль, Марамбалль тяжело вздохнул, отошел от Вильгельмины и, прошептав еще раз: «Прощайте!», побежал к двери.

Он ликовал. Наконец-то на его груди покоилась сенсация, которая поразит мир и даст ему возможность широко пожить! Его карьера ловкого журналиста будет обеспечена.

VIII. Погоня

Марамбалль так размечтался, что забыл о всякой осторожности и, пробегая садовую дорожку, с разбегу налетел на кого-то. Он упал на землю вместе с неизвестным человеком.

— Стой! Кто это? — слышался голос сторожа.

Марамбалль, прижимая левой рукой драгоценную папку, попытался подняться, закрывая правой рукой свое лицо: он не забывал о проявлении. К счастью для него, в саду было темно. Сторож ухватил Марамбалля за ногу и звал на помощь. Марамбаллю удалось ударом другой ноги сбить руку, державшую его за ногу. Он поднялся и побежал.

Поднялась суматоха. Слышались тревожные свистки, крики, отовсюду бежали люди. Марамбалль бросился к воротам сада, сбил с ног еще одного сторожа и выбежал на улицу, продолжая прикрывать свободной рукой лицо. Через несколько минут его фигура проявится, и преследователи побегут за призраком. Теперь они могли гнаться только вслепую, за

топотом убегающих ног. Марамбаллю надо было «замести следы», пробежав какое-нибудь темное пространство. Он решил направиться в близлежащий Тиргартен. Выбежав на тротуар, Марамбалль врезался в уличную толпу, двигавшуюся ему навстречу, и вопреки всем правилам уличного движения помчался вперед, сбивая прохожих. Он нагнул голову и, как разрушительный таран, пробивался сквозь толпу, оставляя позади себя крики, стоны, вопли и проклятия. Упавшие люди служили ему заграждением, задерживающим его преследователей. Это облегчало положение Марамбалля, но, с другой стороны, ему невыгодно было оставлять за собой такой «шумовой хвост», который давал преследователям легкую ориентировку.

В полумраке сада в это время проявилось очертание его фигуры, и подоспевшие полицейские бросились по горячим следам, преследуя призрак бегущего человека. Они не могли определить во время преследования, имеют ли дело еще с призраком или уже с живым человеком, и потому все время принуждены были схватывать воображаемого преступника, но их руки разрезали пустое пространство. Несколько раз, впрочем, им удалось кого-то поймать. Часть преследователей останавливалась с задержанными призраками в ожидании их проявления; но полицейских ждало разочарование: первым

из задержанных проявился глубокий старик, вторым — пастор. Только двоих молодых людей отвели в участок для обыска и выяснения личности. Все это очень затрудняло погоню, но она не прекращалась.

Скоро Марамбалль услышал характерный звук сирены. Это был уже всем известный сигнал полиции, преследующей преступника. По звуку сирены уличное движение на тротуарах приостанавливалось. Прохожие прижимались к стенам домов, чтобы освободить путь для быстро следующего отряда полиции.

Марамбалль пересек улицу, добежал по свободному от толпы тротуару до угла и свернул. Здесь уличное движение еще не прекращалось. У самого тротуара один за другим двигались автомобили. Марамбалль, прислушиваясь к их движению, выбрал ближайший, вспрыгнул на подножку автомобиля и ввалился в кузов. В автомобиле слышались испуганные женские голоса.

— Тысячу извинений, — сказал Марамбалль, убедившись, что голоса не принадлежат знакомым. — Я едва не попал под ваш автомобиль и принужден был вскочить в него.

Такие случаи действительно бывали, и в автомобиле, услышав любезный, извиняющийся голос Марамбалля, успокоились.

Когда автомобиль поравнялся с Тиргартеном, Марамбалль бесшумно спрыгнул и побе-

жал по траве, минуя освещенные дорожки, в полумрак деревьев. Он делал петли, как заяц, и одно освещенное место пробежал даже задом наперед, чтобы сбить своих преследователей.

Голоса погони отставали, но Марамбалль продолжал кружить по парку. Он пробежал всю левую сторону Тиргартена до Зоологического сада. В совершенно темном уголке он неожиданно налетел на мирно сидящую парочку. Марамбалль подошел сзади к сидящему молодому человеку и, прежде чем тот успел что-либо сообразить, снял с его головы шляпкотелок и надел ему свою клетчатую кепку: его кепка проявилась и уже должна быть известна преследователям.

Затем он исчез в густых тенях деревьев, пролез под пустующим ресторанным киоском, вышел из сада и кружным путем отправился на противоположную сторону Берлина — в Трептов-парк.

Побродив по темным уголкам этого парка, он, наконец, решил, что окончательно замел следы. Но все же из осторожности он не решился вернуться домой с драгоценной папкой. Если только кому-нибудь из преследователей удалось узнать его, полиция, наверно, нагрянет с обыском. Куда спрятать на время дело номер 174? Лайль! Лучшего не придумать. Лайлю на лето предоставил свою комнату его знакомый, служащий в английском посольстве. Прав-

да, здание посольства находилось в конце Унтер-ден-Линден, рядом с Тиргартеном, совсем недалеко от места преступления Марамбалля. Но зато экстерриториальность посольства была лучшей охраной от вторжения полиции. Согласится ли, однако, Лайль взять на хранение такой документ? Можно обойтись и без его согласия! И, когда Марамбалль подъезжал к зданию посольства, у него уже был готовый план.

IX. Поздний визит

Марамбалля знали в посольстве, он не раз бывал у Лайля; и ему без особого труда удалось проникнуть на «английскую территорию».

Лайль был дома.

Марамбалль приготовился к быстрым действиям. Перед тем как позвонить, он вынул папку и заложил руку с нею за спину. Как только Лайль открыл дверь, Марамбалль, повернувшись, направился к кровати, отвернул матрац и сунул туда свое сокровище. Все это было сделано с таким расчетом, чтобы Лайль не заметил подкинутого дела, когда сцена появления Марамбалля проявится. «Под матрацем папка может пролежать благополучно несколько дней. А когда все уляжется, я таким же мане-

ром извлеку ее оттуда», — думал Марамбалль.

Засунув папку, он уселся на край кровати.

— Уф, ужасно устал! — сказал Марамбалль, прислоняясь к спинке кровати.

— Да вы куда уселись? — услышал он голос Лайля. — На кровать? Садитесь вот сюда, на кресло.

— Благодарю вас, дайте отдышаться. Я предпочитаю садиться на кровать. Эти кресла теперь предательская штука. Никогда не знаешь, стоят они на месте или нет. Я уже не раз падал, садясь в воображаемое кресло. А кровать всегда стоит на одном месте. Кровать надежная штука, — любовно похлопал Марамбалль по тому месту, где лежала заветная папка.

Где-то на башенных часах пробило полночь. Лайль выжидательно молчал.

Надо было придумать повод неожиданного визита.

— Я так взволнован, что не мог сидеть дома, — сказал Марамбалль, — и пришел к вам поделиться своими опасениями. Сейчас я был в астрономическом обществе. Один астроном делал доклад. Он предсказывает, что скорость света замедлится еще больше. Свет будет проходить один метр в двенадцать часов три секунды! Представляете себе, что это будет? Всю ночь по улицам и в учреждениях будут бесшумно толкаться дневные тени, а днем Берлин

будет казаться пустыней... Электричество надо будет зажигать рано утром, чтобы оно горело вечером, а гасить днем. Представьте, что будет делаться в рейхстаге по ночам! Освещенный зал, и призраки политических деятелей, вершащих судьбы миллионов... Нам, корреспондентам, днем придется слушать, а ночами снимать эти призраки. Или, скажем, банк. Как вы получите деньги, если кассир увидит вас и ваши документы только через несколько часов? И как убедиться, что вы получили действительно деньги, а не старые номера «Берлинер тагеблатт»? А промышленность? Она приостановится совершенно. Мы как бы ослепнем. Весь мир ослепнет. Это будет катастрофа, гибель, конец, смерть...

Марамбалль так увлекся, что сам себя напугал этими страшными картинами. Но, повернувшись на кровати, он вспомнил о драгоценной папке и, чтобы еще больше отвлечь внимание Лайля от настоящего, патетически закончил:

— Как ничтожны кажутся при свете — вернее говоря, при умирающем свете — все «великие» дела, хитроумные дипломатические соглашения и тайные договоры! Прах! Тлен!

Лайль, как истый англичанин, выслушал спокойно, не прерывая своего гостя. Только клубы дыма неразлучной трубки как будто стали гуще.

— Какой астроном говорил это? — спросил Лайль.

— Да этот, как его, вот на языке так и вертится. Не то Шварцброт, не то Буттерброт, никак не запомню эти немецкие фамилии.

— Странно, — процедил Лайль.

— Это скрывают, чтобы не волновать публику.

— Странно, я тоже был на заседании астрономического общества, — продолжал Лайль.

«Носит этого долговязого англичанина куда не надо!» — с досадой подумал Марамбалль.

— И все ученые единогласно утверждали, что, по их наблюдениям, скорость света за истекшие сутки возросла еще на четыре секунды на метр.

— Вот и поймите этих ученых! — широко развел руками Марамбалль. Он старался казаться равнодушным, но в душе эта новость, которой он еще не знал, чрезвычайно обрадовала его. «Тленная папка», на которой он сидел, увеличивала свою ценность с каждой секундой ускорения света и возвращения к нормальной жизни.

Опасаясь дальнейших вопросов Лайля о заседании астрономического общества, Марамбалль поспешил переменить тему.

— Вы меня утешили. А то, представьте, сижу в опере. Валентин поет «Бог всемогущий, бог любви», а на сцене в это время Мефистофель

занимается еще омоложением Фауста. Однако мне пора.

Поправив незаметно матрац, Марамбалль распрощался и ушел, нисколько не заботясь о том, что он подвергает друга серьезной опасности, скрывая в его комнате украденный документ.

Х. Пропавшие документы

Вильгельмина слыхала шум в саду, возникший после ухода Марамбалля, но она поняла это по-своему. Марамбалль, очевидно, не захотел назвать себя, чтобы не скомпрометировать ее еще раз своим тайным визитом.

«Да, он благороден, — думала девушка, покачиваясь на качалке. — И как удивительно он был сдержан со мною!.. Неужели он любит меня?..»

В душе Вильгельмины, чемпиона различных видов спорта, девушки с коротко стриженными волосами и юбкой, едва прикрывавшей колени, начали просыпаться уснувшие, казалось, навеки чувства ее сентиментальных бабушек и прабабушек, носивших парики и кринолины.

Тайное свидание... Несчастный любовник... Суровый отец... Соперник... Все элементы романа!

«Отец, конечно, не согласился бы на наш брак. Ну что же, тем лучше. Я бежала бы с

Луи, как моя прабабушка Каролина бежала с прадедушкой... Ницца, Сорренто, Алжир...»

Мечты девушки были прерваны топотом ног. Она почти с неприязнью встретила это вторжение двадцатого века в ее фантастический мир минувшей романтики, в особенности когда узнала характерное прихрамывание лейтенанта.

Вильгельмина знала, что на нее опять будет сделано «нападение». После рокового поцелуя отец долго и скучно проповедовал ей о морали, о правилах хорошего тона, о своем служебном положении, об ее обязанностях к нему, об ее легкомыслии и в заключение заявил, что он успокоится только тогда, когда она выйдет, наконец, замуж за лейтенанта.

«Лучшего мужа не найти. Он еще не стар, на отличном счету у начальства, имеет прекрасные связи, личный друг кронпринца... — Отец понизил голос, хотя они были одни в кабинете, и продолжал: — Республика не долговечна. Немецкий народ на стороне монархии. Германия должна вновь стать империей. Это неизбежно. И ты должна понимать, какие перспективы откроются тогда перед бароном Блиттерсдорфом!.. Ты должна быть благодарна, что он не отказался от своего предложения после всего, что произошло. Но он настаивал на том, чтобы бракосочетание было совершено возможно скорее, и я вполне понимаю его».

Тогда Вильгельмина ничего не ответила и молча ушла в свою комнату: она была слишком горда, чтобы оправдываться и принять «великодушие» лейтенанта. А отец еще долго убеждал ее «призрак», прежде чем убедился, что его дочери давно нет в кабинете.

И вот теперь они идут, идут за ответом... Они уже поднялись по лестнице. Слышались голоса отца и лейтенанта. Вильгельмина хотела убежать в свою комнату, но, вспомнив, что это бегство будет обнаружено, осталась сидеть.

— Вы это или ваш призрак, фрейлейн Вильгельмина? — услышала она голос вошедшего в гостиную лейтенанта.

— Призрак, — ответила она. — Призрак прабабушки Каролины. Разве вы не видите буклей и кринолина?

Вильгельмина, как все женщины ее круга, отлично умела скрывать свои чувства под маской внешней непринужденности: умение лгать считалось высшим проявлением воспитанности в том мире, в котором она жила.

Лейтенант, напрягая свой тяжеловесный ум, старался быть остроумным. Они начали весело болтать, в то время как отец Вильгельмины прошел в свой кабинет.

— Вильгельмина, ты не трогала бумаг на моем столе? — вдруг послышался тревожный голос Леера.

— Нет, я не входила в кабинет, — ответила она.

— Странно, — ворчал Леер, хлопая ладонями по сукну стола. Потом он вышел из кабинета и дрожащим голосом сказал: — У меня со стола пропали папки с документами... Очень важные, секретные документы...

— Ты просто не можешь найти их, — ответила Вильгельмина спокойно, хотя в ее душе шевельнулось какое-то смутное, еще не оформившееся, но неприятное ощущение.

— Пойдем поможем ему искать, — сказала она.

Все трое принялись шарить, но на столе папок не было.

— Может быть, ты спрятал дела в шкаф? — спросила Вильгельмина.

— Да нет же, — раздраженно ответил ее отец. — Бумаги лежали вот здесь, с краю, в желтых папках. У нас в доме никого не было посторонних?

У Вильгельмины перехватило дыхание. «Марамбалль! Неужели?.. Он заходил в кабинет, ушел так поспешно, бежал от стражи... Это мог сделать только он...»

Никогда еще Марамбалль не был так близок к катастрофе, как в этот момент. Назови Вильгельмина его имя — и все выгодное предприятие с делом номер 174 рухнуло бы, а он оказался бы в тюрьме. Но, на его счастье, в душе

Вильгельмины еще не замолкли голоса ее романтических бабушек, и она ответила «нет», прежде чем осознала все вероломство «несчастливого любовника». Сказанное слово связало ее. Но не успела она вымолвить «нет», как в ее душе поднялась целая буря негодования. Марамбалль обманул ее, как провинциальную дурочку. Разыгрывая несчастного любовника, он использовал ее доверие для самых низменных целей... И она вновь начала колебаться, не выдать ли Марамбалля.

А Леер уже звонил, созывая слуг. Он узнал о преследовании неизвестного в саду, который мог, очевидно, проникнуть в дом только через дверь сада. Но кто открыл ему? Это осталось невыясненным. Звонил телефон, суетились слуги. Из полицейского управления сообщили, что преступнику удалось скрыться. Вильгельмина не знала, радоваться ей этому или печалиться. Она была так зла на Марамбалля, что обрадовалась бы, если бы его поймали. Но, с другой стороны, это открыло бы ее невольное соучастие. Конечно, никто не заподозрил бы ее в сознательной помощи преступнику. Но какой позор, какой стыд быть так обманутой!

Волнение Вильгельмины дошло до крайнего предела. Оскорбленная женская гордость бушевала в ней, ежеминутно готовая прорваться наружу. И когда отец сказал трагическим го-

лосом: «Неужели в моем доме есть предатели?» — она не выдержала.

— Отец, мне нужно поговорить с тобой.

Но в этот самый момент в комнату вошел новый свидетель — повар, который пожелал сообщить важные показания.

— Говорите, — нетерпеливо сказал Леер.

— К нам в кухню, — начал повар свое повествование, — нередко заходил какой-то грек, торгующий шелковыми материями. Он продавал их очень дешево. Моя жена, и судомойка, и жена швейцара очень охотно покупали шелковые ткани. Этот грек заходил и сегодня вечером. Когда он поставил на пол свою корзину и разложил ткани, женщины начали выбирать шелка. Это продолжалось несколько минут. Вдруг электричество погасло. Это случилось не раз в последнее время, и потому мы не обратили особого внимания. Жена швейцара только посмеялась, что свет погас так не вовремя... Я попробовал повернуть выключатель, и через несколько минут свет загорелся вновь; грека на кухне уже не было, а корзина с шелками и сейчас стоит. Мы думали, что грек вышел во двор и вернется, но он так и не вернулся.

— Почему же вы не сказали мне обо всем этом раньше?

— Мы только что узнали о пропаже бумаг, ваше превосходительство. А о греке мы не беспокоились: грек не подарит корзину шелка.

— Вы можете идти, Карл. — И когда повар ушел, Леер сказал: — Да, это очень возможно. Из кухни ход ведет в столовую, а из столовой — в кабинет. Преступник мог незаметно погасить электричество в кухне, пробраться сюда, похитить документы и уйти незамеченным. У преступника было достаточно времени. Но что же тогда значит шум в саду? Кто был там?

— Тот же преступник-грек, — высказал предположение лейтенант. — Он мог попытаться пройти через сад и выйти на Будапештштрассе, но, очевидно, наскочил на сторожа, который и поднял тревогу.

— А может быть, это был один из сообщников, — сказал Леер. — Я попрошу вас, господин лейтенант, съездить к начальнику полиции и передать ему мою просьбу мобилизовать для поисков преступника все свободные силы. Дело большой государственной важности.

Барон по-военному щелкнул каблуками и, наскоро простившись, ушел. Когда его ковыляющие шаги замолкли, Леер устало уселся в кресло.

— Ты мне хотела что-то сказать, Вильгельмина?

— Да... — Она хотела признаться в том, что в доме был Марамбалль. Но рассказ повара поколебал ее уверенность в том, что Марамбалль похитил документ. И она не призналась

отцу о тайном визите Марамбалля. Быть может, еще немного времени спустя она и вообще ничего значительного не сказала бы. Но буря негодования еще не улеглась в ее душе. Оскорбленная гордость требовала мести.

— Отец, я согласна принять предложение господина лейтенанта.

С романтическим духом прабабушки Каролины было покончено.

XI. Тревожная ночь

Марамбалль провел тревожную ночь. Раздумывая над событиями минувшего дня, он пришел к выводу, что опасность еще не миновала для него. Правда, ему удалось замести следы. Но не все прошло так гладко, как ему хотелось бы. Его бегство должно было взбудоражить весь дом. Исчезновение дела, вероятно, уже обнаружено, и для Вильгельмины станет ясною целью его «последнего свидания». И тогда... тогда она, конечно, выдаст его. Марамбалль с минуты на минуту ожидал вторжения полиции. Хорошо еще, что ему удалось припрятать похищенные документы в надежном месте. Марамбалль не раздевался в эту ночь. Он тихо ходил по комнате, прислушиваясь к звукам в коридоре. Он обдумывал план бегства. Одно окно его комнаты выходило на ули-

цу, другое — в небольшой сад. Это последнее окно он и избрал как путь отступления.

Марамбалль открыл окно в сад. Ночь была душная. На темно-лиловом небе светила оранжевая луна, как китайский фонарь, привешенный над сизым трехэтажным домом. От времени до времени слышался гром. Приближалась гроза. Обострившийся слух Марамбалля уловил какие-то шорохи в саду под окном.

«Неужели это засада?» — с тревогой подумал он.

Страшный удар грома вдруг потряс весь дом, хотя на небе не было видно ни одного облачка, и в ту же минуту послышался шум дождя. Странно было слышать этот шум, не видя ни дождя, ни тучи над головой. Шумел ветер, а деревья в саду, казалось, стояли недвижимыми: ни один лист не колыбался.

Когда раздался удар грома и зашумел дождь, в кустах под окном послышался шорох и как будто приглушенные голоса.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. И в наступившей тишине Марамбалль отчетливо слышал чьи-то приближающиеся по коридору осторожные шаги. Шаги остановились у его двери. Кто-то тихо постучал.

У Марамбалля перехватило дыхание.

«Полиция!»

Для Марамбалля выхода не было. Под окном была засада, в коридоре — отряд полиции;

он не сомневался в этом. Но в саду он имел больше шансов избежать врагов, чем в узком коридоре.

Марамбалль быстро выпрыгнул из окна и упал на чьи-то широкие плечи. В то же время он слышал женский крик и узнал голос почтенной вдовы Нейкирх.

— Что это? Кто это? Что с вами? — слышался второй, мужской голос, принадлежавший, без сомнения, тромбонисту, который занимал соседний с Марамбаллем номер. Тромбонист и Нейкирх, очевидно, вышли в сад подышать вечерней прохладой.

Марамбалль соскользнул с могучих плеч Нейкирх и, гонимый ужасом, побежал в Тиргартен.

Здесь царил бесшумная буря. Ветра не было, но деревья гнулись как будто под напором страшного урагана; листья трепетали, и с них стекали ручьи; желтые молнии бороздили тучи. Дождь лил как из ведра, но это был призрачный дождь — на Марамбалля не падало ни капли.

Ночная свежесть успокоила Марамбалля и привела в порядок его мысли. В саду перед его окном, во всяком случае, не было засады. Но кто же стучался в его дверь?

Всю ночь Марамбалль бродил по аллеям парка и только на заре решил вернуться домой.

— Вы уходили? — спросил удивленный швейцар, открывая ему дверь.

— Да, — ответил Марамбалль. — Ко мне никто не приходил?

— Ночью приходил какой-то человек. Я не пускал его, но он ответил, что пришел по очень срочному и важному делу и что вы сами ждете его.

— Вы не заметили его внешности после проявления?

— Шляпа была надвинута на его глаза, воротник приподнят. У него как будто была черная борода, а говорил он с иностранным акцентом.

«Кто бы это мог быть?» — думал Марамбалль, осторожно пробираясь по коридору. Ночные страхи прошли, но все же он еще не успокоился окончательно.

— Доброе утро, фрау Нейкирх, — приветствовал Марамбалль шумное дыхание хозяйки.

— Доброе утро, — сердито ответила она, хлопнув дверью. Марамбалль осторожно вошел в свою комнату. Там никого не было.

ХII. «Звуковая драма»

В рейхстаге только что окончилось заседание, на котором обсуждались положение промышленности и мероприятия правительства. Целый

ряд министров выступил с докладами. По их сообщениям, в фабрично-заводской промышленности положение было не так уж плохо, как можно было ожидать. Успешно шла реконструкция машин применительно к «слепому» методу работ. Широко использован был хронометраж; установлены были «нормы времени» для тех или иных процессов, введены часы с колокольчиками, отбивающими не только минуты, но даже в некоторых случаях четверть минуты.

Разумеется, это официальное благополучие не совпадало с действительным положением вещей, которое было далеко не блестящим, но катастрофическим его действительно нельзя было назвать.

Сверх ожидания наиболее угрожающим оказалось положение сельского хозяйства. Даже выступавший министр не мог не высказать самых серьезных опасений.

— Длительность инсоляций* не уменьшилась, — докладывал министр, — хотя восход и заход солнца и не соответствуют теперь действительному положению солнца: мы видим взошедшее солнце лишь после того, как его лучи проявятся — как теперь говорят, — то есть дойдут до поверхности земли и нашего зрения. Но это компенсируется тем, что солнце продол-

* И н с о л я ц и я — освещение солнечными лучами.

жает светить еще некоторое время после его фактического захода. Наше несчастье, однако, в том, что благодаря замедлению в прохождении света в единицу времени на поверхность земли падает меньшее количество света. Он сделался как бы разреженным. Благодаря замедлению света мы могли наблюдать, что некоторые цвета как бы исчезли, другие изменились; наконец, появились новые цвета или их сочетания. Это также не могло не оказать действия на произрастание зерновых хлебов и технических растений. Некоторые из них, например лен, под влиянием, очевидно, ультрафиолетовых лучей начали расти необыкновенно быстро и высоко, не успевая, однако, окрепнуть, — как анемичные, слабосильные дети. Вообще же созревание злаков чрезвычайно замедлилось. Однако для паники не должно быть места. Мы выйдем из затруднения. Наши химики и ученые агрономы усиленно работают над изысканием средств к скорейшему созреванию растений. Отопление корней, электрификация почвы, новые химические удобрения идут на помощь земле. И за урожай следующего года мы можем быть почти спокойны. Весь вопрос в том, удастся ли нам спасти хлеба, стоящие на корню, — спасти урожай текущего года. Будем надеяться, что удастся. Эту надежду мы возлагаем не только на нашу науку. Обнадеживающее и радостное сообщение я приберег к

концу. Наблюдения над светом, произведенные сегодняшним утром, показали, что скорость света возросла еще на четыре секунды.

На скамьях правых депутатов раздались аплодисменты.

— Выразить министру благодарность за прибавку четырех секунд, — слышался чей-то иронический голос слева.

— Теперь обедать, — толкнул Марабаль Лайля.

И они отправились в Тиргартен в сопровождении Метаксы, который заявил, что имеет сообщить им важную новость.

— У вас всегда новости, — смеясь, сказал Марабаль.

Когда корреспонденты подошли к своему обычному месту под старой, ветвистой липой и рассаживались у круглого мраморного столика, из-за угла киоска слышались чьи-то шаги, и вдруг Марабаль услышал голос лейтенанта:

— Господин Марабаль! Вы нанесли оскорбление известному лицу, честь которого я считаю своим долгом защищать. Угодно вам будет дать мне удовлетворение?

— Дуэль? В двадцатом веке? Какой анахронизм! — несколько принужденно расхохотался Марабаль. — Я никому не наносил оскорбления и не могу признать вашего права на защиту «угнетенных».

— Так я заставлю вас признать это право и принять мой вызов!

За этим последовала звуковая драма.

Кто-то кого-то ударил. Послышалось падение тела и неистовый вопль. Новые удары, новое падение, чье-то глухое ворчанье.

— Хорошо же! — слышался угрожающий голос лейтенанта, и затем он удалился.

Публика, сидящая за соседними столиками, и случайные прохожие с нетерпением ожидали начала «сеанса». И когда место побоища начало проявляться, отовсюду раздался дружный смех.

Все увидели, как Марамбалль, разговаривавший с лейтенантом, неожиданно отступил в сторону и тяжелые удары посыпались на Метаксу. Метакса, открыв рот, из которого несколько минут тому назад раздавались вопли, с насмерть перепуганным лицом упал на землю. Вслед за этим Лайль, не выпуская трубки из рта, наклонил голову, прислушиваясь, очевидно, к дыханию нападавшего, и вдруг, по всем правилам бокса, отпустил в челюсть лейтенанта короткий, но тяжелый удар, сбивший лейтенанта с ног. Если бы Лайль даже видел лейтенанта в момент удара, он не сумел бы сделать лучшего выпада.

Марамбалль был поражен. Он никак не ожидал от «ледяного» Лайля такой быстроты действия.

— Но вы-то почему вмешались в драку? — спросил Марамбалль Лайля.

— Я тоже защищал «угнетенного», — ответил он, пуская клубы дыма. — Теперь если этот господин захочет драться, ему придется иметь дело с тремя: с вами, Марамбалль, — потому, что он на вас за что-то сердит, с Метаксой — потому, что он побил его, и со мной — потому, что я побил его. И я не откажусь померяться с ним силами! Но я не признаю другого оружия, кроме кулаков.

Удивительно! Бокс так оживил Лайля, что он сделался даже разговорчивым.

— Но кто этот налетевший на нас петух? — спросил Лайль.

— Я знаю! — отозвался всеведущий Метакса. Но Марамбалль остановил его.

— Тсс!.. Не надо раздувать этой истории. Полицейский может подойти незаметно. Вы что-то хотели рассказать нам, господин Метакса?

— Да, но, пожалуй, вы правы. Мы поговорим с вами в другом месте. Скандал может привлечь любопытных, желающих узнать причину ссоры, а то, что я хочу сообщить вам, не нуждается в посторонних свидетелях.

И, поговорив о судьбе урожая, собеседники разошлись.

В тот же день вечером Марамбалль сидел у себя в номере за письменным столом и писал

«вслепую» крупными буквами очередную корреспонденцию, когда вдруг услышал знакомую ковыляющую походку лейтенанта, шедшего по коридору. Лейтенант, видимо, старался не обнаружить своего прихрамывания и шел медленно, но чуткое ухо Марамбалля уловило припадающий шаг одной ноги. Марамбалль сразу понял положение. Ревнивый соперник пришел свести с ним счеты! Встретить врага лицом к лицу? Но лейтенант был сильнее его и мог иметь при себе оружие. Бежать? Окно было закрыто, а лейтенант уже подходил к двери, которая была не заперта.

Марамбалль вдруг соскользнул с кресла и скрылся под письменным столом. В то же время дверь открылась без предупреждения, вошел лейтенант и осмотрел комнату. Он увидел Марамбалля, сидящего за письменным столом и углубленного в работу. Но был ли это настоящий Марамбалль или призрак? Лейтенант строил свой расчет на внезапности нападения. Он вынул револьвер и два раза выстрелил, целясь в голову Марамбалля. Марамбалль, видимый лейтенанту, не шевельнулся и продолжал писать. Это было в порядке вещей. Лейтенант теперь не столько смотрел, сколько слушал, чтобы угадать по звукам, какие последствия произвели его выстрелы. И он был вполне удовлетворен: у стола послышался короткий стон и слабый шум, который мог быть

произведен только падающим телом Мара-мбалля.

Дело сделано. Лейтенант спокойно вышел из коридора и благополучно выбрался на улицу.

Шум револьверных выстрелов привлек внимание соседей. В номер постучалась фрау Нейкирх.

— Что у вас здесь случилось, господин Мара-мбалль?

Если бы не похищенное дело, Мара-мбалль охотно пригласил бы свидетелей и попросил бы их остаться до проявления сцены покушения на его жизнь. Но теперь Мара-мбалль счел более безопасным не поднимать шума и не привлекать к себе общественного внимания. Решающим, однако, было даже не это, а боязнь показаться перед свидетелями смешным трусом, прячущимся под стол. Когда Мара-мбалль представил себе картину проявления этого позорного отступления, то твердо решил скрыть истинный смысл происшествия.

— Ничего особенного, фрау Нейкирх, не случилось, — ответил он. — Ко мне заходил приятель, я показывал ему свой револьвер и, разряжая, нечаянно сделал два выстрела.

— Теперь надо быть очень осторожным с подобными вещами, — наставительно сказала фрау Нейкирх. — И я очень просила бы вас не делать этого больше в моем доме.

— О, не беспокойтесь, фрау Нейкирх, это были последние патроны.

XIII. Черная полумаска

Несмотря на «светопреставление», свадьбу барона Блиттерсдорфа и Вильгельмины Леер отпраздновали очень торжественно.

Но это торжество было испорчено странным и крайне неприятным для жениха происшествием.

Молодые вернулись домой из-под венца и к ним начали подходить с поздравлениями, и вдруг все услышали, как невеста вскрикнула, и в толпе гостей произошло замешательство.

Когда этот момент проявился, присутствовавшие были изумлены неслыханной наглостью: какой-то молодой человек в черной полумаске подошел к невесте и, довольно бесцеремонно обняв ее, крепко поцеловал в губы. Потом он разыскал руку жениха и вложил в нее какой-то пакет. Сделав широкий жест, неизвестный удалился.

Жених, увидя вместе со всеми эту сцену, был так взбешен, что забыл обо всем на свете и бросился на призрак, сбив с ног стоявшего на этом месте старичка советника. Проявилась и эта картина, заставившая многих гостей невольно улыбнуться, несмотря на всю их вы-

держку. Все делали вид, что они ничего не видели; гостей попросили за стол, и торжество пошло своим чередом. Слышались поздравления, но они звучали как насмешка; пили тосты, принужденно смеялись вслух и искренне — в салфетку. Лейтенант, не забывая о проявлении, вынужденно улыбался и старался казаться непринужденным, но не мог согнать со своего лба тяжелых морщин, а углы его рта судорожно подергивались.

— Не правда ли, он похож на покойника, присутствующего на своих похоронах? — шептали злые языки, указывая на растерянное, но широко улыбающееся лицо лейтенанта.

Всех интересовал пакет, полученный женихом от неизвестного, и больше всех — самого лейтенанта. Его нетерпение было так велико, что по окончании обеда он прошел в зимний сад и, разорвав пакет, вынул содержимое, посмотрел, поднеся к самым глазам, и вдруг быстро спрятал.

— Что содержится в пакете, который вы получили от неизвестного? — услышал лейтенант голос Леера.

Лейтенант вздрогнул от неожиданности.

— В пакете? Ничего. Пустяки. Шалость, — ответил он умышленно громко, чтобы его слышали. — Представьте, это была шутка моего брата. Не совсем удачная шутка, надо сознать-

ся, но он всегда отличался легкомыслием и эксцентричностью.

— Ваш брат? Я ничего не слышал о том, что у вас есть брат, — удивленно сказал Леер. — И почему же ваш брат не снял маски и не остался?..

Леер почувствовал, как лейтенант пожал ему руку. Леер понял этот жест и замолчал.

— Мой брат путешествовал в Африке и только что вернулся. Завтра он, вероятно, сделает нам визит...

Легенда о брате распространилась между гостями, но ей мало верили.

XIV. Конец «светопрествавления»

Марамбалль проснулся, открыл глаза и невольно прищурился от непривычного яркого света. Повернув голову к окну, Марамбалль увидел между двумя высокими домами полосу голубого неба.

Он быстро вскочил с кровати и замахал руками. Марамбалль видел руки в момент их движения! Схватив кресло, он поставил его на середину комнаты. И он видел его там, куда перенес. В мире больше не было двойников и призраков! Световые отображения вещей слились с самими вещами. Сомнений быть не могло: свет приобрел свою обычную скорость. Мо-

жет быть, она была еще несколько и меньше трехсот тысяч километров в секунду, но это могло интересовать только астрономов. Для практической жизни, в пределах земных явлений, разница в какие-нибудь четыре километра, даже в несколько десятков километров была совершенно неощутима.

Марамбалля охватила безумная радость, как будто он вернулся из мрачной страны теней на родную землю — в сияющий мир реальных вещей, голубого неба, зеленых деревьев.

Он весело запел, закружился по комнате. И эту радостную песнь возвращения к жизни подхватили жильцы его дома, прохожие на улице, весь город, весь мир. Отовсюду слышались возбужденные, веселые голоса. Как будто мир проснулся после долгой и тяжелой болезни, сопровождаемой бредовыми кошмарами, и вдруг почувствовал себя здоровым и бодрым. Люди пели, смеялись, поздравляли друг друга. Шоферы и вагоновожатые, не ожидая официального разрешения, пускали машины и трамваи на полный ход. Ревели сирены, трещали звонки, разноголосый шум и гам до краев наполнил город, который забуллил, как закипевший котел.

— Великолепно! Изумительно! Прелестно! — кричал Марамбалль, не опасаясь, что его сочтут безумным. Он без всякой осторожности уселся в кресло и постучал по ручке кулаком.

— Это вещь, а не призрак! Царство призраков окончилось!

Да, царство призраков окончилось, и в ту же минуту произошла переоценка всех ценностей. Хитроумные политические комбинации и международные соглашения — явные и тайные — вновь приобрели ценность, смысл и интерес.

Марамбалль тотчас вспомнил о деле номер 174, которое еще покоилось под матрасом Лайля.

«Теперь папку будет, пожалуй, труднее извлечь незаметно, — подумал Марамбалль. — Но как-нибудь я все же раздобуду ее. Однако надо торопиться. Теперь папка может быть легко обнаружена. Довольно будет Лайлю или служанке случайно отвернуть угол матраса, как они тотчас увидят папку».

Марамбалль быстро оделся и пошел к Лайлю.

Англичанин встретил его с обычным спокойствием. Даже конец «светопрествавления» не оживил его. Он, как всегда, сосредоточенно сосал свою трубку, внимательно разглядывая гостя сквозь клубы дыма. Марамбаллю показалось, что на этот раз Лайль только несколько больше прищуривал свои бесцветные глаза, как будто он чуть-чуть насмешливо улыбался одними глазами.

Эта едва уловимая улыбка несколько обеспокоила Марамбалля, но Лайль заговорил, и

Марамбалль, слушая его слова, успокоился и начал улыбаться сам.

— Вы слышали, конечно, историю, которая произошла на свадьбе барона Блиттерсдорфа и Вильгельмины Леер?

«Так вот что вызвало тень улыбки на этом каменном лице», — подумал Марамбалль и простодушно ответил:

— Нет, не слышал.

Лайль посмотрел на него недоверчиво, но подробно рассказал о неизвестном в полумаске, поцеловавшем Вильгельмину.

— Таким образом, ваш соперник кем-то отомщен, — закончил Лайль рассказ. — Признайтесь, этот инкогнито в полумаске были вы?

Марамбалль сделал удивленное лицо, не выдержал и беззаботно рассмеялся.

— От вас ничего не скроешь!

— И лейтенант, конечно, знает, что это были вы?

— Разумеется.

— Но ведь он теперь убьет вас. После такой шутки вам небезопасно оставаться в Берлине.

— Нет, он не убьет меня. Он принужден будет проглотить это оскорбление, — ответил Марамбалль.

— Лейтенант как будто не принадлежит к людям, которые способны молча перенести такое оскорбление.

— Он и не перенес. Вы знаете, что лейте-

нант двумя выстрелами в голову уложил меня наповал. Но, к его несчастью, он убил только Марамбалля-второго — мой призрак. В этом он мог вполне убедиться, видя, как сладко поцеловал живой Марамбалль-первый его молодую жену.

— Лейтенант узнал вас под полумаской?

— Вероятно. Кроме того, он получил от меня «визитную карточку» — мое свадебное поздравление.

— А! Это тот таинственный пакет, который всех так заинтересовал? Что он содержит в себе? Говорят, лейтенант отказался сообщить об этом даже Вильгельмине и ее отцу.

Марамбалль многозначительно шевельнул бровями, поднялся и зашагал по комнате, незаметно приближаясь к кровати.

— Я вам все объясню. Лейтенант вошел в комнату так неожиданно, что действительно мог уложить меня на месте. Но все же я услышал, и узнал его шаги, и успел отбежать в сторону. Пули пролетели так близко от моего лица, что я почувствовал удар воздуха. Чтобы ввести лейтенанта в заблуждение, я застонал. — Марамбалль счел лишним сообщать Лайлю маленькую подробность этого происшествия о том, как он нырнул под стол. — Так вот. Сделав свое злое дело, лейтенант поспешил уйти. А я, успокоив соседей, приготовил свой фотографический аппарат, который, по обыкнове-

нию, у меня всегда заряжен, и начал ждать проявления. Таким образом, я заснял всю последовательность событий: себя, сидящего за столом, и лейтенанта, стреляющего в пустое кресло. Вы понимаете, что когда проявился «призрак» лейтенанта, то меня уже не было в кресле, хотя лейтенант в момент выстрела и видел мое отражение. Эти последовательные снимки являются бесспорным доказательством преступления лейтенанта — покушения на убийство. Если оно не окончилось настоящим убийством, то только благодаря «фокусу» светопреставления, давшему мне возможность избежать опасности в последний момент. Для большей убедительности я сложил два негатива: один — с изображением меня, сидящего на кресле, и другой — с изображением лейтенанта, стреляющего в меня. Так как обстановка комнаты была неизменна, то получилась полная картина покушения на убийство.

Марамбалль уселся на краю кровати, опустил руки и, раскачиваясь, незаметно запустил пальцы под матрац.

— И эту фотографию вы поднесли лейтенанту?

— Целых три снимка: меня, его и один снимок «синтетический». Теперь вам должно быть все понятно. Лейтенант предупрежден, что в моих руках есть документ, который может изобличить его в каждую минуту, если только он

начнет преследовать меня. Идти из-под венца в тюрьму не очень-то приятно.

— Лейтенант имеет слишком большие связи. Он может потушить дело.

— Едва ли. Ведь фотографии я могу опубликовать в иностранной прессе. Такой скандал, если он даже не дойдет до судебного процесса, повредит лейтенанту весьма ощутительно. Этого мало. Копии фотографий я могу передать также Вильгельмине. Она узнает, что ее муж преступник. Помимо того, что это испортит их отношения, Вильгельмина всегда сможет пустить в ход это орудие против мужа, и он окажется в руках своей жены.

Марамбалль все глубже запуская пальцы под матрац, но, к его ужасу, не нащупывал папки. Лайль сидел вполоборота к нему и дымил.

— И в ваших руках? Чего доброго, вы сделаетесь другом дома, — иронически сказал Лайль.

— Это... будет видно... — несколько растерянно сказал Марамбалль.

Папка исчезла... Но Марамбалль еще не терял надежды, что она случайно сдвинута, и продолжал ерзать по кровати.

— Но отчего же вы сразу не предъявите в суд ваши изобличающие фотографии?

— На это у меня есть свои соображения.

Лайль вдруг круто повернулся к Марамбаллю и, глядя прямо ему в глаза, сказал:

— Не ищите, там нет папки.

Марамбаллю показалось, будто скорость света вдруг уменьшилась до нуля. В глазах его потемнело.

— Как?.. пап?.. какой папки?.. — пролепетал он, заикаясь.

— Ну, разумеется, той самой, которую вы положили мне под матрац.

— Я не клал никакой папки!

— Тем лучше, — спокойно ответил Лайль. — Значит, папка сама пожаловала ко мне, и я могу распоряжаться ею.

— Послушайте, Лайль, — взмолился Марамбалль, — друг мой, верните мне папку! Я с опасностью для жизни похитил ее из дома Леера.

— Послушайте, Марамбалль, — ответил Лайль, — вы мой друг, и вы поступили так вероломно, подкинув мне краденый документ...

— Но мне ничего больше не оставалось делать... за мной гнались, я не был уверен, что мне удалось замести следы... Ваша квартира... экстерриториальность.

— Вы могли скомпрометировать не только меня, но и все английское посольство. Почему вы не воспользовались экстерриториальностью вашего посольства, которое находится рядом? Никаких оправданий! Уж если дело номер сто

семьдесят шесть попало ко мне, я не выпущу его из рук.

— Дело номер сто семьдесят шесть? — переспросил Марамбалль. — Простите, вы ошибаетесь! Дело номер сто семьдесят четыре.

— Никакого дела номер сто семьдесят четыре у меня нет, — ответил Лайль.

— Вы лжете!

— Что-о? — Лайль сжал сухой жилистый кулак, покрытый с тыльной стороны веснушками. — Я лгу? Если вы не возьмете обратно своих слов, то сейчас же перелетите с территории английского посольства на территорию французского, — угрожающе сказал он.

Их дружба не выдержала серьезного испытания.

Марамбалль так взбесило поведение «друга», что он готов был померяться с ним силами: раздвинув локти, он тоже сжал кулаки, готовясь отразить удар.

Но в это время неожиданно заговорил рупор радиоприемника, и первые же слова, которые раздались в комнате, заставили друзей-врагов остановиться и прислушаться.

— Алло! Алло! Всем, всем, всем! Слушайте! Слушайте! Светопреставление окончилось, но оно может повториться!

«Этого еще не доставало!» — подумал Марамбалль и, опустившись в кресло, начал слушать.

— Чтобы понять, какие причины вызвали за-

медление света, необходимо прежде всего выяснить сущность света.

Марамбалль совсем не был расположен слушать научные лекции, в особенности в решительный момент борьбы за обладание делом номер 174. Но... «светопреставление» может повториться! А если оно повторится, все дела потеряют смысл. Во всяком случае, интересно знать, каковы шансы на повторное «светопреставление»... И он покорился необходимости выслушать скучные сообщения, под которыми, однако, скрывались самые жизненные интересы. Лайль молча стоял, прислонясь к столу, и тоже слушал.

— В настоящее время, — говорил радиурпор, — существует две теории света: атомная и волновая. Атомная теория утверждает, что всякий источник света представляет собою нечто вроде батареи, обстреливающей окружающие тела ураганным огнем, причем снаряды посылаются равномерно по всем направлениям и летят прямолинейно. Скорость их полета обычно постоянна и равняется в пустоте тремстам тысячам километров в секунду. В случае же прохождения света в другой среде — воздух, стекло — скорость света хотя и очень велика, но несколько иная.

При попадании в какую-нибудь материальную мишень световые атомы не разрываются,

как артиллерийские снаряды, но или застревают в этой мишени (поглощение света), или отскакивают от нее рикошетом (отражение света), или же, наконец, проходят внутрь и распространяются далее, но уже в несколько отличном от первоначального направления (преломление света). Так в общем смотрел на природу света Ньютон. Взгляды эти господствовали в течение века, но были вытеснены волновой теорией, о которой скажем ниже, и вновь возродились в так называемой квантовой теории света (от латинского «квантум» — количество, порция).

По квантовой теории, «атомы света» являются материальными частицами и отличаются от обыкновенной материи только тем, что не имеют той прочности, «вечности», которой обладают все материальные атомы. Атомы света «рождаются» за счет переизбытка энергии того атома, который их выбрасывает, «живут», то есть существуют, во время своего полета от выбросившего их атома до другого и, наконец, «умирают», то есть исчезают, превращаясь в энергию последнего.

Теперь посмотрим, от каких причин могло произойти уменьшение скорости света, исходя из атомной теории света. Допустим, что между Солнцем и Землей в мировом пространстве какая-то преграда, в виде ли газа или какого-нибудь иного неизвестного нам состояния силь-

но разреженного материального вещества. Если бы это вещество поглощало атомы света, то наша Земля погрузилась бы в темноту. Равным образом свет не дошел бы до нашей Земли, если бы он оказался отраженным этой преградой на пути. Наконец при преломлении света лучи света могли бы изменить направление, но не скорость. Остается одна гипотеза, на которую мы указали: замедление света при прохождении через неведомую нам преграду. Что это за преграда, остается невыясненным. Быть может, это особого рода туманность. И если эта туманность напоминает по своей форме те, которые мы наблюдаем в телескоп, то весьма вероятно, что и эта неизвестная туманность имеет вид спирали. А в таком случае наша Земля в своем движении вместе со всей солнечной системой может пересечь еще не один «завиток» этой туманности, и тогда эффект замедления света может произойти вновь.

Поэтому правительство настоятельно рекомендует иметь наготове звуковые сигнализационные аппараты и прочие приспособления, созданные во время «светопредставления», для регулирования уличного движения и трудовых процессов.

Так обстоит дело, если мы будем исходить из атомной или квантовой теории света.

Что касается волновой теории, то световые колебания представляются ею как силовые, то

есть как быстрые периодические изменения в каждой точке пространства электрических и магнитных сил, исходящих из источника света. По волновой теории, волны видимого света ничем не отличаются от всем известных радиоволн. Скорость радиоволн равна скорости света. Замедления в скорости радиоволн мы как будто практически не наблюдали. Однако нам приходилось наблюдать одно весьма странное и непонятное явление. Как известно, радиоволна обегает вокруг земного шара в очень короткий промежуток времени ($\frac{1}{7}$ доля секунды) и вновь попадает в место отправления, как «эхо». Таким образом, вы можете многократно принять волну, посланную вами вокруг земного шара. Но отмечены случаи, когда радиоволна, отправленная станцией, куда-то «пропадала» и не возвращалась целые минуты — десять, двенадцать минут! Где блуждала она? Очевидно, где-нибудь в мировых пространствах, пока не вернулась, быть может, отраженная каким-нибудь небесным телом. Что изменило ее направление, мы не знаем. Но мы знаем, что радиоволна пришла с опозданием в двенадцать минут, хотя скорость ее «полета», вероятно, была не меньше обычной. Если же свет является по своей природе такой же электромагнитной волной, то не произошло ли с ним такого же явления, как и с блуждающей радиоволной? Как бы то ни было, но причины, вызвавшие замед-

ление света, могут повториться. И поэтому еще раз: осторожность, осторожность и выдержка.

Радиопередача прекратилась. Марамбалль посмотрел на Лайля.

Лайль молчал.

— Зачем им это понадобилось? — сказал Марамбалль. — В конце концов ничего определенного. Одни гипотезы. Мы и без них знали, что то, что произошло раз, может произойти и другой раз. Теперь не время читать лекции! Но мы не кончили с вами разговора, Лайль. Это проклятое радио...

— Я думаю, конец разговора будет не в вашу пользу, Марамбалль, — сказал Лайль, опять сжимая кулак. Марамбалль напыжился, как петух, готовый к бою.

Но в этот момент кто-то постучал в дверь. Лайль двинулся к двери, как будто не замечая Марамбалля, стоявшего на пути, и Марамбалль должен был отойти в сторону.

* * *

В комнату вошел Метакса. Все лицо его улыбалось, белые зубы сверкали, маслянистые глаза лоснились как никогда.

— Здравствуйте! Вас двое? Это хорошо! Я был у вас, Марамбалль, ночью был, — такое дело. Швейцар сказал — вы дома, но я не достучался и ушел. Крепко спите. Честный человек всегда крепко спит.

«Так вот кто был у меня ночью; как это я не догадался! — подумал Марамбалль. — Но у Метаксы нет бороды. Или он был загримирован?»

— Дело есть, большое дело! — продолжал Метакса.

— А какой номер вашего дела? — шутливо спросил Лайль. Он уже был спокоен, как всегда.

— Хо-хо, вы угадали. Дело номер сто семьдесят четыре.

— Что-о? Не может быть. Дело номер сто семьдесят четыре у меня, то есть у Лайля.

— Не может быть, дело номер сто семьдесят четыре у меня, — ответил Метакса.

— О тайном соглашении между Германией и Советской Россией?

— О соглашении между этими странами, — ответил Метакса.

— Но ведь это дело я собственными руками взял со стола Леера, — не удержался Марамбалль.

— Значит, вы впопыхах взяли «призрак» этого дела. Вернее, вы взяли какое-то другое дело, которое лежало под папкой номер сто семьдесят четыре, а эту папку я взял за две-три минуты до вас. Уходя, я даже слышал, как вы вошли в кабинет, и догадался, что это вы. Вы сами наказали себя. Я предлагал вам сделку, помните, в театре? Вы отказались, по-

жалели тысячи марок; тогда я решил действовать сам.

— Надеюсь, теперь вы извинитесь передо мною? — спросил Лайль.

— Да, простите! Но кто бы мог думать? Какой я был осел! Мне нужно было поднести папку к самым глазам... Но где она, покажите мне ее!

Метакса улыбнулся грустной улыбкой глаз и хитрой — румяных губ.

— Пять тысяч марок! «Имера» — очень хорошая газета, но она не заплатит мне и шестисот. А мне надо жить и закончить образование.

— Пять тысяч! — возмутился Марамбалль. — Но это грабеж! Это нечестно, Метакса, вы выкрали у меня дело из-под рук.

Метакса улыбался все так же грустно и хитро.

— Это очень дешево. За дело номер сто семьдесят четыре можно получить двадцать, тридцать, сорок тысяч.

— Две, ну, три тысячи марок я могу вам дать, Метакса. А если вы не согласитесь, то я... я донесу на вас!

— Ну и что же? — невозмутимо ответил Метакса. — Вы — на меня, я — на вас; оба отсидим в тюрьме, и вы не получите даже за донос.

— Я даю пять тысяч марок, — небрежно процедил Лайль сквозь клубы дыма.

— Нет, нет, — завопил Марамбалль, — я первый покупатель! Вы, Лайль, ничего не сделали для этого дела, а я ставил на него очень многое. Я даю пять тысяч, где дело? — поспешно обратился он к Метаксе.

— Десять тысяч марок, — так же спокойно продолжал Лайль.

— Стойте, подождите: ведь это же бессовестно! — Лайль нахмурился. — То есть бессмысленно, хотел я сказать. Зачем мы будем набивать цену? Не надо больше! Пусть он подавится, я дам ему десять тысяч, но не будем устраивать аукцион. — Марамбалль вдруг схватил Лайля за плечи и, чуть не плача, заговорил: — Ведь вы же мой друг. Ну, умоляю вас! Давайте мы порешим так. Пусть у вас останется дело, которое раздобыл я. Я ничего не возьму с вас за него, а вы уступите мне дело номер сто семьдесят четыре. Согласны?

— Иес, — коротко ответил Лайль, высвобождаясь от объятий француза.

Марамбалль вздохнул и вынул чековую книжку и «вечное» перо.

Он испытывал такое чувство, как будто должен был засесть за самый трудный фельетон. Он вздыхал, вертелся на стуле, наконец поднялся и зашагал по комнате.

Метакса терпеливо ожидал, как паук, наблюдая за жертвой, которая уже попала в паутину, но еще может сорваться,

— Скажите, Лайль, — спросил он, — вы ознакомились с делом номер сто семьдесят шесть?

— Да. В нем есть кое-что пикантное. Оно вскрывает — мягко выражаясь — влияние одного концерна на правительство при издании закона о пошлинах на иностранные товары. Но, конечно, десять тысяч марок на этом деле не заработаешь, — скромно ответил Лайль.

Марамбалль шумно вздохнул.

— Десять тысяч марок! Это почти весь мой аккредитив. Может быть, вы уступите хоть несколько тысяч? — Метакса многозначительно посмотрел на Лайля. — Ну, пусть будет по-вашему, кровопивец!

И с таким видом, как будто он подписывал собственный смертный приговор, Марамбалль заполнил чек, оторвал его и, подавая Метаксе, сказал:

— С рук на руки.

Метакса не спеша расстегнул пиджак, белый жилет и рубашку и извлек из-под рубашки папку, на которой крупным шрифтом было напечатано: «Дело № 174».

Документы перешли из рук в руки. Метакса, сладко улыбнувшись своими черными, как маслины, глазами, ушел.

Но, прежде чем Марамбалль успел раскрыть заветную папку, Метакса неожиданно вернулся. Он приоткрыл дверь и, заглядывая в ком-

нату одним глазом, похожим на маслину, сладко пропел:

— Господин Марамбалль, вы хотите вернуть свои десять тысяч марок?

— Ну, разумеется! В чем дело, Метакса?

— Дайте мне еще две тысячи, и через полчаса у вас будут назад ваши десять. Ну, через час, не больше.

Марамбалль недоверчиво посмотрел на Метаксу.

— Обманете!

— Господин Лайль будет свидетелем. Хорошее дело, верное дело! Вы ему дайте две тысячи марок. Когда получите назад десять, он мне отдаст. Идет?

— Хорошо! Что я должен делать?

— Написать еще чек на две тысячи.

Марамбалль подумал, вздохнул и, как зарвавшийся игрок, решил идти ва-банк. Он написал чек на две тысячи и передал его Лайлю, который спокойно положил чек в карман.

— Теперь что я должен делать?

— Идти, бежать, ехать, лететь домой и взять с собою негативы, где снят барон, который стрелял в вас!

— Ну и дальше что?

— Барон Блиттерсдорф купит у вас эти негативы. Вы идите за негативами, а я — за бароном. Хорошо? — И, не ожидая ответа, Метакса закончил: — Очень хорошо!

Марамбалль нашел, что сделка действительно подходящая. У него есть в запасе несколько снимков, с которых он может сделать новый негатив, если понадобится, а негатив почему бы не продать за хорошую сумму?

— Хорошо! Я согласен. Отправляйтесь за бароном, а я иду за негативами. — Марамбалль засунул дело номер 174 под жилет и отправился к себе. Лайль согласился на то, чтобы встреча произошла у него — «на нейтральной почве».

Таксомотор быстро доставил Марамбалля туда и обратно. Когда Марамбалль вернулся, Метаксы и барона еще не было. Однако скоро явились и они. Барон был в штатском и держался так, как будто он явился во вражеский лагерь подписывать мирный договор.

— Надеюсь, вы уведомлены о причине моего визита, — сказал он, чинно раскланиваясь и не протягивая руки.

— Да, да, — быстро ответил Марамбалль.

— Господин Метакса говорил мне, что вы, барон, интересуетесь фотографией и скупаете негативы. У меня есть три очень интересных негатива.

— Цена?

— Двадцать тысяч марок.

Блиттерсдорф с недоумением посмотрел на Метаксу. Тот изобразил на своем лице еще большее недоумение и посмотрел на Марамбалля.

— Этой суммы я не могу дать вам.

— Пятнадцать — крайняя цена!

— Десять!

— Пятнадцать!

— До свидания!

— Четырнадцать! Тринадцать! Двенадцать!!

Больше не могу уступить. Это очень дешево!

Барон вернулся от двери.

— Двенадцать тысяч я, пожалуй, дам, но с одним непременным условием... Вы могли сделать копии с этих фотографий...

Марамбалль взмахнул руками, чтобы показать, что он и не думал делать этого. Папка, которую он продолжал держать под жилетом, начала выскальзывать от этого резкого движения. Марамбалль подхватил ее, но — увы! — барон уже успел заметить мелькнувший на момент номер 174.

«Интересное открытие!» — подумал барон, но не подал виду.

— Итак, вот мое непременное условие, — сказал барон, — вы не должны в дальнейшем шантажировать меня и не пустите больше в оборот ваши гнусные снимки.

— На них изображены вы, господин барон!

— На них изображены вы, господин Марамбалль! И если вы не выполните обещания, то...

— То?

— То я убью вас. Второй раз я не промахнусь. Светопреставление окончилось.

— Хорошо! Я принимаю ваши условия, — ответил Мараббалль. — Я даю торжественное обещание никогда не опубликовывать снимков. Но со своей стороны требую от вас обязательства не заключать против меня никаких агрессивных сделок.

Барон улыбнулся.

— Хорошо! Согласен.

* * *

Еще одна сделка состоялась. Мараббалль вручил барону негативы, а барон Мараббаллю двенадцать тысяч марок. Барон положил негативы в карман, сделал очень короткий общий поклон и вышел из комнаты. Прежде чем он дошел до двери, Метакса уже получил от Лайля свои две тысячи и выскользнул из комнаты вслед за бароном с быстротою ящерицы.

Наконец-то Мараббалль мог насладиться чтением дела номер 174! Ему так не терпелось, что он решил тут же заняться этим.

Мараббалль, задыхаясь, подсел к столу и начал просматривать дело, которое ему стоило стольких волнений и денег.

Лайль спокойно курил трубку, сидя на подоконнике окна.

Окончив просмотр дела, Мараббалль вдруг беспомощно обвис всем телом, как будто из него вынули все кости,

— Интересное дело? — спросил Лайль.

— Торговое соглашение. Все это текстуально и официально было опубликовано и напечатано в газетах. И ни слова больше! Никакого тайного соглашения между Германией и Советской Россией... — ответил Марамбалль коснеющим языком.

Лайль почти беззвучно усмехнулся. Но слух Марамбалля еще не утратил остроты, приобретенной им в дни «светопреставления». Эта усмешка явилась искрой, взорвавшей пороховой погреб.

Марамбалль точно обезумел. Лицо его исказилось, он закричал так, как будто сам сидел на взорвавшемся пороховом погребе.

— О мошенники! Подлецы! Обманщики! Вы обманули меня, продажные души! Вы спровоцировали меня на кражу. Вы с Метаксой составляли бандитскую шайку. Вы сами заключили «тайное соглашение держав — Англия и Греция против Франции». Вы, Лайль, набивали цену умышленно. Вы ограбили меня... Вы... вы...

Больше Марамбалль не произнес ни слова. Его крик мог привлечь внимание соседей, и Лайль принял меры: он быстро подошел к бешующемуся Марамбаллю и, сжав его челюсти, как железными тисками, своими сухими, жилистыми, веснушчатыми руками, почти ласково сказал:

— Я же предупреждал вас, Марамбалль, что

Метакса хитрее нас двоих, вместе взятых. Не волнуйся, прекрасная Франция. Жизнь — игра и борьба. Сегодня тебе не повезло. Но завтра ты можешь заключить такое же блестящее тайное соглашение с Италией или Бразилией против Англии и отыграться. — И уже строго Лайль закончил: — Пожалуйста, не кричите так громко, господин Марамбалль, о наших маленьких разногласиях. Не забывайте, что мы в Германии.

Марамбалль вздохнул, засунул папку под жилет, хотя она больше и не нужна была ему, и, не простившись с Лайлем, вышел из комнаты. Он отправился к себе.

В зеркальном платяном шкафу, в задней стенке, Марамбалль приделал вторую доску. Между доской и стенкой он хранил документы, которые не должны были попадаться на глаза немецкой полиции. Марамбалль запер дверь на ключ, вынул вторую доску, извлек из своего потайного хранилища снимки с негативов, которые только что продал лейтенанту, и прошептал:

— Вы еще услышите обо мне, господин барон! — Снимки были в сохранности. Но что делать с делом номер 174? Такую улику было опасно держать в комнате, хотя бы и в потайном шкафу. Марамбалль решил сжечь папку.

Но прежде чем он успел выполнить свое намерение, в дверь постучались. Марамбалль все

эти дни жил в напряженном ожидании и потому принял все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Он сделал в двери едва заметную скважину, через которую мог видеть, кто пришел к нему.

К своему ужасу, Марамбалль увидел отряд полиции. Сомнения не было. Барон заметил под его жилетом выскользнувшую папку и поспешил сообщить полиции, чтобы она арестовала Марамбалля с поличным... «О проклятый барон!» — выбранился Марамбалль шепотом.

Однако что же делать? Сжечь папку он не успеет. А в дверь настойчиво стучали, и чей-то грубый голос кричал:

— Откройте, господин Марамбалль, иначе мы выломаем дверь! Ведь мы же видели, что вы вошли в свою комнату!

«Однако как быстро работает берлинская полиция! — удивился Марамбалль. — Вероятно, барон сообщил по телефону, и полицейские тотчас же последовали за мною...»

Дверь уже трещала... Еще несколько мгновений — и она сломалась под натиском дюжих тел. Полицейские ворвались в комнату. Она была пуста.

Пока полицейские оглядывались, неожиданно заговорил рупор радиоприемника глухим, «картонным», загробным голосом. И этот загробный голос говорил об очень страшных вещах:

«Алло! Алло! Новая катастрофа! Земля во-

шла в полосу туманности, состоящей из отравленных газов! Спасайтесь в газоубежище! Десяти минут достаточно, чтобы газ отравил человека...»

Эта весть ошеломила полицейских. Позабыв о цели своего прихода, они бросились в коридор и побежали к ближайшему подземному газоубежищу, сбивая с ног и давя удивленных прохожих.

А Марамбалль вышел из-за шкафа и вдруг начал трубить победный марш в рупор радиоприемника.

— Хорошую штуку я сыграл с ними! — весело сказал он. — Теперь их не вытащишь из газоубежища. А мне нужно не больше получаса, чтобы добраться до вокзала. Виза на выезд в кармане, деньги есть. — И Марамбалль вдруг засмеялся еще громче. — Представляю, какую гримасу сделает Метакса, когда придет в банк получать по чеку и узнает, что на моем текущем счету лежит всего несколько сот марок.

НЕТЛЕННЫЙ МИР



Началось с простокваши. Даже не с простокваши, а с молока, которое почему-то не захотело скиснуть.

Павел Иванович Симов, учитель школы при совхозе «Заря», пригласил своего приятеля, молодого рабочего совхоза Зиновия Лукьянова, которого он называл «Зиночкой», прийти в воскресенье на обед.

— Простокваша будет! — (Зиночка был большой любитель простокваши.)

Однако полакомиться простоквашей не удалось: молоко не скисло. Жена Симова, Ольга Семеновна, была смущена, выслушивая упрек мужа.

— Ну как же это ты так? — говорил Симов. — Наверно, не поставила вовремя?

— Со вчерашнего дня стоит, — оправдывалась Ольга Семеновна. — Лето, время жаркое. Обыкновенно, если с утра поставлю, так к обеду уже скиснет, а тут, как нарочно...

— Может быть, ты кусок сахара туда бро-

сила, в молоко? Если сахар бросить, то молоко не скисает, — пояснил Симов, обращаясь к Зиновию. — Делать нечего, давай молоко выпьем, которое скиснуть не захотело. — И уже сделав несколько глотков, Симов сказал, покачивая головой: — Действительно странно. Стоит чуть не сутки — и совершенно свежее, сладкое, будто сейчас из-под коровы.

— Говорят, молоко в грозу быстро скисает, — промолвил Зиновий, поддерживая разговор. Завязалась беседа. Озабоченная Ольга Семеновна ушла в кухню.

Через некоторое время она явилась возбужденная.

— Ну вот, ты меня обвинял, — сказала она мужу. — Я была у Марии, они тоже всегда простоквашу делают, и Мария Ивановна сказала, что и у нее молоко не скисло, и у Аннушки тоже.

— Форменная молочная забастовка, — смеясь сказал Симов.

В это время мимо веранды, где они сидели, прошел сыровар Гриневич.

— Адольфу Ивановичу почтение! — крикнул Симов. — Слыхали новость — молоко не киснет? Как у вас с сыром?

— Ничего не выходит! — ответил сыровар на ходу. — Наверно, наши коровы какой-нибудь травы поели, которая изменила состав молока, — и он ушел походкой занятого человека.

— В самом деле, удивительно, — задумчиво промолвил Симов. — Зиночка, а ты не поможешь ли мне закопать тушу моего павшего мерина? — И, закашлявшись (Симов был туберкулезный), он продолжал: — Кожу я вчера снял, а туша валяется второй день. Наверно, сейчас к ней подойти нельзя — вонь такая. Как бы не оштрафовали меня.

Зиночка охотно согласился. Он сегодня был свободен. Захватив лопаты, друзья отправились в путь.

Труп лошади лежал в канаве, у опушки леса. Красная ободранная туша виднелась издали. Рой мух кружился над ней. Симов уже заранее морщил нос, — однако он ошибся. От туши не несло ни малейшим запахом гниения. Друзья подошли ближе, посмотрели, понюхали. Туша не имела никаких следов разложения:

— Не гниет ваш конь, — сказал Зиночка.

— Да, странно, — отозвался Симов. — Ну, что же, тем лучше. А закопать все-таки надо. И они принялись за работу.

На обратном пути они опять встретились с сыроваром и узнали от него новости: не только молоко, но и пиво, и вино отказывались скисать. На укусном заводе приостановилась работа: из пивного укусного затора не получалась укусная кислота.

— Сейчас наши химики работают, делают

анализы, хотят понять, в чем дело, но пока не понимают.

— И мясо не гниет, — поделился Симов своими впечатлениями.

— Да, и мясо не гниет, — ответил сыровар. — Многие уже обратили на это внимание. До свидания. Спешу в сыроварню.

— Павел Иванович, — обратился Зиночка к учителю, — вы все знаете, что же это такое значит? Отчего все это может произойти?

— Друг мой, я далеко не все знаю. Ты слышал, даже химики еще ничего не понимают. Надо подумать.

И когда они расстались, Симов начал «придумывать», но ничего не придумал. Вечером отправился в клуб узнать новости. А новостей было немало. Симов едва пробрался сквозь толпу, наполнявшую комнату, к самой трубе громкоговорителя и замер. Низкий голос картонного тембра «чревовещал» об изумительных вещах, которые произошли во всем мире. Симов узнал, что не только молоко, но и все продукты, которые могли скисать, не скисали (вино, пиво, тесто с дрожжами). Но что особенно было удивительно: мясо всюду перестало гнить.

— В чем же дело? — не удержался Симов и громко спросил черный рупор: — Воздух, что ли, изменился?..

А рупор продолжал мучить Симова неразгаданными загадками:

«При мочке льна, конопли и других прядильных растений из клеточной ткани уже не выделяются тонкие лубяные волокна»...

— Ну и что же? — спросил кто-то. На него зашикали. Рупор продолжал:

«Из Бомбея сообщают, что вспыхнувшая там эпидемия чумы неожиданно оборвалась»...

«В Софии, в Болгарии, так же неожиданно прекратилась эпидемия брюшного тифа, а в Англии — гриппа. Туберкулезные всего мира идут гигантскими шагами к полному выздоровлению»...

— Так вот почему мне стало легче. Я знаю, в чем дело! — закричал вдруг Симов, стараясь перекрычать рупор. — Мир избавился от бактерий.

Да, это было так. И следом за Симовым рупор сказал то же самое.

Для всех, знакомых с работой бактерий, это было ясно с первого же момента.

Если молоко не киснет, мясо не гниет, уксусный затор не превращается в уксус, то ясно, что прекратилась деятельность бактерий, производившая всю эту работу. Прекращение эпидемий и быстрое выздоровление заразных больных объяснялось тою же причиной. Бактериологические исследования вполне подтвердили это предположение. Ученые-бактериологи с разных концов мира сообщали друг другу и газетам одну и ту же весть: все бактерии исчезли.

Мир избавился от невидимых существ, наполнявших собою воздух, землю и воду.

Первым чувством, когда об этом узнал Симов, была радость, безмерная радость больного, почти обреченного человека, который вдруг исцелился! И, не слушая дальше, о чем говорил громкоговоритель, Симов вышел из клуба.

«Так вот отчего мне так легко дышится со вчерашнего дня и я почти не кашляю», — думал он.

— А, Зиновий! Иди сюда! — крикнул Симов, увидав Лукьянова, который спешил в клуб. — Новости! Отличные новости. И знаешь, я-таки сам отгадал, отчего все это произошло. Честное слово, сам, прежде, чем сказал рупор. Понимаешь ли, Зиновий, — и как это мне раньше в голову не пришло? — на свете перемерли все бактерии. Все до единой отправились к чертовой прабабушке.

— А отчего они перемерли? — спросил Зиновий.

— Да не все ли равно, отчего? Главное то, что нет больше чумы, холеры, тифа, туберкулеза, испанки и прочей дряни. Ты понимаешь, Зиновий, я теперь совершенно здоровый, абсолютно здоровый человек. В моем теле нет ни одной туберкулезной палочки. Нет больше разных болезней, нет больше чумы и сибирской язвы! Нет болезней, нет и гниения. Это значит, Зиновий, что мы сможем пересылать рыбу из

Каспия в Москву, из Архангельска в Калугу в обыкновенных товарных вагонах, и она не будет портиться.

— И трупы людей не будут портиться? — спросил Зиновий.

— Ну, конечно.

— Куда же они денутся?

— Куда? Закопаем, — ответил Симов.

— И простокваши никогда есть больше не будем? — со вздохом спросил Зиновий.

— Экая беда! — ответил Симов. — Без простокваши и без сыру жить можно. Проживем и без уксусу: а что вино да пиво не будет ски-сать, так это даже лучше. Зато здоровье! Долголетие! Нет больше страха заразиться. Можно есть немытые фрукты, не боясь схватить дизентерию. Больше того, когда мы умрем, наши тела не будут тлеть. Не одним же телам фараонов после смерти переживать века! Да что там фараоны, сухие мумии, почерневшие куклы! После смерти мы будем лежать бесконечно долгое время свежими, как сорванное яблочко. Мир стал нетленным! Да здравствует жизнь без бактерий!..

Если для Симова было безразлично, почему вдруг перемерли все бактерии, то это не было безразлично ученым, и они усиленно работали над разрешением задачи. Было высказано много гипотез. Наиболее правдоподобной считалась следующая. Так как бактерии уничтожены ре-

шительно во всем мире — в воздухе, в воде, на земле и в недрах земли, — приходится прийти к выводу, что их погубила какая-то вредоносная сила, наполнившая мгновенно и одновременно всю толщу земного шара с его воздушной оболочкой; но какая это могла быть сила? Допустим, что земля прошла через небесные пространства, наполненные каким-нибудь особым, неведомым нам газом, который явился убийственным только для бактерий. Такой газ, однако, едва ли мог проникнуть в глубины почвы и воды. Исследования же показали, что анаэробные бактерии* были убиты и в местах, недоступных воздуху. Поэтому приходится допустить, что причиной уничтожения бактерий были не химические воздействия, а физические. Быть может, до Земли достигли с отдаленнейших глубин мирового пространства какие-нибудь ультракороткие лучи, вроде лучей Милликена, которые и поразили насмерть все бактерии. Правда, ни один точный инструмент не мог уловить этих лучей, но это не могло служить доказательством того, что лучей нет. Ведь и космические лучи Милликена не были известны человечеству до самого последнего времени.

Так бактерии погибли, сожженные неведомыми ультракороткими лучами, совершенно

* Бактерии, которые могут жить без кислорода.

безвредными не только для высших животных и человека, но и для мельчайших насекомых. Только микроскопические существа, населявшие нашу планету, пали жертвой этих лучей.

Дальнейшие изыскания ученых продолжались, а жизнь шла своим новым, «нетленным» путем, и с каждым годом изменялось лицо Земли. Симов, совершенно оправившийся от своей болезни, и Зиновий осенью ходили на охоту и, бродя по окрестностям, могли наблюдать эти изменения. Опавшие листья устилали землю толстым ковром. Они больше не гнили, так же как ветки и сломанные бурями сучья. Лесная почва засорялась древесными отбросами, которые затрудняли доступ к корням воздуха и влаги и мешали обсеменению. Травы желтели, сохли, но не гнили. Сквозь прозрачную осеннюю воду рек и прудов видно было дно и на дне прекрасный разноцветный, нетленный, толстый ковер опавших листьев, а на этом ковре целое кладбище: мертвые рыбы и лягушки. Правда, часть мертвецов тут же пожиралась живыми, но немало трупов оставалось нетронутыми. Всюду по полям и лесам валялись дохлые вороны, трупы кошек, собак. Не было больше могильщиков-бактерий, которые быстро превращали трупы в простейшие химические элементы.

Кладбища в больших городах не могли уже принимать новые трупы на место истлевших в

могилах. Все трупы были нетленны. Спешно строились крематории, но их работа требовала топлива, а его приходилось экономить. Потребности в топливе, как и в пище, увеличивались необычайно быстро: с тех пор как исчезли заразные болезни, прирост населения увеличивался неудержимо. Источники же питания, наоборот, быстро иссякали. В почву больше не поступали продукты гниения — аммиак и азот. Без этого удобрения почва с каждым годом истощалась, урожай падали. Старые леса гибли, заваленные буреломом, новые не подрастали, так как тот же бурелом препятствовал обсеменению и росту. Ученые выбивались из сил, работая над тем, чтобы изобрести поскорее средства, которые могли бы хоть в небольшой степени заменить работу бактерий, но похвалиться удачами нельзя было. То, что бактерии делали быстро и незаметно, приходилось достигать дорогою ценою и слишком медленно. Увы, мир потерял не только вредоносных бактерий, уничтожения которых никто не оплакивал, но и полезных незаменимых работников — армию невидимых тружеников, которые день и ночь непрерывно перерабатывали бесполезные мертвые ткани в полезные химические вещества, возвращали жизни то, что брала смерть.

Будущее человечества и всего живого на Земле представлялось в самых мрачных красках.

Круговорот веществ был нарушен. То, что умирало, становилось нетленным и этим самым связывало навсегда вещества, необходимые для постройки новых живых клеток. Смерть как бы безвозвратно уносила часть жизни, и эта жизнь лежала мертвой, связанной навеки, как связаны химические соединения в камнях. Сырой материал для живой протоплазмы — аммиак и азот — больше не получался из белковых соединений трупов.

Правда, в новом порядке вещей были и некоторые выгоды: мясо больше не портилось. Симов и Лукьянов осенью настреляли горы уток, и они пролежали весь год на солнце и не испортились. Но эти небольшие выгоды не искупались большими потерями. Через несколько лет уже нельзя было пройти по лесу — горы листьев, веток и сучьев поднимались почти до вершины. Леса глохли, деревья засыхали. Почва истощалась и почти не давала урожаев. Искусственного удобрения не хватало. Люди уже голодали, а впереди была голодная смерть. Не было больше заразных болезней, но появились новые, неведомые ранее болезни. Люди, даже питавшиеся относительно хорошо, как-то чахли, теряли силы, истощались. Врачи полагали, что это зависело от того, что в организме людей, в их желудке и кишках, не было больше бактерий, которые выполняли очень важную и полезную роль. Организму чего-то не хватало.

Пища в желудке не переваривалась так, как надо, не претерпевала тех изменений, которые делали ее особенно полезной для организма. Симов вновь почувствовал себя больным, хворала и его жена. Даже Зиночка, и тот жаловался на недомогание.

— Павел Иванович, — говорил он, — плохо без простокваши!

— Да, друг мой, — отвечал Симов. — Я маленько того, ошибся, недоучел.

— Какое уж тут маленько, — ворчала жена Симова. — Скоро все ноги протянем.

Пруды и реки все больше мелели. Рыбам и лягушкам тоже чего-то не хватало — они умирали. Часто можно было видеть на поверхности пруда десятки и сотни мертвых рыб. Они всплывали и потом опускались, устилая дно слой за слоем. Люди пробовали есть этих рыб. На вид они были совершенно свежими, но так как рыбы погибали от какой-то болезни, то здоровой эту пищу нельзя было назвать. В ней чего-то не хватало, она не поддерживала сил. И на мертвых рыб больше не обращали внимания.

Странный вид представляли высохшие пруды. Они были полны доверху листьями, мертвыми рыбами и лягушками, как будто их кто-то собрал и бросил в яму. Птицы растаскивали эти трупы, устилая, в свою очередь, своими трупами берега рек и прудов.

— Пройдет еще несколько лет — и вся земля покроется трупами, — сказал Симов, — кроме тех, которых сжигают, но это капля в море.

— А что ученые говорят, Павел Иванович, чем это кончится?

— Ученые не знают, отчего перемерли бактерии. А уж воскресить их тем более не могут. Плохо!

И вот, когда люди дошли почти до полного отчаяния, неведомо откуда была получена радиотелеграмма:

«Слушайте! Говорит Тридон. Сумасшедший, так называли вы меня. Знайте же, все микробы убил я. Я решил сделать мир нетленным. Пусть умрет все живое — так я решил. Но я уже передумал. Я изобрел аппарат, излучающий электроволны самой короткой длины. Эти волны убивают бактерии. Волны излучены мною в пространство, и они наполнили собою весь мир. Настоящие, живые бактерии имеются только у меня. Я могу продать их вам по сходной цене.

У меня есть рассадник бактерий, — сообщал далее Тридон. — Я сохранил их от смерти в особых сосудах, не пропускающих колебаний электроволн. Из этих сосудов я и могу выпустить бактерии на волю, если торг состоится. А торг должен состояться, иначе все люди по-

гибнут без бактерий. Я решил вернуть миру бактерии не из жалости. Для моих опытов мне понадобилось золото. Груды золота. И я решил продать бактерии. Но вы не пытайтесь обмануть меня, иначе вы погибнете. Ответ пришлите на радиоволне длиной в два сантиметра, не позже суток. Тридон».

Такова была телеграмма, взволновавшая весь мир.

Тридон однажды, с десятков лет тому назад, уже заставил волноваться человечество. Талантливый, даже гениальный французский ученый, бактериолог, заболел психическим расстройством. Он вообразил, что миру угрожает опасность скорого перенаселения и решил «облагодетельствовать» человечество, уменьшив население земного шара страшной эпидемией, которую он пытался вызвать при помощи особой бактерии, выращенной им в лаборатории. Тридона вовремя посадили в сумасшедший дом, но ему удалось бежать. «Сумасшедший еще напомним о себе», — оставил он записку. И вот теперь Тридон напоминал о себе.

Совещания правительств были непродолжительны. Вопрос сводился только к проверке того, не мистификация ли эта телеграмма. Но Тридон предвидел эти сомнения и в следующей телеграмме сообщил:

«Мой представитель в Берлине рассеял в воздухе уксусную бактерию. Весь остаток сегод-

няшнего дня, до двенадцати часов ночи, укусная бактерия будет производить свое специфическое действие. В двенадцать ночи я излучу электроколебания, которые убьют укусную бактерию, выпущенную на волю. Проверьте. Тридон».

Тридон оказался прав. Бактериологи Берлина обнаружили живые укусные бактерии в вине, пиве и других жидкостях. Укусный затор довольно быстро превращался в укус. Но все эти процессы приостановились ровно в двенадцать часов ночи. Неуловимые электроколебания убили укусные бактерии, которые уже успели распространиться с удивительной быстротой в продолжение нескольких часов. Сомневаться не приходилось: Тридон владеет бактериями и может вернуть их миру, если только государства согласятся на его условия. Тайное совещание постановило: требование Тридона удовлетворить, в место, которое он укажет, доставить требуемую сумму золотом, а затем, когда бактерии наполнят мир, начать поиски Тридона, чтобы арестовать его и обезвредить, так как от этого сумасшедшего всего можно ожидать.

Когда Тридон получил ответ на свое предложение, он телеграфировал:

«Я мог бы немедленно вернуть миру бактерии, но это было бы опасно: на поверхности земного шара и в водоемах набралось слишком большое количество материала для гниения.

Люди задохнутся в зловониях, если не позаботятся об уборке продуктов гниения, по крайней мере, вблизи человеческого жилья. Тридон».

Убрать быстро все эти миллионы тонн мяса и древесины было невозможно. Люди ограничивались тем, что отвозили падаль дальше от жилья, а из мест, где падали было слишком много, уходили с семьями и скарбом в другие места. Часть трупов сжигали или закапывали.

И вот настал день, когда Тридон телеграфировал:

«Сегодня выпускаю бактерии на волю. Но предупреждаю, я выпущу их всех: вредных и полезных — работников и убийц. Боритесь с ними сами, если можете. Тридон».

Никакие просьбы не выпускать бактерий, возбуждающих болезни, не помогли. Тридон выпустил их всех.

Бактерии распространились по земной поверхности, в воздухе и воде с необычайной быстротой. Все трупы как бы ожили. Начался великий процесс разложения «связанных» белковых соединений на аммиак и азот.

Для людей это были радостные и вместе с тем тяжкие дни. Нетленный мир превращался в тленный. Круговорот веществ начался вновь. Неутомимые работники-бактерии принялись за свою обычную работу. Смерть несла за собою расцвет жизни. Но пока нелегко было

на земле. Волна эпидемий прокатилась по всему земному шару. В тропических странах задыхались от зловоний и недостатка кислорода целые племена туземцев, не поверивших в скорое наступление гниения трупов и не пожелавших оставить свои насиженные места. Но и в городах было нелегко. Люди ходили в противогазовых масках. Многие переселились на высокие горы. Иные спасались в газоубежищах.

Наконец пожар гниения начал угасать. Воздух очищался с каждым днем.

Прошло еще несколько недель, и на месте гор падали лежали уже горы, правда значительно меньших размеров, великолепного азотистого удобрения.

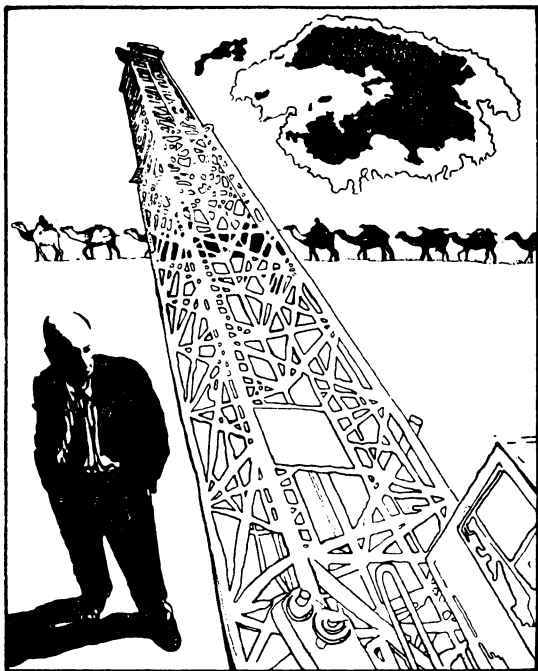
Это удобрение развозилось по полям. Наступили годы небывалых урожаев. На перегное выросли новые густые леса и высокие сочные травы.

Животные и люди пополнели и окрепли. Эпидемии быстро пошли на убыль.

Хорошо упитанный Симов уже не кашлял. Болезнь не возвращалась к нему. Встретив своего приятеля Лукьянова, Симов сказал:

— Приходи, Зиновка, ко мне завтра к обеду, будем простоквашу есть. Молочнокислые бактерии потрудились на славу и приготовили отличную простоквашу.

ВЦБИД



Инженер и изобретатель

Джемс Лэйт завтракал у большого открытого окна. В саду китаец-садовник поливал из шланга лимонные, апельсиновые деревья и кусты роз. Несмотря на ранний час, было уже жарко. Вошел загорелый мальчик в коротенькой курточке с блестящими маленькими пуговками, поклонился, подал на подносе письма и газеты, сказал:

— Утренняя почта, сэр! — и вышел, тихо ступая.

Лэйт быстро перебрал письма, отбросил их в сторону и, прихлебывая кофе из маленькой чашечки, принялся за чтение местной газеты. Он скользил глазами по заглавиям, как бы ища чего-то, и наконец остановился на одной статье и начал внимательно читать ее.

«МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Нам вновь приходится отмечать, — писала газета, — странное явление. В то время,

как вся Калифорния, и в частности долина Помоны, изнемогают от засухи и зноя, в то время, когда все колодцы высохли до дна, а барометры стоят на великой суше, в северо-восточном углу долины ежевечерне проходят небольшие дожди, охватывающие очень небольшую площадь. Такая регулярность дождей вообще не свойственна месту и времени года (август). И уже совершенно необъяснима она, если принять во внимание, что дождь идет каждый вечер в определенный час, между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера, и только в одном уголке долины. Мы обращались за объяснением в местную метеорологическую станцию, но, к сожалению, заведующий не мог дать нам никакого удовлетворительного объяснения. Однако наша газета не теряет надежды открыть причину этого непонятного явления и удовлетворить вполне законное любопытство наших читателей».

Прочитав эту заметку, Лэйт улыбнулся, потом, быстро допив кофе, направился к письменному столу, вырезал ее и положил в папку, где уже лежало несколько подобных заметок и сообщений. За окном прогудел автомобиль. Пора на завод. Лэйт положил в карман белого пид-

жака письма, предполагая прочесть их в дороге, и вышел из дома.

Весь день, как всегда, прошел в хлопотах. Лэйт служил инженером на цементном заводе. Нужно было побывать там, поговорить с помощниками, зайти в контору подписать деловые письма, отдать распоряжения, поговорить с владельцем завода. И Лэйт говорил, писал, приказывал, ходил, ездил, курил, пожимал руку. Но часто во время делового разговора на его типично американском лице, с прямым носом, энергично сложенными губами и несколько выдающимся подбородком, появлялась та же улыбка, что и во время утреннего чтения газеты.

Лэйт улыбался тайной и приятной мысли: вот все смотрят на него, Лэйта, говорят с ним о цементе, о машинах, рационализации и думают, что он только инженер, служащий цементного завода. И никто не знает, кроме Босса, чем занимается Лэйт вечерами. Никто не знает, что Лэйт не только служащий, но и изобретатель. И что скоро он удивит мир своим необычайно важным изобретением. И, продолжая везти, как лошадь, привычную поклажу деловых хлопот, Лэйт с нетерпением ожидал того часа, когда он вернется к себе домой и вместе с запыленным заводской пылью белым костюмом снимет с себя звание служащего и наденет скромный серый рабочий наряд изобретателя.

День, как и вчера, как и третьего дня, был

душный, жаркий, томительный. Казалось, что само солнце изнемогало от жары и застыло в пути, не будучи в силах опуститься за горизонт. И все же и этот тропически жаркий и полярно длинный день окончился. Лэйт бросился в автомобиль и теперь мог улыбаться до самого дома, не боясь оскорбить никого.

Довольно! Нет больше служащего. Стоп!

Через десять минут Лэйт вышел из дома в простом сером костюме и вывел из гаража маленький двухместный «форд», «дорожную вошь», как полупрезрительно-полунасмешливо называют в Америке эту машину. Шоколадного цвета дог Босс прыгнул в кузов, Лэйт сел у руля и без шофера двинулся в путь.

Он ехал по благоухающим лимонным и апельсинным плантациям Помонской долины, по полям, мимо огородов и виноградников, оставил в стороне свой завод и выехал на дорогу, которая вела к заброшенным нефтяным промыслам. Здесь было тихо и пустынно, как на старом кладбище. Жадные машины, как спруты, высосали всю нефть до последней капли и бросили мертвое тело промыслов. Медленно разрушались вышки. Дороги и тропинки зарастали сорной травой.

Солнце зашло, от далеких гор потянуло холодком. Но все же воздух был еще жарок. На бледном вечернем небе хилым светом светил молодой месяц и недалеко от него сверкала

звезда. Лэйт, уменьшив ход машины, доехал до конца промыслов и остановился у нефтяной вышки.

Стоп! Босс выскочил из машины и начал бегать вокруг вышки, потом, потянув ноздрями воздух, заворчал.

— Молчи, Босс, тут никого нет! — сказал Лэйт и поднялся в сбитое из тонких досок небольшое машинное отделение, стоявшее на изоляторах. Скоро оттуда раздалось мерное гудение мотора. На вертикальном стержне, изолированном от крыши, виднелся электрод, имевший форму правильного двенадцатигранника с остриями на конце. Каждая грань представляла собой правильный пятиугольник.

Скоро Лэйт вышел из машинного отделения и, закулив сигару, стал поглядывать на безоблачное небо. Ветер перестал тянуть с далеких гор. Воздух был совершенно недвижим. Дым сигары поднимался вверх, как в комнате. Лэйт выпустил дымовое колечко, и оно полетело вверх, медленно расширяясь. И в то же время, подобно этому дымовому кольцу, появилось слабое туманное кольцо в небе над нефтяной вышкой. Кольцо это все больше и больше уплотнялось и стало похоже на облако, но только облако необычайной формы: круглое и с дырой посередине, похожее на бублик или круглый пряник. Босс вновь залаял. Сегодня что-то бес-

покоило собаку. Может быть, она почуяла какого-нибудь мелкого зверька?..

А облако все уплотнялось, расширялось, темнело. Вот оно покрыло собою звезду. Вот закрыло край месяца. И вдруг из облака начал падать дождь сначала редкий, капля за каплей, а потом все более частый. Иссохшая земля жадно впитывала в себя каждую каплю. Лэйт улыбался все шире и, наконец, рассмеялся смехом человека, довольного собой. И вдруг ему показалось, что какое-то странное эхо повторило его смех. В ту же минуту Босс неистово залаял и бросился к соседней вышке.

— Уберите собаку! — слышался испуганный мужской голос, и, когда Лэйт позвал к себе хорошо выдрессированного дога и уложил его у своих ног, из-за соседней вышки вышел молодой человек в клетчатом костюме, кепи, с футляром от фотографического аппарата, перекинутым через плечо на ремешке. Вспышкой магния он вызвал у Босса новый приступ лая и отрекомендовался корреспондентом газеты.

— А вот мы и выследили вас, мистер Лэйт! — сказал он, смеясь и в то же время опасливо поглядывая на собаку.

— Вы могли бы это сделать гораздо раньше. Вы заставили себя ждать, мистер корреспондент, — ответил Лэйт. — Мои опыты вполне успешно закончены две недели тому назад. Зав-

тра можете сообщить сенсационное известие о том, что проблема искусственного дождевания разрешена. Больше мы не зависим от капризов неба. Мы теперь будем повелевать тучами. Но вы промокнете в своем легком костюме. Я могу прекратить дождь.

— О, нет, зачем же! А впрочем, пожалуйста. Интересно посмотреть, как слушается вас небо.

Лэйт остановил мотор. Через несколько минут дождь перестал, бубликообразное облачко начало бледнеть и наконец совсем растаяло.

— Изумительно! — воскликнул корреспондент. — Вы, мистер Лэйт, перевернете все климаты, измените лицо Земли. Вы... вы... У меня не хватает слов. Одним словом, фельетоны в тысячи слов обеспечены! Позвольте узнать подробности. Впрочем, нет, начнем с вас лично. Вашей биографии...

Застрочил карандаш, испещряя страницы блокнота иероглифами стенографической записи. Лэйт делался знаменитым.

Теплая компания

Наутро у Лэйта было много хлопот. Корреспонденты. Откуда их столько набралось? Слуга Джим не спал из-за них всю ночь. Подобно неприятельским войскам, они осадили дом со стороны сада, ожидая выхода Лэйта. Их молниеносные орудия — фотозеркалки и «лейки» — были направлены на выходную дверь. И Лэйту

вновь пришлось говорить о себе и о своем изобретении. Да, он считает это величайшим изобретением, которое благодетельствует человечество. Владеть и управлять климатом — это значит владеть и управлять производительными силами земли. Не только Калифорния страдает от засухи. В Штатах, в Южной Америке есть немало засушливых районов и пустынь, которые можно будет превратить в цветущие сады и тучные нивы. Наши земледельцы забудут о том, что значит слово «недород», «неурожай».

— И очень плохо, если забудут. Своевременный неурожай — прекрасная вещь.

Лэйт прервал свою речь и посмотрел на человека, который сказал странные слова. Корреспонденты также повернули головы.

Полный, солидный, без блокнота и фотоаппарата, этот сторонник своевременных неурожаяев мало походил на газетных корреспондентов. Он сидел, сложив красные пухлые руки на округлом животе и сонно опустив веки. Быть может, он сболтнул глупую фразу со сна? На всякий случай, один корреспондент направил на него объектив аппарата и щелкнул. Остальные фотографы тотчас последовали примеру первого. На всякий случай. А незнакомец, не обращая на них ни малейшего внимания, казалось, погрузился в сон. Он сидел неподвижно, не проронив ни слова до тех пор, пока интервью не окончилось и шумная ватага корреспондентов

пондентов не вышла из сада. Тогда человек с красными руками ожил, поднял свои тяжелые веки и сказал:

— Мистер Лэйт, я не отказываюсь от своих слов. Неурожай иногда приходит очень кстати.

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать, — ответил Лэйт. — Мне кажется, что неурожай всегда несчастье и бедствие.

— Смотря для кого, — усмехнувшись, возразил незнакомец. — Моя фамилия Гайдн. Это между прочим. К музыке никакого отношения не имею. Так вот в чем дело. Вы забыли о хлебных ценах, мистер Лэйт. Если хлеба родится слишком много, цены на него падают, и многие хлебные торговцы даже разоряются.

— Спекулянты?

— Коммерсанты, я предпочитаю это слово. Иногда только неурожай спасает целую страну от экономического кризиса. И если бы в моих руках оказалось средство управлять погодой, я по желанию мог бы создавать то урожай, то неурожай. В нужную минуту, если не подоспел засуха, я мог бы сгноить хлеб на полях при помощи дождей. И таким образом я управлял бы хлебными ценами. Это было бы великолепно. Вы заинтересовали меня вашим изобретением. Я покупаю его у вас. Я оптовик-хлебо-торговец, как вы, вероятно, уже догадались. Сколько вы хотите за ваше изобретение? Для начала, если вы не называете своей цены, я

могу предложить вам двадцать тысяч долларов.

— Двадцать тысяч и один! — крикнул, как на аукционе, высоким фальцетом рыжий человек с баками, в клетчатом костюме, незаметно подошедший по садовой дорожке.

— Тридцать тысяч, — бросил Гайдн, не поворачивая головы.

— Тридцать тысяч и один, — отозвался рыжий.

— Сто.

— Сто и один!

Гайдн повернул голову вполоборота и спросил:

— Может быть, мы войдем в компанию? У вас есть план, мистер...

— Ньютон. Такова моя фамилия. К астрономии никакого отношения не имею. План? Разумеется, есть план. Использовать изобретение мистера Лэйта вместо душа, а также для поливки роз моей почтенной тещи. Ха-ха! Как бы не так. Вы хотите знать мой план? Извольте. Я имею контору по продаже земельных участков. Так вот. Я скуплю все засушливые районы и пустыни и при помощи искусственного орошения превращу их в культурные земли. Пустыни скуплю за гроши, а орошенные земли продам за тысячи! А когда у меня их купят, я прекращу дождевание. Стоп! Хотите урожая? Платите мне за дождь или переплачивайте на

устройстве колодцев, если только вам удастся найти воду в пустыне. И они будут мне платить дождевую подать. Это даст мне хорошенькую ренту.

Гайдн посопел носом, подумал и сказал:

— Недурно придумано. Пожалуй, мы сойдемся с вами.

— Возможно, что вы, мистеры, и сойдетесь друг с другом, но только не со мной, — вмешался Лэйт, о котором два спекулянта, казалось, и забыли. И теперь Гайдн несколько удивленно поднял на Лэйта глаза.

— Вас не удовлетворяет сумма в сто тысяч долларов? — спросил он.

— Меня совершенно не удовлетворяют те цели, для которых вы хотите использовать мое изобретение, — ответил Лэйт. — Я создавал мой аппарат не для того, чтобы наживались спекулянты за счет голодающих бедняков.

— Но ведь всякое изобретение, как и всякое предприятие, преследует только одну цель: личное обогащение! — с убеждением сказал Гайдн.

Ньютон кивком головы выразил свое полное согласие с этим мнением.

— Простите, но я вообще не собираюсь продавать свое изобретение, — сухо ответил Лэйт, не желая вступать с посетителями в пререкания. Отвесив поклон, он направился к ступеням веранды, желая этим показать, что разговор окончен.

— Двести тысяч! — крикнул вдогонку Гайдн.

— Пятьсот! Миллион! — взвизгнул Ньютон своим тонким фальцетом.

Лэйт скрылся за дверью. Гайдн и Ньютон, раздосадованные неудачей, направились к выходу, обсуждая нелепое, по их мнению, поведение Лэйта.

— Да он блажной! — крикнул, не стесняясь, Гайдн.

— У этих изобретателей всегда каких-то винтиков в голове не хватает, — согласился Ньютон.

Лэйт был возмущен и огорчен. Он ходил по своему кабинету и шептал:

— Возмутительно! Возмутительно!..

О том ли он мечтал в тихие теплые летние ночи на заброшенной нефтяной вышке, делая опыты искусственного дождевания? Он думал, что за искусственный дождь фермеры будут благословлять и прославлять его, как «кудесника» Бэрбанка*. Лэйт имел право на звание благодетеля человечества. Он думал, что его изобретение увеличит благосостояние людей, накормит голодных... Но вот являются эти спекулянты и заявляют, что его изобретение нужно им только для того, чтобы уничто-

* Б э р б а н к — известный американский селекционер (создатель новых культур более устойчивых растений, плодов и овощей).

жать хлеб на корню и эксплуатировать несчастных фермеров.

— Нет, никогда! — проговорил Лэйт. — Уж лучше я разрушу всю машину собственными руками, разорву и сожгу все чертежи, чем допущу...

— Разрешите представиться, Фарсон. Представитель компании по устройству колодцев с электронасосами — Фарсон, Дойс и К°...

Перед Лэйтом стоял новый посетитель — бритый корректный старичок с густыми седыми волосами, в сером костюме, с серой фетровой шляпой в руках.

— В деловых отношениях, — сказал он, ласково улыбаясь и показывая прекрасные фарфоровые зубы, — я привык идти прямым путем. Говорят, прямота и честность — лучшая политика. Я, то есть мы: Фарсон, Дойс и компания, читали в газетах о вашем изумительном изобретении. Оно прекрасно, великолепно, но, увы, не для всех. Оно угрожает нам, нашим интересам. В настоящее время дела нашей компании идут великолепно. Без наших колодцев, вы знаете, в этой засушливой стране не было бы ни земледелия, ни огородничества, ни садоводства, ни лимонных и апельсинных плантаций. Мы, можно сказать, оживляем страну. Мы — благодетели края. Но что будет, если вы пустите в ход свое искусственное дождевание? Увы, увы! Вы составите нам конкуренцию. Ни-

кто больше не станет применять наших, правду сказать, не дешево стоящих колодцев. Вы убьете нас, раздавите, сотрете в порошок. Ваш дождь губителен, смертоносен для нас. Кому нужны будут наши колодцы, если с неба будет падать настоящий дождь, несущий не только влагу, но и удобрение *. Мы обречены. — И Фарсон даже приложил шелковый платочек к глазам, как бы вытирая слезы огорчения. — Но мы жить хотим, молодой человек! — прервал он меланхолическую паузу и улыбнулся, снова сверкнув фарфоровыми зубами. — Да, мы жить хотим, и потому я пришел к вам. Вы хорошо придумали и за эту выдумку должны иметь свою награду. Мы вознаградим вас. Продайте нам ваше изобретение, чтобы мы могли эксплуатировать его.

— Я не собираюсь продавать его для эксплуатации.

— В таком случае продайте нам патент только для того, чтобы никто другой не использовал ваше изобретение. А мы можем дать вам подписку, обязательство — все, что хотите, в том, что мы не применим на практике вашего изобретения. Мы просто похороним его по первому разряду, вот и все, чтобы оно не мешало

* В среднем с дождем на гектар выпадает от 3,5 до 6,0 кг аммиака и нитратов при нормальном количестве осадков 500 мм в год.

нам и не угрожало нашим колодцам и нашему предприятию.

«Ступайте вон!» — хотелось крикнуть Лэйту на ласкового старичка, но он сдержался и сказал:

— Я подумаю. Я сообщу вам ответ через день-другой. — И он начал вежливо, но энергично выпроваживать старичка.

Проклятие! У Лэйта не было выхода. Этот мир был так устроен, что, даже уничтожая свое ценное изобретение, Лэйт оказывал услугу алчным коммерсантам, которые готовы были сами заплатить за это уничтожение!

Лэйт в волнении остановился у окна. Вот еще новые гости идут по дорожке сада и поднимаются на веранду. Бронзовые, загорелые лица, мешковатые костюмы. У одного широкополая шляпа, хлыст в руке и ботфорты. Фермеры? Плантаторы? Входят. Рекомендуются. Говорят быстро, перебивая друг друга, так что трудно разобрать, кто из них говорит, кто молчит.

— Фэнг. Джемс, — тараторит говорящая двойня. — А старая крыса Фарсон уже был? Надеемся, вы не продали этому пауку ваше изобретение? Фарсон, Дойс и компания! Спруты, которые высасывают при помощи своих электронасосов все соки из нас — бедных фермеров и плантаторов. Этот маленький добренький Фарсон, этот милый старичок — человек, не

знающий жалости к своим должникам. Продайте лучше ваше изобретение нашей компании лимонных плантаций. Наше дело чистое. В июле — августе нашим лимонам очень нужны дожди, а их нет и нет. Колодцы пересохли. Даже фарсоновские насосы ничего не могут извлечь из колодцев, кроме грязи. И лимоны не имеют ни настоящей сочности, ни величины. Нам нужен ваш дождь, и мы купим его, если только он окажется достаточно мокрым и достаточно послушным. Мы хотим видеть ваш аппарат в действии.

«Это, по крайней мере, настоящие покупатели, — подумал Лэйт. — Они используют мой аппарат по прямому назначению».

И он решил продать им аппарат для искусственного дождевания. Условились о времени и месте производства публичного опыта. По просьбе Фэнга и Джемса, аппарат был перевезен на лимонную плантацию и поставлен на временной деревянной башенке. Все расходы по перевозке и установке Лэйт принял на себя, так как он не сомневался в том, что аппарат покажет себя с лучшей стороны. И все же Лэйт волновался вновь перед опытами.

Развенчанный герой

Проснулся он очень рано, еще до восхода солнца, и когда пришел на место производства

опыта к небольшому холму, стоявшему посреди лимонной рощи, то был очень удивлен, увидев, что там уже собралось много народу. Вездесущие корреспонденты, окрестные фермеры, плантаторы с женами и детьми, местные власти, зеваки, приехавшие из соседнего городка, покрывали собою склоны холма. Дорога на большом расстоянии была заполнена прибывающими автомобилями. В первых рядах Лэйт увидел Гайдна, Ньютона, Фарсона, Дойса, Фэнга, Джемса — всех претендентов на его изобретение. Резко выделялась черная фигура местного патера, прибывшего с тайной надеждой увидеть посрамление человеческой гордыни. Повелевать дождем! Разве это не посягательство на Божьи права? Но надежда на посрамление не оправдалась. Лэйт уверенной рукой привел в действие мотор, и скоро над изумленными зрителями появилось облачко и пошел дождь. Чудо совершилось. Человек победил небо.

— Ура-а-а-а! — прокатился по толпе восторженный крик. Многие подняли вверх руки, хватали капли дождя и растирали меж пальцев, как бы желая убедиться, настоящий ли дождь. Обмана не было. Дождь, самый настоящий, смачивал платья, лицо и руки. Плотные листья лимонных деревьев и желтые плоды заблестели свежим лаком, жадно впитывая в себя влагу. Не чудесно ли? Дождь шел только над лимон-

ной плантацией, орошая площадь примерно в квадратный километр, тогда как кругом было безоблачное небо и палящее солнце иссушало окрестности. Там деревья и злаки склоняли истомленные зноем листья и стебли.

— Стоп! — крикнул Фэнг.

— Довольно, — отозвался с другой стороны круга Джемс.

Лэйт остановил мотор. Туча начала бледнеть и таять. Дождь прекратился. Скоро над собравшимися людьми засияло солнце.

— Bravo! — загремели голоса и аплодисменты.

— Бис! Бис! Бис!

— Вам придется повторить, — сказал Фэнг, подходя к Лэйту и пожимая ему руку у локтя. — Молодец, Лэйт! Молодец, изобретатель! А ну-ка еще один дождик! Не истощились ли небесные запасы?

Сияющий Лэйт вновь пустил мотор, и вновь образовалась туча, похожая на бублик, и пошел дождь. Но тут случилось непредвиденное обстоятельство, давшее некоторое удовлетворение патеру. Откуда-то вдруг подул ветерок. Круглая туча растянулась в эллипс и медленно двинулась, продолжая сеять дождь.

Скоро она перешла границу лимонной плантации и пролилась ливнем над созревающим пшеничным полем. Это вызвало настоящий переполох среди фермеров.

— Стойте! Перестаньте! — кричали они, испуганно поднимая руки. — Перестаньте! Нам не нужно дождя! Вы погубите наш урожай! Прекратите дождь или вы ответите за убытки.

Лэйт остановил мотор. Настроение толпы резко изменилось уже не в пользу Лэйта.

— Это что же такое? Из-за фэнговских лимонов мы должны погубить свои поля? Подмачивать пшеницу? Они хотят сделать кислым наш виноград? Долой искусственный дождь! Долой Лэйта и Фэнга!.. Платите убытки!..

И та самая толпа, которая всего несколько минут тому назад готова была носить Лэйта на руках, как триумфатора, теперь угрожающе потрясала в его сторону кулаками. Полиции с трудом удалось восстановить порядок. Толпа хотела разрушить аппарат искусственного дождевания. Агенты Фарсона и Дойса поработали вовсю, чтобы вооружить толпу против Лэйта и его изобретения.

Когда возбужденная толпа наконец разошлась, Фэнг обратился к Лэйту с такой речью:

— Ваше изобретение прекрасно, и мы не отказываемся и сейчас купить его. Вы победили стихию дождя, она повинуется вам. Но, к сожалению, вы еще не победили стихию ветра. И в результате может получаться то, что получилось сегодня: ваш дождь будет портить урожай соседних виноградников, полей и огородов. Кто же будет платить за убытки? Если вы

возьмете эту ответственность на себя, то мы не прочь купить ваш дождь.

— Я не могу взять на себя такой ответственности, — сказал Лэйт и отдал распоряжение перевезти на место аппарат. А сам уселся в свой маленький автомобиль и, ни с кем не простившись, уехал к себе.

И там, в своем рабочем кабинете, он отдался отчаянью.

Как будто какой-то рок преследовал его изобретение! Вопреки всем ожиданиям, выходило так, что оно приносило больше вреда, чем пользы. Сколько надежд разбито, сколько потрачено понапрасну волнений, бессонных ночей, денег, времени! Но теперь довольно! Лэйт покончит навсегда с изобретательством и займется своей прозаической работой, службой на цементном заводе. Пусть тучи свободно бродят по небу и дождят, когда им заблагорассудится; пусть от засухи гибнут сады и плантации; пусть наживаются спекулянты и проходимцы всех сортов, как наживались они до сих пор на неурожаях и народных бедствиях. Лэйта это не касается. А машину для искусственного дождевания он разобьет на части и постарается забыть о ней как можно скорее. Он никогда не наденет больше серого костюма изобретателя!

Вошел мальчик в курточке с блестящими пуговками.

— Почта, сэр.

Да, Лэйт сейчас же отправится на заброшенные нефтяные промыслы и взорвет динамитом свой аппарат.

— Скажи, чтобы подали серый авто.

— Слушаю, сэр.

Мальчик вышел, а Лэйт начал механически перебирать корреспонденцию, думая о том, как он уничтожит сейчас своими руками любимое детище. Как много писем! За последние дни корреспонденция возросла чрезвычайно. Сотни людей запрашивали Лэйта о его изобретении, не удовлетворяясь заметками в газетах и журналах. Одно письмо невольно привлекло внимание Лэйта незнакомой маркой, изображавшей чей-то портрет, и непривычным форматом конверта. Где он видел такой портрет? Ах, да, Ленин. Письмо из далекой, неведомой, большевистской России, о которой газеты рассказывают столько ужасов. Кто и о чем может писать ему из этой страны, где он никого не знает? Лэйт заинтересовался, разорвал конверт и начал читать. Ему писал какой-то русский инженер-электрик Ножин, заинтересовавшийся его изобретением.

«Наша страна, — писал Ножин, — страна планового хозяйства. У нас имеется более трех миллионов квадратных километров засушливых земель с плодородной почвой, но в настоящее время бесплодных вследствие недостатка влаги. На десятках

и сотнях тысяч гектаров можно было бы применить вашу систему искусственного дождевания для разведения специальных культур».

Письмо было довольно длинное. Но и тех строк, которые прочитал Лэйт, было достаточно для того, чтобы заставить его оживиться. Ему вдруг стало многое понятно в его американских неудачах. И как-то сразу далекая страна большевиков предстала перед ним в совершенно новом свете. Он вдруг понял все преимущество советского планового хозяйства. Ну да, только там его изобретение может найти полное применение, только там оно способно принести максимальную пользу. Ножин спрашивает, не согласится ли Лэйт приехать в СССР и установить несколько пробных аппаратов для искусственного дождевания. Разумеется. Хорошо, что еще не разрушен его аппарат. И теперь он уж, конечно, не разрушит его.

— Автомобиль подан, — доложил слуга.

— Поставь его на место в гараж. Я не еду! — ответил Лэйт и уселся писать ответ Ножину. В комнату постучались, и, не ожидая ответа, кто-то вошел. Лэйт с неудовольствием обернулся и увидел на пороге рыжего Ньютона.

— Простите, я помешал вам? — спросил спекулянт земельными участками. — Только на два слова!

Лэйт поднялся, медленно подошел к Ньюто-

ну, повернул его лицом к двери и повелительно сказал:

— Ступайте вон!

Чайхана стояла под большим, чистым, тенистым деревом, в том месте, где арык разделялся на два рукава. Здесь была вода и, значит, жизнь. В почти черной тени дерева отдыхали верблюды, кони и ишаки. Загорелые люди в пестрых халатах мирно беседовали, держа в руках большие чашки — пиалы. Часть гостей расположилась под навесом, другие сидели в чайхане на полу. Этот покой полуденного отдыха был нарушен самым неожиданным образом. Где-то вдали послышался рев, от которого верблюды беспокойно замахали длинными шеями, а кони и ишаки, подняв уши, в испуге присели на задние ноги. Рев страшного животного повторился совсем близко, послышалось гуденье, шипенье, и к чайхане подкатила шайтан-арба, невиданная в этих местах. Это был огромный автомобиль, на трех осях которого виднелись двенадцать колес на широчайших шинах. Автомобиль доверху был наполнен странными машинами и чемоданами, среди которых виднелись головы людей. Автомобиль остановился у открытой веранды. Хозяин чайханы выбежал и, отвешивая низкие поклоны, подошел к странной и страшной машине. Только бы она не заревела вновь! Неприятно пока-

зять свою трусость. Из автомобиля вышли высокий Лэйт, весь «кожаный» шофер, механик, проводник Ибрагим и маленький, прихрамывающий и косой человечек — слуга Джим. Казалось бы странным, что такого уродца взяли в путешествие. Но когда он начал раскладывать на веранде вещи, снятые с автомобиля, и с большой ловкостью готовить ранний обед, всем посетителям чайханы стало ясно, что этот обиженный природой человек справляется со своими обязанностями ничуть не хуже других, здоровых.

Когда путники пообедали и напились чаю, хозяин чайханы подошел к ним с вежливым поклоном и, обратившись к высокому Лэйту, которого, очевидно, считал начальником экспедиции, спросил, куда они направляются и не может ли он быть им полезным. Ибрагим перевел вопросы хозяина на русский язык, а Ножин — с русского на английский, и затем сам ответил хозяину: они идут туда, на юго-восток, в пустыню. Хозяин, а вслед за ним и все его гости, услышав такой ответ, выразили изумление, смешанное с испугом. Идти туда, в эту страну смерти, где нет ни одного живого существа, где только ветер играет на просторе с зыбучими песками! Туда, откуда никто не возвращался! Хозяин начал отговаривать путников от их безумного предприятия, но они только улыбались и стояли на своем. Они по-

едут в пустыню на своей большой двенадцати-колесной арбе. И, даже не ожидая, когда спадет зной, они собрались в путь. Косой и кривоногий Джим собрал пожитки, уложил в машину, все сели и тронулись в путь. Оставшиеся в чайхане провожали их такими взглядами, какими провожают обреченных на смерть.

— Люди всегда стараются избежать смерти, а эти люди ищут свою смерть, — высказал хозяин общее мнение, когда автомобиль, переваливаясь на волнах песка, исчез вдаль.

А путники смело подвигались вперед. Правду сказать, это было нелегкое путешествие. Зной томил немилосердно. На подъемах, когда колеса машины буксовали, все, кроме шофера, выскакивали из машины и толкали ее плечом. Карты обманывали. Колодцы и оазисы нередко находились далеко от того места, которое отмечалось картой. Однако Лэйт и Ножин стойко переносили все тяготы путешествия.

К концу этого дня подъехали к самой границе мертвой пустыни и решили заночевать, чтобы двинуться в путь с рассветом. Ибрагим нарубил сучьев саксаула — корявого кустарника, растущего в пустыне, и разложил костер. Все улеглись, но не спали. Джим, помогая Ибрагиму поддерживать пламя костра, о чем-то беседовал с ним, прибегая к мимике. Ножин наблюдал за этим странным разговором. Джим как будто в чем-то убеждал Ибрагима и, по-

видимому, убедил. Ибрагим кивнул головой, и они замолчали. Через некоторое время Ибрагим подошел к Ножину.

— Товарищ, я взялся провести вас через эту пустыню. Но я боюсь идти туда, потому что эта пустыня проклята аллахом, и кто пойдет туда, тот не вернется обратно.

— Откуда ты знаешь, что она проклята, и за что проклял ее аллах? — спросил Ножин, скрывая улыбку.

— Нам говорил мулла, а он мудрый, — ответил Ибрагим. — Эта пустыня, — продолжал он, — была некогда садом. Прекрасным садом, где текли реки, журчали ручьи, росли душистые, сочные плоды, а травы были в рост человека. Но люди забыли аллаха, перестали молиться и посещать мечеть, и аллах наказал людей. Он сказал: «Вот я отниму воду от этого сада, и он превратится в пустыню». И стало так. И высохли широкие реки, высохли ручьи и колодцы, исчезли арыки, и сад превратился в пустыню, и люди и животные бежали, кто не умер от засухи и голода, в другие места, туда, где есть вода, где жизнь. И теперь никто не смеет безнаказанно переступить границу этой пустыни. Вернись назад, товарищ.

— Ты веришь сказкам, Ибрагим? — с упреком спросил Ножин.

— Это не сказки, — убежденно ответил проводник.

Тогда Ножин решил воздействовать на другие чувства Ибрагима.

— Ты, значит, боишься, Ибрагим. Ты трус! Ибрагим сверкнул глазами.

— Я никогда не был трусом!

— В таком случае ты пойдешь с нами.

— Пусть будет так. Я пойду. Я иду на верную смерть и вы тоже. Я предупредил. Пусть будет так. Наши кости выбелит солнце.

Ибрагим отошел. Между ним и Джимом начался вновь странный разговор.

Скоро путники, истомленные дневными трудами и зноем, уснули, но в полночь были разбужены чьими-то стонами. Ножин и Лэйт проснулись. Стонал Джим. Он совсем занемог. Жаловался на боль в животе, на то, что у него ломит руки и ноги, он заявил, что не может двинуться в путь. Он предпочитает вернуться назад и отлежаться в чайхане — дойти туда у него хватит сил.

— Делать нечего, придется отвезти его, — сказал Лэйт.

На этом порешили и вновь улеглись спать. А когда проснулись с первыми лучами солнца, то не нашли Джима.

— Он не хотел связывать нас, не хотел, чтобы тратили время отвозить его в чайхану, и он отправился один. Это, конечно, благородно, но рискованно с его стороны. Что же, поедem без него!

Громоздкая машина двинулась в путь. Когда в полдень остановились среди зыбучих песков, чтобы отдохнуть, шофер обнаружил, что один бензиновый запасной бак пустой, другой тоже. Оставался только еще один, неполный бак. Между тем все эти баки были полны. Шофер и механик стали осматривать баки, нет ли течи, и нашли небольшое отверстие, которое могло быть сделано только каким-нибудь острым орудием, вроде шила. Это открытие чрезвычайно взволновало всех. Кто мог произвести порчу баков? Только Джим!.. В поспешном бегстве он даже не захватил своего небольшого чемодана. Лэйт раскрыл чемодан, чтобы посмотреть, что там находится. И нашел больше, чем ожидал: шило, небольшой молоток и обрывки писем. На одном клочке бумаги стояла подпись: «Гайдн».

— Теперь для меня все ясно, — сказал Лэйт. — Джим был подкуплен Гайдном. И, может быть, не одним Гайдном. Американские хлебные оптовики, упустив случай купить мое изобретение, поняли, какую оплошность они сделали. Благодаря искусственному дождеванию советский хлеб может убить американских экспортеров, и они принимают все меры к тому, чтобы затруднить признание и применение моего изобретения в СССР. Однако об этом мы еще успеем поговорить. Теперь надо выходить из положения. У нас так мало бензина, что

только-только хватит на обратный путь. Вернуться ли нам или же потратить этот бензин для мотора нашей станции искусственного дождевания? Но нам надо еще продвинуться в глубь пустыни, чтобы выполнить опыт при самых неблагоприятных условиях, как я сам это предложил вашему Колхозцентру и Наркомзему. Здесь, в пустыне, диэлектрический слой воздуха наиболее толст и сух. И если нам удастся пробить слой этого диэлектрика здесь и вызвать дождь, то уж не останется никаких сомнений, что в других местах осуществить искусственное дождевание будет совершенно легко.

— Мы едем дальше, произведем опыт и сообщим по радио о том, чтобы нам доставили сюда на аэроплане бензин для возвращения! — ответил Ножин.

Это было рискованное предприятие, но они ставили на карту все.

Опять двинулись в путь, но через два часа принуждены были остановиться. Началась песчаная буря. К машине подошли, точно призраки, верблюды заблудившегося каравана и в изнеможении упали. Буря прошла скорее, чем можно было ожидать, но люди и животные изнемогали от жажды. До ближайшего колодца было несколько часов пути. Положение казалось почти безнадежным. И вот тут Лэйт и Ножин решили, что пора действовать. Они

соорудили небольшую башенку, установили аппарат и объявили людям, которые покорно ожидали смерти, лежа возле изнемогавших верблюдов, что сейчас вызовут дождь. Ибрагим покачал недоверчиво головой:

— Здесь никогда не бывает дождя. Аллах запечатал все источники воды на земле и на небе.

— А вот мы заставим аллаха отпечатать эти источники, — отвечал Ножин.

Мотор заработал. Никогда еще Лэйт не волновался так, как в этот раз. Башня была невысокая, диэлектрический слой должен быть очень толст, сухость воздуха громадна, мотор небольшой мощности. Действительно, более неблагоприятных условий для опыта трудно было придумать. Сейчас решалась окончательно судьба этого ценного изобретения. Все с нетерпением смотрели на небо, хотя Ибрагим и его соотечественники и не верили в чудо. Прошло десять-пятнадцать минут, а небо казалось таким же безоблачным, как всегда. Лэйт начал не на шутку волноваться.

Наконец вверху над ними появилось очень слабое, тонкое туманное кольцо, через которое было видно небо. Но это было начало. Лэйт и Ножин оживились и набрались терпения. Туманное пятно уплотнялось, росло, густело, темнело и наконец превратилось в настоящее об-

лако, совершенно круглое. Мусульмане с суевренным ужасом смотрели то на это облако, то на людей, которые могут совершать такие чудеса, то на их удивительную машину.

И вот случилось чудо. Пошел дождь. Капли дождя ловили руками, пересохшими губами, люди плакали от радости, не веря глазам своим, набирали воду куда только можно, пили и поили верблюдов.

Это была победа, бесспорная и совершенная. Ибрагим подошел к Ножину и крикнул:

— Теперь я знаю! Нет аллаха! Есть машина и человеческая голова.

А шофер от радости начал гудеть в рожок с такой силой, что верблюды шарахнулись в сторону.

— Ну вот видишь, Ибрагим, мы и сняли с этой пустыни проклятие аллаха. И скоро мы превратим эту проклятую пустыню в зеленый сад.

А через несколько минут радисты Союза принимали радиотелеграмму: «Опыт удался блестяще. Мокнем под дождем. Высылайте аэро немедленно с запасами горючего».

Через несколько недель неутомимые путешественники уже устанавливали башню искусственного дождевания в колхозе на нижней Волге, и самый настоящий дождь, но искусственно вызванный, через несколько часов поливал удивленные головы колхозников.

Где делают погоду

Таксомотор подкатил к большому новому четырехэтажному зданию на Девичьем поле в Москве и остановился у подъезда с широкими ступенями. Человек с портфелем, бритый, в дорожном кепи и пальто из непромокаемой материи, прежде чем выйти из автомобиля, с любопытством осмотрел здание. Оно было довольно длинное, с огромными, во всю стену, окнами. На крыше здания помещалась высокая антенна, а от боковых стен в разные стороны протянулась густая сеть телефонных и телеграфных проводов. Входная дверь помещалась в небольшой нише. С правой стороны двери помещался большой барометр, с левой — термометр, на высоте второго этажа — часы, а над самой дверью скромная, но внушительная вывеска черного толстого блестящего стекла, на котором четко выделялись пять золотых букв.

ВЦБИД

Шофер нетерпеливо обернулся. Человек с портфелем спросил на ломаном русском языке: «Сколько?» — расплатился, вышел из автомобиля и поднялся по ступеням.

— Можно мне видеть инженера Лэйта? — спросил он швейцара.

— Третий этаж, правый коридор, комната но-

мер семьдесят восемь, — быстро ответил швейцар, провожая посетителя к кабине лифта.

Через минуту человек с портфелем входил в комнату номер семьдесят восемь. Это был довольно просторный, светлый кабинет с большим столом, на котором виднелись разложенные карты СССР и чертежи. Лэйт поднялся из-за стола и спросил по-английски:

— С кем имею честь говорить?

— Смит. Вы не узнали меня? Помните нефтяную вышку в Помонской долине? Помните, я первый выследил вас за опытами искусственного дождевания?

Да, Лэйт вспомнил этого юркого корреспондента, который так разозлил Босса.

— Вот где пришлось нам встретиться вторично, — продолжал корреспондент как будто с некоторым упреком в голосе по адресу Лэйта.

— Кто же в этом виноват? — ответил Лэйт. — Вы хотите осмотреть Вецебид?

— О, да. Но прежде всего прошу расшифровать мне эти странные звуки: Вецебид.

— Это очень просто, — ответил Лэйт и сказал по-русски: — Всесоюзное центральное бюро искусственного дождевания, — переведя затем эти слова на английский язык. — Да, признаюсь, ваш брат корреспондент отнимает у меня немало времени. Ну что ж, идем, — покорно закончил он.

И они отправились осматривать ВЦБИД.

Лэйт и Смит спустились вниз и вошли в большой зал.

— Это приемная радиостанция, — пояснял Лэйт. — Машинное отделение находится внизу, сюда же передаются телеграммы и телефонограммы, которые записываются автоматически вот этими аппаратами сразу в нескольких экземплярах. Работающие здесь люди рассылают эти телеграммы пневматической почтой по отделам: Центральному метеорологическому бюро, в контроль, в отдел исполнения, в статистический, экономический и прочее. — Лэйт подошел к одному столу, взял небольшой листок и прочитал: «1936.6 — 1, 20.18 — 0, 30». Это значит, что район, обслуживаемый станцией искусственного дождевания, номер 1936, если не ошибаюсь, она находится около Кругловска, просит дождя на завтра в шесть часов утра в продолжение часа двадцати минут и в шесть часов вечера — на полчаса.

— Простите, а где этот Кругловск?

— Это новый город в хлопковом районе Узбекистана, названный именем товарища Круглова. Искусственное дождевание создало много городов там, где раньше была только одна пустыня. Кстати, если вы увидите мистера Гайдна, то передайте ему от меня, что на том самом месте, где нас предал Косой Джим, надеюсь, хорошо известный мистеру Гайдну, — красуется прекрасный город, утопающий в са-

дах. А вот еще одна телеграмма. Она довольно необычайна: «7—5С». Вы знаете, что это значит? Это значит, что седьмая станция просит произвести дождь непрерывно в продолжение пяти суток.

— Но этак вы зальете все поля! — удивился Смит.

— Похоже, что так, — рассмеялся Лэйт. — Дело идет, видно, о том, что мелководье не позволяет сплавить лес по реке. И вот нас просят поднять уровень рек хорошим ливнем в продолжение нескольких суток. А вот еще, смотрите. Новое дело. «А. 499. Т». Если это расшифровать, то получится: «Аэродром номер 499. Туман». Туман, очевидно, мешает посадке аэропланов и дирижаблей. Требуется разогнать туман.

— Вы, значит, занимаетесь не только дождеванием, но и рассеиванием туч и туманов?

— Ну да. Я полагал, что вам известно об этом. Ведь мы свои аппараты для рассеивания тумана употребляем и на море, чтобы предупредить столкновение кораблей. Поднимемся теперь этажом выше, я покажу вам тот центр, где у нас делается погода.

Смит вошел следом за Лэйтом в очень большой зал через боковую дверь. Налево от него были окна во всю стену, а направо — стена, на которой находилась карта СССР в два десятка квадратных метров величиною, нарисованная,

по-видимому, на матовом стекле. Смит с любопытством начал рассматривать эту карту. Она была в красках, и Смит сам скоро догадался, что они означали разного рода растительность, злаки, плантации и пр.

— Вот белые хлопковые поля, вот желтоватая рожь, пшеница, вот тучные травы для скота, мериносовых овец.

— Но почему некоторые места на карте, отмеченные номерами, изменяют цвет, то белея, то вдруг синея, и, наконец, вновь возвращаются к первоначальному цвету? — спросил Смит.

— Номера и небольшие точки около них — это все станции искусственного дождевания.

— Так много? — изумился Смит, глядя на карту, всю испещренную точками с номерами.

— Более трех тысяч, — ответил Лэйт. — На карте белеют те пункты, которые просят дождя. Когда аппарат приведен в действие, то пункт на карте синеет, — это значит: там дождь идет. А когда дождь оканчивается, все приходит в норму. Вот тот человек, который в настоящее время делает дождь. Познакомьтесь! Инженер и мой друг Ножин, которому я так многим обязан.

Ножин был занят, он только кивнул головой и улыбнулся. Он сидел перед небольшой картой СССР, расположенной на несколько наклонной по направлению к нему доске. На этой карте на месте точек имелись кнопки. Внизу

карты перед Ножиным шла непрерывная лента, на которой, в строго хронологическом порядке поступления, шли номера-заказы. Ножин смотрел заказ, перекручивал кнопку «на срок дождевания», как объяснил Лэйт, и нажимал ее. И где-то за тысячи и, может быть, даже десятки тысяч километров начинал идти дождь.

— Скоро мы это упростим. Включение станций в дождевание будет производиться механически.

— Но почему не пускать станции в действие на месте?

— Потому, — ответил Лэйт, — что в таком случае могла бы получиться метеорологическая анархия. Здесь не Американские Штаты, где вся земля поделена на пестрые клочки и где каждый собственник думает только о себе. Климат должен быть регулирован в общесоюзном масштабе. За этим следят наши метеорологические станции.

— Наши?! — удивился Смит и иронически заметил: — Я вижу, вы очень осоветизировались, мистер.

— А разве того, что вы видите, недостаточно для советизации? — спросил Лэйт, и вдруг вся горечь старой обиды поднялась в нем. — Что дала мне моя родина, кроме огорчения? Что могло там дать мне изобретение, кроме вреда! А здесь — смотрите. Вы видите эти огромные пространства на восток от Каспийского моря?

Вы привыкли видеть их на карте однообразными желтыми пустынями, а теперь, смотрите, сколько здесь появилось животворящих точек и сколько поэтому выросло новых агроиндустриальных городов! Но этого мало. Смотрите, и на севере, в Сибири, площадь бесплодной тундры и тайги отодвинулась к Полярному морю. Почему? Потому, что мы смягчили сухой континентальный климат Сибири и Средней Азии, мы сделали его более влажным, полуморским, приближающимся к климату Украины. Этим самым мы изменили внешний вид земли, изменили растительность, расширили пределы культурного земледелия. Мы являемся до некоторой степени диктаторами климата, и если бы захотели, то могли бы, например, всю Индию залить ливнями и изменить климат всего земного шара. Мы производим теперь столько хлеба, что можем накормить им весь мир. Идемте дальше. То, что входит в наше сознание через глаза, действует сильнее, чем то, что идет в мозг через уши. Я покажу комнату контроля.

Лэйт ввел Смита в темную комнату, усадил на кресло, сам подошел к стене, закрытой шторой, повозился, пошуршал чем-то, и вдруг Смит увидел, что штора открылась и появился экран, а на нем виднелось синее небо и поля еще зеленой пшеницы. Посередине поля стояла башня для искусственного дождевания. И Смит мог любоваться, как над нею образовалось облако

и пошел дождь. Штора закрылась, открылась вновь, и Смит увидал рисовые поля, обильно поливаемые ливнем. Еще раз темнота, и перед ним река в лесу. Бушующий ливень поднял уровень реки, и по ней идут плоты.

— А за неделю перед этим по этой реке могла перейти курица, — пояснил Лэйт.

И вот еще один поворот волшебной рукоятки. Смит ничего не видит, кроме тумана. Но туман вдруг начинает расходиться. Вот видны ангары. Вот причальная башня дирижабля. С неба вдруг спускаются стальные птицы, а вдали виднеется подлетающая длинная сигара дирижабля. Аппарат разогнал туман, и воздушные корабли уверенно спускаются на землю. Смит поражен. Даже восхищен. Но профессиональная выдержка и национальная гордость не позволяют ему высказать волнующие его чувства.

— Да, — говорит он, поднимаясь, — вы добились больших успехов, мистер. И можно только пожалеть, что все, что я вижу, происходит не в Америке.

— Что ж, дело поправимо, — ответил Лэйт. — Вводите у себя плановое хозяйство, уничтожьте частную собственность на землю, тогда и вы сможете применить мое изобретение на благо всем. Так и передайте это моим почтенным согражданам: Гайднам, Фарсонам, Ньютонам, Дойсам и прочей компании.

ШТОРМ



— Поздравляю!

— От души поздравляю! Тебе повезло, Левка. Со школьной скамьи и, можно сказать, прямо в капитаны воздушного корабля.

— Ну, корабль-то мой на привязи! — со смехом ответил Леопольд Миллер.

— Ему вдвойне повезло. Слушайте! Не перебивайте! — старался перекричать всех черно-волосый живой Дунский. — Во-первых, этокое назначение...

— По заслугам, брат!..

— Подожди, не перебивай, Завачкин! Во-первых, этокое назначение, а во-вторых, такая помощница. Ты будешь идиот, Левка, если не предложишь Зое руку и сердце. И я бы на твоём месте никогда не спускался на землю. Вы будете небожителями. Вы сможете пользоваться безоблачным счастьем, — ведь твой «Кондор» парит выше облаков. А ты, Зойка, ты станешь родоначальницей нового человечества, рожденного на небе!

— Захватите с собой только хорошую няньку, чтоб ваш будущий воздушный младенец не упал с высоты тысячи километров!

— Да будет вам! — смеялась Зоя, встряхивая русоволосой стриженной головой. — Я не собираюсь замуж, и Левка мне совсем не нравится.

— Ну, это положим!

— Любовь и запах мускуса нельзя скрыть, как говорит восточная пословица!

— Летите на аэроплане? — спросил Орлов.

— Нет, едем на электричке, — ответил Миллер.

— Такая отсталость! Воздушному человеку не пристало ползать по земле.

— Рожденный летать ползать не умеет, или как там...

— Мне по пути надо захватить кое-какой материал.

— Смотри, чтобы тебя румыны не подстрелили. На самой почти границе висеть в воздухе будешь!

Миллер поднялся.

— Ну, ребята, мне пора. Спасибо за пожелания и горячие проводы. Перед дорогой надо уложиться, написать кое-какие письма. Зоя, ты прямо на вокзал?

— Мне недолго собраться, — ответила девушка.

— Эх. Зойка, осиротеет мы без тебя!

— Приезжайте в гости.

— Приедем! Спасибо! Прощайте! Счастливого пути!

— Прощайте! Прощайте!

Скромная пирушка окончилась. Миллер вернулся к себе в маленькую комнатку на пятом этаже.

— Вам письмо, Леопольд Иванович! — сказала пожилая женщина, соседка Миллера по квартире.

Письмо было от матери.

«Дорогой Лева! — писала Эльвира Карловна крупным, размашистым почерком. — Не знаю, что мне больше, радоваться или горевать. Я рада твоему окончанию института и назначению. Ты — инженер. Выбился на дорогу. Но разве нет хороших мест на земле? Почему тебе предложили такую службу? У тебя может закружиться голова, и ты упадешь с твоей воздушной мельницы. Я предпочитала бы, чтобы ты был, как твой отец, простым монтером, но земным, а не воздушным инженером. Это опасно. И я не пойму, зачем это нужно. Растолкуй ты мне, пожалуйста, глупой старухе, почему нельзя было установить твою машину на земле? Ветер везде дует. Ты пишешь о Зое. Она хорошая девушка. А уж девушке-то совсем не пристало на воздушных змейках жить. И она туда же! Женился бы на ней и жил на земле, как все люди. А то внук родится, и не поглядишь

на него. Не лезть же мне, старухе, под облака!»

«И она о том же! — улыбаясь, подумал Миллер. — О детях, рожденных в небе...»

«И еще одно беспокоит меня, — продолжала писать мать. — У нас говорят о войне. А если будет война да прилетят румынские или польские аэропланы. А тебе на твоём привязанном воздушном змее и деваться некуда. Будут в твой шар стрелять, как в висящую бутылку в тире. И тебе некуда деваться. На земле все-таки безопасней и во время войны»...

Левка откинулся на спинку стула, подумал и написал матери:

«Mutti! Ты спрашиваешь меня, почему людям понадобилось устраивать свои машины «на небе». Постараюсь объяснить так, чтобы тебе было понятно.

Ты помнишь, мы с тобой читали роман Уэллса «Когда спящий пробуждается»? Этот самый Уэллс в первые годы нашей революции был в России, вернувшись к себе в Англию, написал книгу «Россия во мгле». В книге этой Уэллс удивлялся «кремлевским мечтателям», — как это они затевают электрифицировать страну равнинную, с медленным течением рек. Где они возьмут энергию? Фантасту, мечтателю, провидцу будущего — Уэллсу не пришла в голову мысль, что для добывания электричества может быть использована не только энергия воды, но и ветра. Эта недогадливость тем более

странна, что сам Уэллс в романе, который мы читали с тобой, описывает ветросиловые турбины, снабжающие энергией Лондон. Но ведь ветер может дать энергию для электрификации не только одного города, а и целого земного шара. Уэллс, вероятно, полагал, что нам не удастся «взять и ветер в большевистский оборот». Но Уэллс ошибся в этом, как и во многом другом.

Энергия ветра необъятна. По самым приблизительным подсчетам, энергия, которую могло бы получить человечество от ветра в течение года, превосходит все мировые запасы. По одной только европейской части Союза можно было бы в год получить энергию, равную двум миллиардам ста пятидесяти миллионам тонн угля. Тебе эта цифра станет понятнее, если я укажу, что за первую пятилетку вся наша добыча топлива в переводе на уголь составила всего сто сорок миллионов тонн.

Нам нужно огромное количество энергии — не менее шестидесяти миллионов киловатт. Мы пускаем и отчасти уже пустили главнейшие наши водные источники энергии: Днепр, Ангару, Енисей, Волгу... Один Енисей дает нам восемь миллионов киловатт. Но энергия рек все же имеет предел. И вот на помощь рекам должен прийти ветер.

Вся беда, однако, в том, что ветер — самая капризная, самая непостоянная стихия. Это не-

надежный источник энергии. Ветер то дует, то перестает дуть. А нет ветра — стоят и электростанции. Ты скажешь: значит, Уэллс был прав. Нет, он оказался плохим пророком и угадчиком. Мы посрамили и ветер, и Уэллса.

Дело в том, что ветер капризничает только над самой поверхностью земли. На высоте же примерно пятисот метров дует постоянный, никогда не утихающий ветер. Воздушная Ниагара. Неисчерпаемый источник энергии. Если даже ветер утихает на высоте пятисот метров, он дует несколько выше. И чем выше, тем сильнее, тем постояннее. Значит, весь вопрос только в том, как использовать эти высокие воздушные реки. «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Надо, значит, поднимать на высоту ветросиловые установки. Эта мысль была впервые высказана и технически разработана инженером Кажинским.

Представь себе воздушный змей, который запущен под облака. Но змей гигантских размеров. На змее имеется нечто вроде ветряной мельницы, только вместо крыльев вращается этаким цилиндр — вингродор (винг по-английски — крыло, ротор — вращающаяся часть механизма). Чтобы вся машина была легче и поднималась на воздух, пустоты в огромных крыльях и других частях сооружения наполнены водородом. Кроме того, и сам ветер поддерживает аппарат. Вся же ветросиловая вы-

сотная электрическая установка прикреплена к земле стальной проволокой. По этой проволоке идет на землю от станции и ток. А ток получается оттого, что вращающиеся от ветра крылья приводят в действие мотор, который также находится на змее. Понятно? Вот на такой высотной станции я и буду работать.

Так мы завоевали ветер. Отныне он подчинен нам, на нас работает, послушный нашей воле. Теперь мы имеем неограниченный запас энергии.

Эта победа над ветром, конечно, не могла не напугать наших врагов. Почти каждый месяц поднимается в воздух новая высотная ветросиловая установка. «С неба» льются на землю миллионы киловатт энергии. Мы становимся слишком сильны. И в страхе перед нашим растущим могуществом враги, быть может, и попытаются напасть на нас. Ну, что же? Мы победим их ветром! На нас будут работать бури.

А за меня ты не беспокойся. Если прилетят вражеские аэропланы, воздушный змей всегда можно спустить на землю, смотав проволоку так же, как мальчишки сматывают нитку змеек.

Небольшие станции парят в облаках без людей. В случае аварии, для смазки частей, регулировки мотора, пополнения запасов газа и прочего их спускают на землю. Но часто спускать на землю такую мощную установку,

как «Кондор», не выгодно. Это ведет к потере энергии. Вот почему мы будем постоянно жить с Зоей на нашей «воздушной даче». Зоя уже на последнем курсе и едет со мною как стажерка. Она — молодец. «Воздушный монтер». Головокружением не страдает. Храбрая девушка. Не волнуйся и не беспокойся, дорогая! Мать должна быть мужественна. (Недаром созвучны Mutter — мать и Mut — мужество.) Я буду писать тебе каждую неделю. Привет отцу. Как его ревматизм?

Твой Лева.

P. S. Мои все товарищи по институту завидуют мне. Из окончивших в этом году только я один получил такое «высокое» и ответственное назначение. Я внес кое-какие усовершенствования в конструкцию хвоста «воздушного змея» (наша машина имеет и хвост). Изобретение было признано важным, оно-то и помогло мне получить «капитанский пост», как говорят мои товарищи. «Кондор» будет обслуживать электроэнергией огромный колхоз (большинство тракторов и автомобилей работает теперь на электрических аккумуляторах), лесопилку, целлюлозный завод и прочее. Работа интересная. Целую. Зоя шлет привет. Л.»

Электропоезд быстро мчал Миллера и Зою Тверьянову на юг. В пути были только две остановки.

«За агульным сталом курыць забороняецца», — прочла Зоя в буфете одной станции. — Белоруссия!

«За загальным столом просят не палити». — Над ними было уже небо Украины.

Еще несколько часов езды, и они на месте. Пирамидальные тополя, ночью похожие на кипарисы, устремляли свои острые вершины к звездному небу. Теплый, ласкающий ветер приносил «украинские» запахи трав и полей.

На высоком холме виднелось бесформенное сооружение. Это спал на земле последнюю ночь их «Кондор». Из соседнего сарая сквозь раскрытую дверь падал свет на поляну, выхватывая из мрака два грузовика. Слышались голоса, удары молота. Шли последние приготовления. Весть о приезде инженера быстро распространилась по мастерским и баракам. Отовсюду шли рабочие, колхозники.

— Ты бы отдохнула с дороги, Зоя, — предложил Миллер.

— Выплюсь на облаках, — улыбаясь, ответила девушка.

Вспыхнул свет временной электростанции. Яркий дуговой фонарь осветил «Кондор». Он стоял на причальном помосте. Центром всего сооружения была огромная «катушка» — вингродор, скрепляющая, как ось, весь аппарат. На концах оси были укреплены огромные плоскости в виде полулунок. Они должны да-

вать боковую устойчивость «змею». Под катушкой помещалась палуба и на ней небольшая каюта с двумя комнатами — будущее жилище Миллера и Зои. Позади «Кондора» через всю поляну почти на километр протянулся огромный хвост. На некотором расстоянии от причальной площадки стоял ворот с намотанным тонким тросом. Рядом виднелось здание небольшого газового завода, который вырабатывал водород для наполнения внутренних полостей «Кондора».

Миллер ринулся в работу, словно в бой. Его молодая энергия передавалась всем. Людской муравейник зашевелился.

Зоя не заметила, как подкралось утро. Погасли фонари. Розовый луч солнца осветил рога боковых плоскостей.

— Лезем, Зоя! — крикнул Миллер.

Он уже был у причальных мостков и быстро карабкался по отвесной лестнице. Зоя последовала за ним, легко и уверенно взбираясь все выше. Недаром она была премированной физкультурницей.

Через две минуты они были на палубе.

— Ветер в три балла. Слышишь, как шумят верхушки деревьев? — сказал Миллер. Он уверенно повернул рычаг. Лопастей ротора завертелись. — Три балла — вполне достаточный ветер, чтобы помочь нам взлететь. Помнишь «эффект Магнуса», Зоя?

Миллер скрылся позади каюты и сказал оттуда:

— Поверни выключатель возле двери каюты. Зоя повернула. Послышался шум мотора. В каюте зажглась электрическая лампочка.

— Вот видишь, наша электростанция и заработала. Лет десяток назад не обошлось бы без торжества. Теперь торжествовать по такому случаю показалось бы так же странно, как по поводу проводки домашнего электрического звонка. Вниз я еще не даю тока. Тебе придется присматривать за мотором. Он установлен в закрытом помещении позади каюты.

Миллер подошел к краю палубы и, нагнувшись над железной оградой, крикнул, как настоящий капитан:

— Отдавайте концы!

Ворот завертелся, разматывая проволоку, «Кондор» начал подниматься вверх. Первые лучи восходящего солнца осветили лицо Зои, а внизу лежали еще ночные тени. Миллер посмотрел на Зою и ласково улыбнулся:

— Летим, Зойка! Не боишься?

— Не боюсь, Левка!

Могла ли она признаться, что ей было немножко жутко?

«Кондор» медленно поднимался. Ветер крепчал. Ротор вращался все сильнее. Миллер заботливо посмотрел на Зою.

— Напрасно ты не взяла своего чемодана.

Надела бы свитер. Вверху будет совсем свежо. Не забывай, что мы будем жить на высоте, где «климат» горных вершин. Но это наш пробный полет. Спустимся и захватим все необходимое.

— Мне не холодно! — ответила Зоя.

Она смотрела вниз. Горизонт расширялся и как будто поднимался. С каждой минутой открывались все новые дали: синеющий лес, ослепительно-красная излучина реки, далекие фабричные трубы... На полях, словно жуки, копошатся тракторы. «Кондор» будет питать их электричеством!

Мотор вдруг начал давать перебои.

— Посмотри, Зоя, что с динамо! — сказал Левка.

Зоя отрегулировала мотор, и, когда вернулась, «Кондор» стоял уже неподвижно на большой высоте. Позади него протянулся, постепенно опускаясь, длинный хвост, колышущийся от ветра.

* * *

— Неисчерпаема энергия воздушного океана. Пройдет еще немного лет, и тысячи, десятки тысяч вот таких «Кондоров» начнут гордо реять над нашей страной. Ветер, превращенный в электроток, будет вращать наши машины, давать свет и тепло. Мы электрифицируем нашу жизнь, наш быт до мельчайших подробно-

стей. Ветер возьмет на себя самые тяжелые работы. Человеческий труд облегчится. Люди будут иметь гораздо больше свободного времени, чтобы отдавать его науке, искусствам. Жизнь станет прекрасной.

— Да, Левка, жизнь станет прекрасна, — отозвалась Зоя.

И вдруг, сделав испуганные глаза, Зоя воскликнула:

— Левка! А как же мы будем обедать? Чем мы будем питаться?

— Нектаром и амброзией, как и следует небожителям, или же манной небесной. Ты проголодалась, Зоя?

— Признаться, да. Мне хочется есть. Ведь мы обедали еще за агульным или загальным столом!

— Потерпи немного. Мы скоро спустимся. А когда мы взлетим надолго, то будем спускать вниз проволоку и поднимать все, что нам необходимо. Здесь есть электрическая плита, и мы сможем подогревать кушанья, варить кофе. От времени до времени нам придется спускаться, чтобы запастись газом. Как ни плотны оболочки «крыльев», все же диффузия существует. Думаю, что утечка газа будет небольшая, и нам едва ли придется спускаться чаще, чем раз в месяц, если только ты не соскучишься по земле.

— Нам некогда будет скучать, Левка!

— Но у нас достаточно будет и свободного времени. Мы запасемся книгами. На «Кондоре» имеются прекрасная радиостанция и телевизор. Ты сможешь видеть даже кинокартины.

— А по ночам мы будем заниматься астрономией. Не правда ли, отсюда чудесно наблюдать светила?

*На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил,*

— вновь продекламировал Левка.

— А если в нашем воздушном океане произойдет буря, что мы будем делать, Левка?

— Нас притянут к земле и закрепят «Кондор» на якорях. На случай же катастрофы, например обрыва троса, у нас имеются парашюты.

Миллер показал Зое привязанные к перилам сложенные парашюты и объяснил, как обращаться с ними.

— Прихватываешь себя у груди вот этим ремнем и — господи благослови — бросаешься вниз. Летишь и считаешь до десяти, — запомни это, — и только когда просчитаешь до десяти, дернешь вот за эту веревку, и парашют раскроется.

Зоя невольно вздрогнула и сказала, понизив голос:

— Ты знаешь, я очень храбрая, Левка. Но я,

кажется, никогда не решилась бы броситься вниз на парашюте. Что бы ни случилось...

— Ну, не будем говорить о таких вещах. Надеюсь, тебе не придется совершить такое сальто-мортале.

— Алло! — заговорил радиорупор. — Как дела?

— Все в порядке! — ответил Левка по радиотелефону. — Сейчас дам ток на землю. Есть? Отлично! Можете начинать спуск!

«Кондор» вздрогнул и стал медленно снижаться. Внизу люди наматывали на ворот тонкий трос.

— Надо будет механизировать работу этого ворота, — сказал Левка. — Итак, завтра мы начинаем жизнь на нашей небесной даче. Завтра мы дадим ток колхозным тракторам, заводам, военным автомобилям, дадим свет в дома и тепло в электрические печи. Довольно ветру лодырничать! Отныне бездельников не будут уже называть ветренниками. Ветер будет таскать, возить, косить, варить электрощи в колхозной электрофабрике-кухне и даже баюкать детей в колхозных яслях. Но сегодня мы поедим с тобой еще неэлектрифицированный украинский борщ!

* * *

На другой день произошло водворение Зои Тверьяновой и Миллера «на небеса».

Весь аппарат был хорошо сконструирован, и,

в сущности говоря, на «Кондоре» можно было иметь одного монтера. На малых ветросиловых установках обходились и совсем без людей. Но «Кондор» был слишком мощной ветросиловой электростанцией, чтобы его выводить из строя без крайней нужды. На всякий случай на земле был устроен очень простой аккумулятор: на вершине холма было выкопано целое озерцо. Электричество поднимало воду речки, протекавшей у подножия холма, вода наполняла озеро. Когда «Кондор» почему-либо бездействовал, вода из этого резервуара пускалась вниз по трубе и приводила в движение турбину. Таким образом, все сооружение являлось как бы комбинированной ветро-гидро-электроустановкой.

Сам Миллер неотлучно находился на «Кондоре» главным образом потому, что здесь он продолжал свою научную и изобретательскую работу. «Кондор» был его лабораторией: Левка изучал силу ветра на различной высоте, проверял работу роторов, испытывал на ветру модели, вел дневники. Дело было новое. Миллер изыскивал всякие усовершенствования, изобретал автоматические регуляторы, отметчики. Зоя деятельно помогала ему.

Они запаслись всем необходимым: теплой одеждой, книгами. Пища и питье каждый день подавались им «на лифте». Миллер придумал и «спешную почту» — небольшой привязной бал-

лон, который быстро поднимался к «Кондору».

Это была необычная жизнь в воздухе на высоте пятисот, тысячи и выше метров. Иногда «Кондор» поднимался над облаками. Волнующееся облачное море клубилось под ногами отшельников. Несколько раз под ними разражалась гроза. Страшные удары потрясали небесные просторы. Облака играли многократным эхо. Синие молнии сердито ломались в клубящихся тучах. Внизу были хаос, гром и буря. А над «Кондором» простиралось безоблачное голубое небо и ярко светило солнце.

Иногда вечернее облачко, подрумяненное солнцем, проплывало вблизи «Кондора». Зоя протягивала к нему руку и говорила:

— Иди к нам, небесный гость!

И, словно повинувшись этому зову, облако окутывало «Кондора» сырым туманом, оставлявшим капли на волосах и шерстяном свитере Зои.

— Не все поэтическое издали приятно вблизи! — смеясь, говорил Левка.

Воздух был прохладен, а солнце жгло. Щека, обращенная к солнцу, горела, а другая — в тени — мерзла. Миллер и Зойка сильно загорели.

— Вот где принимать солнечные ванны. Лучше, чем на пляже! — говорила Зоя.

— Да, и я уверен, что со временем большие высотные установки будут использованы как горные санатории! — отвечал Левка.

Вечерами молодые люди сидели на палубе и любовались звездами. Внизу, на земле, как звезды горели в домах огни электрических ламп, и Зоя иногда казалось, что она находится в межпланетном пространстве: звезды и сверху и снизу окружали ее. Мелочи жизни оставались там, внизу, на земле. Здесь невольно приходили в голову мысли о далеких мирах, о жителях иных планет, о величии вселенной...

Спокойному созерцанию мешал только ветер. Если он ослабевал, то Левка тотчас отдавал приказ на землю поднять «Кондор» выше. И ветер вновь свистел в ушах, роторы быстро вращались, ток стекал по проволоке на землю, растекался по фабрикам, заводам, домам, животительной силой вливался в тракторы, машины, вертел, двигал, светил, грел, стирал белье, варил электрокашу...

Ведя воображаемые беседы с марсианами, Зоя иногда забывала о земле. Но земля сама напомнила о себе.

* * *

Пришла осень, непогожая, дождливая. Уже на высоте двухсот метров скорость ветра доходила до восьми-девяти метров в секунду. Внизу, на земле, гнулись тополя, роняя последние листья. Зоя ежилась, смотрела на быстро мчавшиеся облака и думала о зиме.

— Левка! Что мы будем делать, когда придут зимние выюги?

— «Когда наступят зимни холода»? То же, что и теперь. Оденемся потеплее, только и всего.

— А если «Кондор» засыплет снегом?

— Не засыплет. Ротор прикрывает сверху. Сам он вращается, на него не осядет снег. Ну, а если немного и наметет на палубу, очистим. Надо будет только скорее сделать аппарат, который автоматически регулировал бы высоту полета в зависимости от силы ветра. Тогда нам не придется так часто выходить на стужу, чтобы посмотреть показания анемометра.

В этот вечер они рано забрались в каюту. Здесь было светло, тепло, уютно. Зоя читала, Левка обрабатывал записи автоматических аппаратов, чертил графики. За стеной мерно ворчал мотор. «Кондор» дрожал легкой дрожью, но к ней воздушные жители привыкли, как железнодорожники к тряске вагона.

— Алло! Алло! Алло! — неожиданно раздался тревожный голос. — Говорит земля. Миллер, вы принимаете?

— Кирсанов? Я вас слушаю!

— Внимательно слушайте! — продолжал голос. И черный диск рупора начал сообщать черные вести: — Из главного штаба получена радиотелеграмма. Румыния и Польша без объявления войны начали военные действия. Эскадрилья вражеских аэропланов перелетела

границу. Аэропланы снабжены режущими приспособлениями для проволоки, к которой привязаны высотные ветросиловые установки. «Литке» и «Звезда» подрезаны и разбиты. Установите наблюдение. Если увидите врага, немедленно давайте сигналы, чтобы спустить «Кондор» на землю. Для его защиты к нам прибудет батарея зенитных орудий.

С немым ужасом, как загипнотизированная, смотрела Зоя на блестящий кружок в центре черного диска. Был взволнован и Левка.

— Переходим на военное положение, Зойка? — сказал он с нервной веселостью. — Одевайся теплее. Нам придется стоять на вахте всю ночь.

Надевая кожаные шлем и пальто на меху, он продолжал:

— А пулемет, пожалуй, теперь и пригодился бы нам. Признаться, я сам отказался от него: лишняя тяжесть. Ну, да спуститься на землю и взять на борт пулемет недолго. Идем! Постой! Надо переключить громкоговоритель на палубу. Так. Идем!

Ветер ударил в лицо. Тяжи свистели и дрожали. Весь «Кондор» словно напружился. Внезапно с двух сторон палубы ночную тьму прорезали яркие снопы света. Это Миллер зажег прожекторы.

С полевыми биноклями в руках Левка и Зоя стояли по обеим сторонам палубы. Облака

быстро неслись по небу, клубились, сталкивались, громоздились. Рука Зои немела от тяжелого бинокля и холодного ветра.

От времени до времени Зоя бросала взгляд на анемометр.

«Тринадцать метров в секунду... четырнадцать... пятнадцать... Шесть баллов! Неужели в такой ветер вражеские аэропланы решатся лететь? Ах, хоть бы разразился шторм!.. Барометр падает...»

Иногда среди клубящихся туч Зое мерещилась блестящая звездочка. Уж не вражеский ли это аэроплан, освещенный прожектором «Кондора»?.. Но звездочка исчезала и не появлялась. Обман утомленного зрения!..

«Семнадцать метров... восемнадцать...»

— Алло! Алло! — заглушая свист ветра, закричал громкоговоритель, прикрепленный к наружной стене каюты. — Алло! Наши военные автомобили прибыли на станцию для зарядки аккумуляторов. Давайте всю мощность «Кондора»!

«Девятнадцать... двадцать метров в секунду. Восемь баллов! Это уже шторм!» — подумала Зоя с облегчением. Чем крепче ветер, тем меньше вероятия на вражеский налет. Воздушный шторм защитит их от шторма военной непогоды. А «Кондор»? «Кондор» выдержит. Он привык встречать грудью своих роторов натиск ветра. И Зоя почти с нежностью посмотрела

на цилиндр вингротора. Он шумел и гудел, как Ниагара. «Кондор» уже не дрожал, а трясся, словно в сильнейшем пароксизме лихорадки. Звенели и свистели тяжи. Хвост стоял горизонтально, вытянутый ветром в струну. Ветер распахивал полы кожаного пальто Зои, леденил ноги. От света прожектора болели глаза. Кружилась голова. Тяжелый бинокль оттягивал вниз руку.

«Двадцать три... двадцать шесть... двадцать восемь... если так пойдет дальше...»

Внезапно Зоя почувствовала толчок, и «Кондор» начал снижаться. Неужели порвался трос? Ведь все дело в тросе! Зоя напрасно любовалась «Кондором». Порвется тоненькая привязь, и вся эта махина станет беззащитной игрушкой ветра. «Кондор» сорвется и полетит кувырком, «гуляя», как детский оборвавшийся змей... Жизнь Зои висела если не на волоске, то на тонкой проволоке...

«Кондор» снижается равномерно. Это, вероятно, Левка ищет полосу, где ветер тише...

— Алло! Алло! — вновь заревел громкоговоритель. — Получен приказ: «Кондор» должен держаться на высоте до последней возможности, пока все аккумуляторы не будут заряжены. Давайте сигнал о спуске только в двух случаях: если увидите вражеский аэроплан или же если сила ветра будет явно угрожать срыву «Кондора».

«Кондор» несколько опустился, но внизу ветер на этот раз был еще сильнее. Тогда Миллер решил подняться в верхние слои. Начались поиски «тихой воздушной гавани». «Кондор» то поднимался выше облаков, и над Зоей тогда светили безучастные звезды, то погружался в хаос клубящихся туч. В лучах прожектора они казались остервенелыми чудовищами, набрасывающимися на «Кондор». Несмотря на длинный хвост и боковые плоскости, «Кондор» начало бросать из стороны в сторону. Зоя положила бинокль в футляр и крепко схватилась за прут железной ограды. Он дрожал, как и всё на «Кондоре», и был холоден как лед.

«Тридцать... тридцать два... тридцать три... тридцать четыре метра в секунду. Десять... одиннадцать баллов! Сильный шторм, переходящий в ураган... Жизнь на стальном волоске... Жизнь...»

— Зоя... Зойка!

Тверьянова повернула голову, словно пробуждаясь от забытья. Крепко держась за перила, перед ней стоял Левка. Лицо его побледнело. Губы нервно подергивались. Он попытался улыбнуться, но улыбка не удалась. Наклонившись к Зоину уху, он закричал:

— Как чувствуешь себя, Зоя?

— Отлично! — ответила она.

Левка помолчал, словно колеблясь принять какое-то решение. Затем закричал вновь:

— «Кондор» не выдержит такого шторма. Трос лопнет. Натяжение слишком велико. Нельзя погубить «Кондор». Надо спускаться. Я отдам приказ.

— А аккумуляторы военных автомобилей?.. — спросила Зоя.

Губы Левки опять дрогнули.

— Если «Кондор» сорвется, всех аккумуляторов все равно не зарядить, — прокричал он в ответ.

Зоя пытливо заглянула ему в глаза. Она хотела прочесть его мысли. И чутьем отгадала их.

«Ты боишься не за «Кондор», — подумала она и прокричала:

— Попробуй подняться еще раз до самого «потолка» — на всю длину троса!

Левка пожал плечами.

— Поднимались. Везде одно и то же. Шторм...

— Но ветер может измениться. Прошу тебя!..

Левка неопределенно пожал плечами и отошел. Вот он что-то крикнул в трубку телефона... «Кондор» начал подниматься. Над головой Зои снова показались звезды. Там где-то был Марс со своими загадочными марсианами. Но в эту минуту она не думала о них.

«Так... молодец... Чем выше от земли, тем лучше...» Зоя, не выпуская перил, добралась до парашюта, сбросила меховые перчатки, с тру-

дом обвязала себя выше груди широким ремнем, отвязала парашют, сжала конец веревки, которая раскрывает парашют, и, зажмурив глаза, бросилась в клокочущий под нею океан облаков.

«Раз... два... три... четыре...» —

Левка увидал, как темный предмет метнулся вниз и скрылся в облаках. Острая боль пронзила сердце. Он бросился к Зое. Ее не было на палубе. Не хватало и одного парашюта. Левка понял все: она «развязала ему руки».

Шатаясь, Миллер подошел к радиотелефону. Он хотел отдать приказ о том, чтобы «Кондор» немедленно спустили вниз.

Шторм валил его с ног. О, этот шторм! Он отнял у него самое дорогое. Разве можно рассчитывать на благополучный спуск при таком ветре? Зоя, конечно, погибла. Теперь все кончено...

И Миллер ограничился только тем, что крикнул в радиотелефонную трубку:

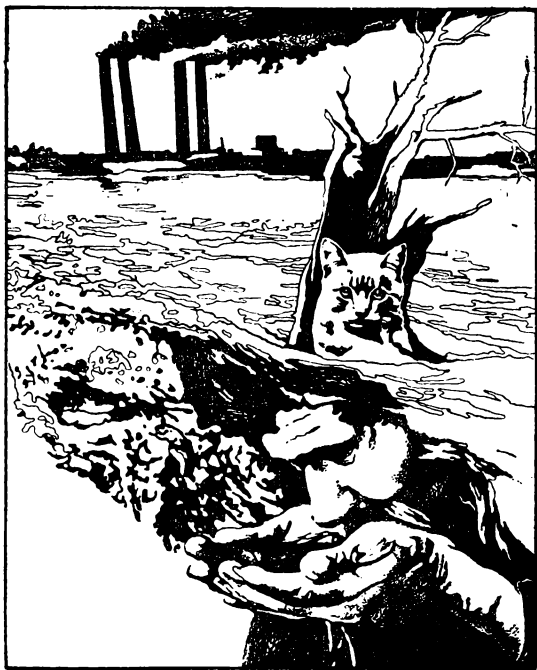
— Тверьянова бросилась на парашюте. Пошлите людей на розыски!

Зою Тверьянову нашли за двадцать километров на вершине дерева. Перелом ноги, ссадины по всему телу. Но она была жива. Исключительная удача для такого безумного прыжка.

Первыми ее словами, когда она пришла в себя, были:

— Все ли аккумуляторы заряжены?..

ЗЕМЛЯ ГОРИТ



I.

В Деловом дворе, в приемной председателя ВСНХ СССР, среди посетителей появился пожилой человек с потертым годами и жизнью лицом и в потертом пальто. Усевшись в углу, он сидел неподвижно, ожидая, когда начнется прием.

Дверь кабинета открылась, и оттуда выглянула секретарша. Она глазами пересчитывала очередь людей с портфелями и бумагами в руках. Несколько человек сорвались с места и подошли к ней. Но человек в потертом пальто опередил всех.

— Скоро будет нарком?

— У него сегодня заседание в Совнарком. Часам к четырем должен быть. По срочным делам принимает его заместитель.

— Мне нужен сам нарком, — внушительно сказал человек и уселся на стул с видом: умру, но дождусь.

Наконец он вошел в кабинет.

— Я вас слушаю, — коротко сказал нарком.

И человек в потертом пальто заговорил. Его фамилия Михеев. Он изобретатель. Его специальность — борьба с пустыней, со страшной пустыней, надвигающейся на Советский Союз. Он говорил страстно, путаясь в словах, сбиваясь с основной мысли. Огромные количества солнечной энергии, за лето производящиеся и скопляющиеся на песчаных и каменистых или только слабо подернутых растительностью грунтах, не имеют никакого другого выхода, кроме как на испепеление соседних, еще живых и жилых земель. Земля горит.

Всякая местность, где дуют сухие ветры и мало атмосферных осадков, превращается в пустыню.

Что видим мы в огромных пространствах Арало-Каспия? Мга, хмара, мхи — эти «сухие слезы» и перегар — слюна сухих пустынь, с их губительным влиянием на жизнь, на всю растительность, особенно культурную и луговую. Цветы, не расцветши, отцветают, не давая плода или даже погибая в почках... Хлебные колосья и всякие злаки оказываются пустыми и дают слабый умолот... Листья на траве и на деревьях желтеют, опадая прежде времени. В Поволжье, на Северном Кавказе, на Украине... в Саратове, Сталинграде... И до Киева,

Казань, Рязань... города и сами земли засти-
лаются пыльными бурями в сухие лета.

— У вас есть проект, как бороться с пусты-
ней? — спросил нарком, терпеливо слушавший
его речь. И от вопроса Михеев как-то сразу ус-
покоился.

— Я — инженер. И если бы у меня не было
разработанного плана, я не стал бы у вас от-
нимать время. Двенадцать лет я работал над
этой идеей. Собрал огромный материал. У ме-
ня все вычислено, взвешено, выверено от са-
мого общего до самой малейшей детали.

— В чем же заключается ваш проект?

— Каптаж Волги. Барраж у Камышина.
В каптаже устанавливается такой уровень но-
вого образования реки, когда, с одной стороны,
самотеком ее воды покрывают огромные прост-
ранства заволжских степей и пустынь, оживляя
их, с потушением в них «пожара земли». С дру-
гой стороны, в самой реке подымается уровень
на высоту, не нарушающую основных интере-
сов прибрежных городов и населения.

— Ваши материалы будут изучены. О ре-
зультатах доложат мне, — сказал нарком, как
бы заканчивая беседу. — Вам нужно повидать-
ся с одним из членов коллегии НКРКИ СССР,
ознакомить его с материалом, сообщить о труд-
ностях, которые вы встретили на своем... Алло...
Да, я...

Если бы сейчас появился изобретатель теле-

фона Белл, Михеев убил бы его, так он ненавидел в эту минуту «невежливое изобретение», мешающее деловым разговорам.

А из приемной уже выглядывал нетерпеливый инженер в очках и с портфелем, а секретарша уже принесла грудку бумаг для подписи, а нарком уже протягивал Михееву руку...

II.

Пустыня... Она прожгла ужасом сердце еще в детстве, когда Михееву было не больше двенадцати лет. Он жил с отцом, земским врачом, в заброшенном степном селе за Волгой. Мга и хмара и сухие туманы для мальчика были не пустыми словами. Он вырос под багровым солнцем, словно задохавшимся во мгле пылевой бури. От пыли не было спасения. Она покрывала серым налетом листья деревьев тощего сада, проникала в дом сквозь закрытые окна, пудрила столы, кровати, игрушки, залезала в нос, глаза, уши и легкие... И сон был тревожный, как во время сирокко. Там, за полями, притаилась пустыня, как зверь, готовый к прыжку. Ее зловещий песчаный шепот был слышен далеко.

И вдруг она громко постучалась у дверей и схватила за горло костлявой рукой голода. Это было в девяносто первом году прошлого столе-

тия. Незабываемый год! Ребенка нельзя было уберечь от страшных картин голода, как от хмары и мги. И Михеев на всю жизнь запомнил этот кошмар.

Началось с того, что у знакомых мужиков лица становились серыми, глаза вваливались, нос и скулы обострились, щеки и живот втянулись. Их тела становились дряблыми, щуплыми, Миша Михеев не мог понять, отчего это. А потом многие иссохшие люди вдруг начали полнеть странной бело-желтой полнотой.

Миша заглядывал в окна изб. Почти в каждой светился желтый огонек свечи в головах покойника. Но скоро огоньки погасли, — свеч не хватало, — а покойников становилось все больше. Живые люди превращались в трупы...

Раздувшиеся трупы животных на полях... Смрад... Рои мух... Плач голодных беспризорных детей, потерявших родителей... И над всем этим — горячее, испепеляющее солнце и сухой туман, покрывающий саваном обреченный на смерть мир...

А за селом стояли выжженные солнцем поля. Сухие, бурые колосья бессильно клонили к земле пустой колос. Жгучий ветер сжигал их, песок заносил. Над когда-то тучными нивами вырастали могильные песчаные холмы. Из этих могил кое-где торчали сухие колосья как последнее напоминание о гибнущих полях.

Пустыня убивала все живое... Этого нельзя забыть!

Этот ужас не покидал его всю жизнь.

Михеев видел во сне земной шар с большой высоты. Вот огромная плешь Сахары, вот пустыни Туркестана, Китая... И все эти плечи медленно расползаются во все стороны, как проказа... И вот весь земной шар превращается в пустыню. И последние люди задыхаются в песчаной буре без воды и воздуха...

«Я буду инженером, чтобы знаниями победить пустыню», — решил молодой Михеев. Он сделался инженером-гидротехником, но пустыни не победил. Много лет разрабатывал он сложные системы оросительных каналов и бросал их.

— Это все равно, что пытаться потушить пожар пульверизатором! — говорил он в отчаянии... — Только обильные воды Волги могли бы потушить пожар пустыни... А что, если бы?..

III.

Михеев явился в РКИ, нагруженный огромными папками с рукописями, таблицами, графиками, картами, чертежами.

Но у него оказалось кое-что поинтереснее мертвых чертежей. Михеев положил на стол коробищу величиной в метр и в кирпич толщиной. Там лежало его дорогое детище — «материализованная идея». Это был сделанный из

мастики рельеф Волжского бассейна и Каспийского моря. Пашни выкрашены в желтый цвет спелой пшеницы, луга — в светло-зеленый, а леса — в темно-зеленый. С востока в заволжские поля вклинивались зловещие бурые языки наступающей пустыни. Русло Волги и дно Каспия были обнажены.

Через полчаса комната была превращена в своеобразную лабораторию, наполненную зрителями.

Михеев положил свою модель краями на два стола, под модель поставил пустое ведро, а полное — на стол и через резиновую трубку пустил воду в Самарскую луку. Вода весело побежала по руслу, разбилась в дельте сложным узором на рукава и начала наполнять дно Каспия. Когда море наполнилось до положенного предела, Михеев открыл внизу сток, чтобы вода держалась на одном уровне.

— Годовой дебет Волги, — начал Михеев, — в круглом общем счете триста пятьдесят — триста семьдесят кубических километров. Вся эта масса воды испаряется, и потому Каспийское море не повышается, скорее понижается в годовом уровне. Мы не можем испарить воду в нашем опыте и потому лишнее выпускаем вниз. Теперь вот что я предлагаю сделать с Волгой. — Михеев вынул из кармана изогнутую пластинку и вложил ее в паз на рельефе ниже Камышина.

И на глазах зрителей запруженные воды Волги начали подыматься выше «плотины», а внизу, к Каспию, потекла только узенькая струйка.

— Высота этого барража — тридцать семь метров. И, смотрите, с этого горизонта Волга самотеком сливается в невообразимые пространства заволжских степей и пустынь в трех мощных потоках.

Поднявшаяся над плотиной вода минуту стояла в нерешительности, как бы в недоумении перед неожиданным препятствием, и вдруг полилась на восток по скату, по руслам, впадинам, котловинам, образовав сложную сеть марсианских каналов и озер.

— Эти потоки достигаются не какими-нибудь искусственными и грандиозными, стоявшими бы колоссальных средств сооружениями, и уж, конечно, не рытьем каналов. Они текут по естественным углублениям, впадинам и логам, конечно, с соответствующим захватом и направлением потоков воды.

— А зачем оставлен этот ручеек, впадающий в Каспийское море? — спросил один из зрителей.

— Одна седьмая часть дебета Волги оставляется в прямом, непосредственном течении в Каспийское море на непрерывное с ним, а значит и с Баку, водное сообщение. Половина этого еще и на обзаведение прямых непосред-

ственных сообщений. Значит, около семидесяти кубических километров дебета Волги последуют непосредственно в Каспий. А триста кубических километров, вместо теперешней их пропажи в морской пучине, пойдут на оживление земель от Волги на восток по Эмбе, и на потушение там «земного пожара», и, с ликвидацией там пустыни, на обзаведение новых хозяйств, на мелиорацию освобождаемых земель.

— Значит, море...

— Каспийское море будет снижаться в своем уровне на две трети метра в год, и за тридцать семь лет состояние его уровня понизится на двадцать четыре метра. Каспий будет иметь вот какой вид.

Михеев открыл кран под доской рельефа больше, вода из Каспия потекла в ведро сильнее, и уровень моря начал быстро понижаться. В секунде проходили года, и скоро знакомых очертаний моря было не узнать. Каспий «усох» почти на треть. Дно северной части до Мангышлака и Махачкалы обнажилось. На нем осталось только несколько переkreщивающихся каналов да «озер» в северо-восточной части.

— В общем донные пространства освободятся на сто пятьдесят тысяч квадратных километров, то же до семидесяти тысяч в устьях Куры и у персидских берегов и в Кара-Бугазе, а самое главное — по Апшерону и Челекелу

освободятся неизмеримо ценные пространства нефтяных земель, тоже в тысячах же квадратных километров. Наконец, все побережье Каспия освободится от губительной там малярии.

Первым камнем в этот мир нового строительства закладывается проект каптажа Волги.

Спецы, не последние спицы в колесе советского аппарата, волнуются.

Извольте дать отзыв о проекте каптажа Волги! ВСНХ требует. Наркомзем и Госплан интересуются, РКИ нажимает...

Странный проект и еще более странный автор, как будто и свой инженер, не молодой человек. А проект, — не знаешь, как и подойти к нему... Размах большевистский, идея грандиозная, а что выйдет — аллах ведает.

Старые инженеры шушукаются:

— Ведь если этот проект пройдет — многим капут. Как же быть-то?

— За свое место беспокоитесь?

— Что место? Если пройдет проект Михеева, то потребуется много инженеров... Место найдется. Но там будешь...

— На михеевскую мельницу воду лить? Тебе черная работа, ему почет? Хе-хе. Не волнуйтесь, однако, заранее, может быть, еще провалят этот шалый проект. Все будет зависеть от того, какой отзыв даст эксперт — профессор Чичагов. Да вот и он, как кстати!.. Давайте

спросим. Здравствуйте, Иван Аркадьевич! Ну, как ваше мнение о каптаже?

Чичагов мнет мягкие губы и смотрит вверх через золотые очки. Свою седую голову он носит гордо и бережно, как хрупкую драгоценность. В ней его капитал.

— Гм... да... каптаж... Я еще подробно не ознакомился с материалом. Притом я могу дать отзыв только по своей специальности. Технически, конечно, проект вполне выполним. Запрудить реку — не Бог весть какая премудрость. В этом даже нет ничего оригинального. Михеев предлагает только в большом масштабе сделать то, что делает рядовой мельник. Но в смете, мне кажется, автор жестоко ошибается. Тут дело пахнет не тремястами миллионов, а миллиардами, имея в виду проект в целом.

— Миллиардами? Значит, не под силу, а? Не пройдет номер? — Взгляд инженера налился надеждой и жадным любопытством.

Но Чичагов не обрадовал прямым ответом, а только неопределенно пожал плечами.

Да и что мог ответить старый профессор? По его мнению, большевики только и делали, что брались за непосильные задачи. С них хватит. Возьмутся за каптаж и... сделают, пожалуй!

— А вот еще я слышал, — передал инженер мнение одного крупного специалиста. — Тот говорит, что проект Михеева — совершеннейшая чепуха. Ведь рыба Каспия привыкла к во-

дяному режиму с данным процентом солености. Притом рыбе негде будет метать икру.

— А представитель Наркомздрава, — вмешался другой инженер, — утверждает, что Михеев не только не уничтожит, как обещает, а увеличит малярию в ужасающих размерах. Подумайте только: пустить воды Волги самотеком! Они образуют множество заболоченных озер, заливчиков, водяных «оазов», как говорит сам изобретатель. Черт знает что получится, и не только с малярией, — изменится к худшему, а не к лучшему, и климат всего края. Ведь Каспий будет испарять значительно меньше влаги, из которой в конце концов образуются облака.

— Ну, это не так страшно, — возразил Чичагов. — Общее количество влаги в крае не уменьшится. Ведь новые водоемы тоже будут испарять воду. Впрочем, это мое личное мнение, мнение профана в области метеорологии, — скромно добавил он.

Инженер хотел задать еще один вопрос, но Чичагов решил, что сказал и так слишком много. Отговорившись тем, что он спешит на заседание, маститый профессор понес свою драгоценную голову дальше.

Это заседание, посвященное обсуждению проекта Михеева, было довольно бурным.

Вначале спецы держали себя сдержанно. Никто не решался «крыть проект вовсю», но

многие осторожно высказывали свои «опасения», которые, как капля яда, должны были отравлять идею смелого проекта. В конце заседания страсти разгорелись, и уже слышались выкрики: «Глупость! Чепуха! Безумие!»

Тяжелая артиллерия — Чичагов — приберегалась противниками проекта к концу.

Речь профессора по форме была очень «объективна», а по существу он вылил ушат холодной воды на энтузиастов, «высказав свое скромное мнение» о многомиллиардных затратах.

Проект висел на волоске.

Но тут неожиданно на помощь Михееву двинулись работники мест — волжане, живущие в непосредственной близости с «жаром земли». И натиск был силен и дружен.

— Даешь Волгу!

Один из них повторил слова Михеева: «Ни капли живой воды, ни грамма гумуса, ни метра высоты Волги не должны пропадать в низинах соляной пучины Каспийского моря!»

— Даешь Волгу!

IV.

Большие звезды не мигая смотрят на землю, словно глаза неведомых ночных птиц. Густая темень, пугливая и упрямая, подступила к са-

мым углям догоревшего костра. Набежит ветер, вспыхнет язычок пламени, осветит лица рыбаков, край сохнувшей сети, черное лоснящееся брюхо опрокинутой на берегу лодки и снова придвинется к углям. С берега тянет сыростью, дегтем, рыбой.

Усталые рыбаки доедали уху, черпая деревянными ложками из котелка.

— Лопайте напоследях. А потом как: заговеет на рыбу-то! — прервал молчание седой кряжистый старик Глеб Калганов, короче — Калган.

По сторонам его сидели три сына — справа старший, слева младшие, такие же крупные, бородатые детины, как и он сам, только черноволосые.

Глеб — староста рыбацкой артели. Каспий и низовья Волги — для него открытая книга, каждую строчку которой он знает наизусть. Знает воду, рыбы повадки, капризы погоды, моря и его обитателей. По известным ему одному приметам умеет даже предсказывать, когда пойдет пузанок, бешенка, вобла, куда направят они путь, большой ли улов будет. Во всем, что касается рыбы, его слово — закон. А так как рыбацкое село только и живет рыбой, то слово Глеба и во всем прочем — закон. Что скажет, так тому и быть. До войны он был на промыслах не последний хозяин, имел капитал, снасть, посуду. Революция разрушила его

благосостояние, но не авторитет. Артелью он правил по старинке — вертел как хотел.

Его слова вызвали удивление рыбаков. Чудит Калган!

— На наш век рыбы хватит! — отозвался рябой Сыч.

— Ложку оближи да язык проглоти. То-то, что не хватит! — важно ответил Глеб. Помолчав немного, чтобы убедиться, что никто больше не прерывает, он продолжал: — Последние времена приходят. Отнял Бог разум у людей, и дела их безумными стали. Божий мир посвоему переделать хотят: море высушить. Волгу-матушку в степи заволжские повернуть. И останемся мы как рак на мели. Истинно на мели! И отцы, и деды наши жили у моря, рыбачили. Море да Волга были нам пашней, а рыба — хлебом. А тут — нá тебе! Высохнет море, уйдет Волга, подохнет рыба, подохнем и мы. Куда пузанок, да вобла, да прочие морские твари икру метать пойдут? Некуда. Нету Волги. Крышка! И будут хаты наши стоять в голом степу. А дно морское пахать начнут. Где рыбка божия резвилася, там тракторы затарахтят, совхоз устроят. Сельсовет на дне морском. Красота!.. Пропали наши рыбацкие головы! Без Волги, моря нету нам жисти!

Глеб замолчал, скл^янив голову, как бык под удар обуха.

Рябой Сыч сплюнул громко, выругался:

— Да ты, может, выпил лишнего, Калган, не проспался? Очнись, перекрестись! Что бредни разводить на ночь? Мыслимое ли это дело?... — И осекся.

Глеб поднял голову и строго посмотрел на Сыча:

— Я никогда ума не пропивал и брехней не занимался... Вчера мне сам председатель сельсовета говорил. Приехали, говорит, какие-то из Астрахани, начальство, людей на работу нанимать. Они все и рассказали, что Волгу закроют, море осушат. От Астрахани, говорит, море верст на триста отойдет. Значит, и от нас немного меньше. Ниже Камышина, у Сестренки, говорят приезжие, уже землю роют, камень, песок подвозят, бараки строят. Плотиной Волгу перехватят. Одним словом, упокой, господи, души усопших рабов твоих!

Рыбаки вдруг зашумели, словно грозовой ветер по лесу прошел.

— Как же быть теперича? — перекричал всех молодой испуганный тенор.

Глеб усмехнулся в седые усы — проняло!

— То-то, как быть, — важно заговорил он. — Времена-а! Что год, то хуже. И все оттого, что Бога забыли. Сказал Бог: «Все добро зело». А они нате! Выходит, Богом неправильно сотворено. Поправлять взялись! А было-то разве плохо? В старину как жилось? — И Глеб уже оседлал своего конька. Он говорил о «золотом

веке», когда в Каспии и низовьях Волги вылавливали рыбы больше восьмидесяти миллионов килограммов в год, на двенадцать миллионов рублей, о белуге весом в полторы тысячи килограммов, о севрюге в пятьдесят килограммов, о стерляди в шестнадцать килограммов.

— А теперь что? Белужка — пятьдесят пять килограммов, осетр — десять-двадцать, севрюжка и вовсе шесть килограммов. Мельчает рыба, падают промысла. А теперь и вовсе извести их хотят.

После такой подготовки Глеб хотел повести речь дальше. Но тут неожиданно в разговор вступил худой рыбак Кузьма Сысоев, весь колючий, как каспийский бычок, колючая, давно не бритая борода, колючие глаза и слова колючие.

— Большевики виноваты, говоришь? Они рыбу извели? А ты нет? А кто в запретное время да в запретных местах рыбу ловил? Скажешь, не ты? Кто реку неводами загораживал, рыбу в места нереста вверх не пушал? Кто на «ямах» становища облавщиков устраивал да зимовавших там леща, да сазана, да сома вылавливал? Не ты? Ты и есть первый рыбный вредитель! Рыбу изводил, а сам раздувался. Это теперь-то тебе животы подтянуло, вот и заскулил: ха-арашо жилось! Кому хорошо, а кому плохо. Все рыбаки окрест у тебя в ка-

бале были! Отъелся на нашем поту-крови, на тебя, сволоча, работали.

Глеб хоть бы что, как будто и не о нем речь. Трубочку закурил, в потухший костер плюнул и спокойно ответил:

— Ну что же, братцы, нехорош я вам стал, выжил из ума старик, ищите себе старшего помоложе. А я вижу, что делать мне тут больше нечего. Завтра чуть свет возьму котомку за плечи да с сынами своими и побреду по дорожке куды глаза глядят.

Рыбаки встревожились.

— Буде, Калган!

— Без тебя, как без глаз!

— Не бросай нас!

— Собака мелет — ветер носит!.. — слышались из темноты голоса рыбаков. Но просоленный, густой бас Глеба покрыл все эти голоса:

— Мое слово твердо! Как сказал, так и быть. А теперь спать!

Вздыхая и охая, рыбаки улеглись. Стало совсем тихо. Слышен был только плеск набегавшей волны.

— Никита! — тихо сказал Глеб, толкнув в бок своего сына. — Ш-шш... Проползи, посмотри, спит ли этот черт ершистый — Кузьма!

— Похрапывает, — доложил через минуту Никита.

— Разбуди осторожно остальных... Сыча, пожалуй, тоже не трожь.

И когда рыбаки проснулись, Глеб начал говорить им:

— Вот что, ребята. Дело наше — табак. Но только я так думаю, что еще можно спасти море и Волгу. Не дадим их в обиду! Ш-шш! Слушайте! Говорили в совете, что эта чертова плотина стоит миллионы, а денег в обрез отпущено. Вот я и думаю... — Глеб заговорил еще тише: — Ежели эту плотину прорвет, то и весь план их прорвет к чертовой бабушке. Больше денег у них не хватит. Смекаете? Пойдем мы всей артелью в Камышин, наймемся в землекопы, а там... видно будет. Кто согласен, тот завтра и записывайся!

Опять тишина. Крупные звезды начали мигать часто-часто, словно у ночных птиц глаза слипались.

Маленький приволжский городок Камышин затоплен пришлым людом: сезонниками, рабочими, служащими, техниками, кооператорами...

Село Сестренка с правой стороны Волги, Солодушино с левой и остров Шишкин, лежащие на линии барража, неузнаваемы. Как грибы после дождя выросли бараки, кооперативы, столовые, фабрики-кухни, клубы, больницы.

Камышинские огородники, проклиная барраж, каптаж и Михеева, перенесли свои баштаны далеко за город. Как-то будут расти на

новом месте дыни, огурцы и знаменитые камышинские арбузы?..

— Разорили! Под корень подрезали! Погубили! Пропала рыба, пропадут и наши арбузы! — ворчали старики-баштанники.

Станция Камышин до отказа забита прибывающими грузами: лесом, машинами, рельсами. Змеями расплзлись по стройке узкоколейки. Задорно кричат кукушки, таская за собой хвосты вагонеток с песком, землей, камнем. Залязгали железными челюстями экскаваторы. Зачвакали, засопели драги, скрипят краны.

Круглые сутки идет работа. Яркие огни фонарей и прожекторов разгоняют мрак.

Не спится старикам-камышанам. Выйдут из дома и долго 'смотрят на огни, отраженные в водах широкой реки, и кажется им, что попали они в иной, страшный и непонятный мир, где ползают гигантские железные чудовища, борочаут шеями длинней телеграфного столба, чавкают пастями, в которые бык и с рогами пройдет. А люди — маленькие, суетливые — ухаживают за этими неведомыми чудовищами.

Михеев почти не спит и ест на ходу. Он счастлив. Мечта его жизни осуществилась. Пустыне объявлена война, он — главнокомандующий на фронте, брандмейстер на «пожаре земли». Он бегаёт день и ночь с непокрытой голо-

вой. Его лысина красна от солнца, ветра и волнения. Острый нос еще более заострился, глаза пылают. Он весь раскален огнем вдохновения.

Бежит по берегу, размахивает руками. Следом за ним, едва поспевая, шагает долговязый молодой инженер.

— Жидкий воздух — вот мой секрет! — кричит Михеев, не оборачиваясь к инженеру. — Аппарат Линде, несколько видоизмененный мною. Давление — двести двадцать атмосфер... Мы проводим жидкий воздух по трубам и выпускаем прямо в воду. Он замораживает воду. И перед кессонами мы жарким летом получим прочную ледовую стену. Под ее защитой нам легко будет работать. Это лучше, чем временные перемычки, применявшиеся на Днепрострое... Что же вы отстаете? Скорей, скорей!..

Работа кипит в три смены. Одна смена посылает другой вызовы на соревнование. Днем и ночью перекликаются кукушки. Грохочут машины, мечутся люди.

— Как на пожаре! — говорят камышане.

— Пожар и есть; земля горит, тушить надо!

Лихо работает Глеб Калган со своей артелью. Сыновей молодых за пояс заткнул старик. А кончит артель работу, в ночь-полночь берут захваченные с собой сети — и в лодки. Река тянет, рыба тянет.

И тут среди своих изливает старик горечь,

облегчает сердце, до краев переполненное злобой.

— Погодите! Подопрут плотину воды осенние, тут мы и ахнем своей артелью им на помощь. Одно плохо — ночью работают, огни горят. Ну, да изловчимся как-нибудь. Главное — высмотреть, где тоньше.

— Не туда! Не туда, черти, дьяволы! Не туда, ребятушки! — доносится с острова Шишкин голос Михеева.

— Ишь, востроносый черт! — ворчит Глеб. — Угону на него нету! Ну, погуляй, покричи маленько. Угмоним и тебя.

— Дядя Глеб, — говорит вдруг молодой рыбак. — А я вчера Кузьму встретил. Около цементного завода шлялся. Там, наверно, пристроился.

Глеб нахмурился.

— За этим ершом колючим смотреть в оба надо. Донесет. Все дело провалит, если чуть что заметит. Да, может, для того и на стройку пришел, может, подслушал тогда... ночью-то?..

— Дядя Глеб, а зачем трубы прокладывают?

— Среди лета воду газом заморозить хотят. Судаков мороженных захотелось. Ну, только несбыточное это дело: до того люди еще не дошли, чтоб лето на зиму переворачивать.

Весть о том, что «Волгу будут замораживать», быстро облетела стройку. Камышинские старики были потрясены.

— Видно, не все брехня, что старухи болтают. Летом реку льдом сковать — разве это не такое же чудо, как море высушить и огнем запалить?

— Поморозят арбузы! Хоть бросай баштан да уходи куда глаза глядят...

Все-таки надеялись: не сотворить чудо человеку!

Но не сбылись эти надежды: заморозил таки востроносый Волгу. Правда, не всю, но всю ему и не надо было. А перед кессонами замерзла вода, стала ледяной стеной. Не то что камышане, а и сезонники глазам своим не верили, рукой лед щупали. Настоящий, без подделки. Холодный и крепкий!

День за днем отвоевывают люди у реки метр за метром. Опускают на дно деревянные ящики-кессоны, возводят бетонные кубы-бычки. Вода устремляется в пролеты, кипит и волнуется. Уровень полузапруженной Волги повышается.

А сверху подходит осеннее половодье.

Бетонные быки, звенья цепи, которая должна сковать Волгу, готовы почти все. Остается закончить последние, перекрыть железными щитами, и Волга, встретив препятствие, повернет свои обильные воды, двинется в заволжские степи тушить «пожар земли».

Но надо переждать осеннее половодье, а оно в этом году небывалое: все лето и осень шли проливные дожди.

Вода прибывает с каждым днем, мутная, темная, угрюмая. Бушует, бьется о бетонные быки. Сухие листья, травы, кустарники, ветки, целые деревья — все, что захватила река на своем пути, — облепили выступы быков, засоряют берега.

Но тысячи строителей день и ночь куют цепи для реки.

Кузьма Сысоев работает на стройке вместе с женой. Он стал как будто еще колючей. Похудел, оброс бородой. День работает, а ночью не спит, ворочается, словно его самого колют сухие кости.

— Чего не спишь? — ворчит жена.

Вздыхает Кузьма в темноте.

— Глеб проклятый покою не дает со своей артелью... Вчерась ночью вышел я на барраж, а он ходит около трубы с воздухом, вынюхивает. А смена не его. Что ему там надо? Увидал меня — смылся.

— А тебе какое дело? — ворчит жена. — За собой наблюдай. Вот зима на носу, а ты еще шубы да валенок не получил. Другие давно получили.

— Завтра обязательно надо востроносому сказать, — продолжает Кузьма, думая о своем.

— И давно пора, — успокаивает жена. Вдруг гудок, прерывистый, набатный, рвет на части ночную тишь. Тревога...

Кузьма выбежал на улицу.

Что за погода проклятая! Ветер с ног валит, дождь хлещет, река гудит. Рабочие бегут. Крик, шум, не понять, в чем дело.

— Почему тревога? — спрашивает Кузьма.

— Авария. Труба с жидким воздухом не действует, лед растопило, кессон заливает, — отвечает кто-то на бегу.

Кузьма прибавляет шаг. Река съела ледяную стену и напирает на кессон. Вот мелькнула как будто седая голова Глеба и скрылась.

«Он... Не иначе как его рук дело», — думает Кузьма.

Человек в старом драповом пальто без шапки бежит по самому краю кессона. Востроносый. Кричит, размахивает руками. К трубе полез, возится.

— Уходите, — кричат ему. — Вода зальет.

Куда там! Михеев ничего не видит, не слышит. «Только бы пошел жидкий воздух».

А вода все выше, вот-вот зальет кессон. Вода валит Михеева с ног, но он опять ползет, цепляется за трубу...

И вдруг треск, шум; белое облако, шипя и свистя, наполняет кессон. Прорвалась труба, и жидкий воздух пошел прямо на Михеева.

Михеев поднял руки и... так и окоченел, превратился в ледяную статую.

Буря, грохот, шум и вой...

Деревня Сухой Дол словно развороченный муравейник. Посмотреть — и не поймешь, что случилось. У крестьян постарше на лицах недоумение, молодежь весела, а женщины воют, как по покойнику. Никто дома не сидит, все бегает из хаты в хату.

А у сельсовета уже толпится народ, собирают сход.

Два человека приехали на автомобиле, они и разворошили деревенский муравейник. Объявили: Волга в степи поворачивает, и по Сухому Долу потечет вода. Надо на гору перебираться. На перевоз и стройку будут выданы деньги. У кого хата старая, новый лес получат.

Шумит народ. Получить деньги, обзавестись новой хатой хорошо. Бросать насиженное место плохо.

Ипат, называющий себя «крепким середняком», поглаживает длинную бороду, которая почему-то поседела с одного бока.

— Так-то оно так. А соглашаться дуроломом тоже не приходится. Может, на горке воды нет. Может, там рыть колодцы — до воды не докопаешься.

— Да ведь у воды, пегая борода, жить будем. Хоть из окна воду хлебай.

— Ему новую хату на каменном фундаменте жаль бросать. Весь фундамент покрошится. Неохота трогаться.

— Кому охота, — отвечает Ипат. — Сегодня на гору, завтра под гору... Прямо ставь хаты на колеса.

— Верно. Не пойдем на гору.

Разбились на партии. И снова приезжали из города, приходится убеждать сход. Бились, отложили до вечера.

— Ребята, а Панас Чепуренко нипочем не пойдет на гору. Упористый старик.

— Кто это Чепуренко? — спрашивают приезжие и узнают, что Панас — кряжистый дуб девяноста двух лет, но еще крепкий, выходец с Украины. Упрям как чурка, в Бога верует. Табак нюхает, сам растирает.

Маришкин и Курилко, которые на автомобиле приехали, решают после схода навестить Панаса.

Он с граблями в руках копается в огороде. На приветствие ответил низким поклоном и зовет в хату.

— Да мы с тобой тут на вольном воздухе поговорим.

Но старик непреклонен.

— Як що на розмову, то прошу до хаты. — И первый уходит.

Делать нечего, пошли за ним.

— Вот что, дедушка, — говорит Мариш-

кин, — на гору надо перебираться. Если сам не сможешь, люди помогут.

— А навище мені на гору дертится. Мені и тут гораздо.

— Нельзя, старина. Тут скоро вода все зальет.

Панас слушает внимательно, гладит длинные усы, не спеша вынимает тавлинку, нюхает табак и наконец отрицательно качает головой.

— Не може цього бути, — уверенно отвечает он. — Бог обіцяв, що зливи* бильш не буде.

Приезжие переглядываются. Они не ожидали такого возражения. Маришкин, чтобы сразу не озлобить старика, решил действовать дипломатически.

— Да ведь то про всемирный потоп сказано, а тут Волга только несколько деревень зальет, вот и вашу тоже. Для орошения полей, понимаешь? От засухи. Ведь заливает же села и деревни весенний разлив. Так это же не потоп.

— Повидь** — инша справа. Розулеться річка й знову в береги зайде. А ви кажете, що все залле на вікі вічні. А ви дурницю кажете, що залле. Не може цього бути. Бог казав, що зливи не-буде, тай не буде. Нікуди не піду.

Ну что с ним поделаешь? Маришкин вынул из кармана платок и вытер вспотевший лоб.

* Потоп.

** Разлив.

— Ты подумай: подъемные дадим на новую стройку. В новой хате жить будешь.

— Не треба мене ваших переїздних. Не піду, тай кінець.

— Я вижу, ты не веришь нам. Ну так вот что, дед. Поезжай с нами на автомобиле. Сам стройку посмотришь, убедишься своими глазами. Увидишь, что там с Волгой делается, и поверишь.

— А на біс мені ваш автомобіль? Не піду. Ось туточки жив, тут і в домовину ляжу.

Так и ушли городские ни с чем.

Но после их отъезда крепко задумался Панас. И на другой день неожиданно для всех запряг своего конька, взял ковригу хлеба и уехал со двора неизвестно куда.

Приехал он к Волге, пришел на стройку.

Народу видимо-невидимо. Через Волгу мост, машины, грохот, суета. Между быками рабочие прилаживают железные щиты. Опустят щиты — и готова запруда. Запрудят Волгу, потечет в степи — больше воде деваться некуда.

Панас пошел на фабрику-кухню, откуда видна вся стройка. Просидел у окна молча весь день и выпил несметное количество чаю. А когда вечерние огни залили стройку и шум работ не убавился, старик проговорил глухо в седые усы:

— Так вони, сучі діти, таки потоплять нас. —

И трудно было понять, чего больше в его словах — порицания или хвалы.

Приехал Панас домой и три дня из хаты не выходил. Уж думали, не занемог ли с дороги. А потом вышел и начал говорить на сходе такое, что суходольцы даже рты пооткрывали. Не бывало еще у «Каптажа Волги» такого агитатора.

И дружно потянулись на горку суходольцы, а за ними и соседние деревни.

— Бей в мою голову! — Кондрат Семеныч стукнул огромным кулаком по столу так, что подпрыгнула чернильница. Председатель правления «Каптажа Волги», товарищ Марков, вздрогнул и поправил очки.

— Ну, однако ж, вы того... не слишком, — сказал он, щуря подслеповатые глаза.

— Что того? Это вы того, — не унимался Кондрат Семеныч, и он вдруг поднялся во весь рост, словно готовясь к бою. Его рыжие волосы растрепались, глаза метали искры. Огромное лицо было багровым, словно он сошел с банного полка. — Не дам тронуть совхоз. А вы бы побывали в «Красных зорях» да сами посмотрели, что у меня там наворочено. Одна силосная башня чего стоит! — Кондрат Семеныч загнул толстый палец. — Из цемента. Красота! Ее не перенесешь. Так, значит, и бросить? Будет стоять среди озера, как маяк. А эмтеэс, — за-

гнул второй палец. — Такой машинно-тракторной станции во всей округе не сыщешь. Каменное, капитальное сооружение. Элеватор, ремонтная мастерская, электростанция, конюшни, хлева, сыроварни, маслобойни... Все перечислять — пальцев не хватит. Все это под воду.

Пред «Каптажа» снова поправил очки и мягко сказал:

— Но ведь вы знаете, что Волга потечет самотеком. Нивелировка же показывает, что «Красные зори» лежат на пути разлива и будут залиты без малого на метр.

— Значит, не надо пускать Волгу самотеком. Возводите плотины, стройте обводные каналы.

— Если рыть каналы да возводить плотины, то весь план работ изменится, — возразил Марков. — Это будет стоить огромных денег.

Секретарь ячейки Туляк, небольшого роста, коренастый, в старенькой кожаной тужурке, усмехнулся, поднялся и, глядя прямо в глаза Кондрату Семенычу, заговорил ровным металлическим голосом:

— Никто не сомневается, товарищ, в том, что вы крепко любите «Красные зори». Вы — прекрасный хозяйственник. Но и у прекрасных хозяйственников бывает свой недостаток. Даже порок: делячество. Нельзя смотреть только со своей колокольни. Мы не можем ломать план работы. Вопрос обсуждался специалистами и здесь и в центре и изменен быть не может.

Хотите вы этого или не хотите, а «Красные зори» будут перенесены.

— Не хочу.

— Тогда вас придется убрать с дороги.

Кондрат Семеныч сразу даже не понял. Потом его толстые пальцы дрогнули, а лицо побледнело.

— Меня... убрать... Меня, который создал этот образцовый совхоз. Меня...

— Да, вас. Потому что вы не умеете подчиняться директивам. На фронте стройки должна быть такая же железная дисциплина, как и на войне, а вы сами бывали на фронте и должны знать, что такое дисциплина. Повторяю: мы очень ценим ваши хозяйственные и организаторские способности. Поэтому я и даю вам добрый совет: одумайтесь и не упрямитесь. Мы умеем ценить людей. Но тот, кто станет нам на пути, будет снят, какие бы заслуги за ним ни были.

Кондрат Семеныч грузно опустился на стул. Сел и Туляк.

Наступило напряженное молчание. Все внимательно наблюдали за Кондратом Семенычем. Глубокие складки на его лбу и переносье говорили о тяжелой внутренней борьбе.

— Ладно, — наконец буркнул он угрюмо, сорвался с места, крикнул: — Пока, — и убежал.

Все вздохнули с облегчением.

— С ним было труднее справиться, чем со старым Панасом, — улыбаясь, сказал Марков Маришкину. — А все-таки понял его Туляк.

— Еще бы. Легче, как говорится, душе с телом расстаться, чем Кондрату Семенычу с «Зорями».

Еще юношей, не боясь пуль, ломал Валькирный хребты колчаковцам. Побывал и под стенами Варшавы. Везде удивлял железной волей и характером. Покончил с гражданской, осел в заволжских степях и занялся хозяйственной деятельностью. «Красные зори» — один из первых больших совхозов, возникших в Заволжье. Немало пришлось подраться Валькирному и за «Красные зори», за племенной скот, за машины, за каждый трактор. Подобрались ребята подходящие и сделали большое дело. И теперь тем приказывают разрыть все до основания своими руками.

— Пош-шел! — гневно кричит Валькирный и бьет по бокам сытых совхозных лошадок.

Холодно... Жгучий восточный ветер обжигает лицо, поднимает с земли мелкий, сухой снег с пылью. Бесснежная зима. Как бы не повредила озимым... Местами ветер сдул снег с дороги, и под железными полозьями саней трещит и шипит песок. Кондрат Семеныч нахлобучивает покрепче финку и стегает лошадей...

— Пош-шел!..

Приехал на заре, разбудил конюха, сам распряг лошадей, поставил в стойла...

— Чего-то как будто невесел, Кондрат Семеныч? — спросил конюх, зевая и почесываясь.

— Черт борова на осине повесил, оттого и невесел, — сердито ответил Валькирный и быстро вышел из конюшни.

При свете занимавшейся зари Валькирный побрел по поселку. Здесь каждый кирпич, каждое бревнышко рассказывали ему свою историю.

Постоял перед силосом. Хороша башня. Выше пожарной каланчи. Сто лет простоит... Глянул на электростанцию, на скотные дворы... защемило сердце.

Через четыре дня Валькирный неожиданно явился в ремонтную мастерскую.

— Сколько у вас тракторов не отремонтировано?

Мастер Шароков посмотрел на Валькирного и ответил весело:

— Шестерка, Кондрат Семеныч. К тому времени, как земля оттает, все будут в исправности.

— Значит, шестьдесят шесть. Ладно.

С этого дня Валькирный пришел в себя. Стал разговорчивым, деятельным по-прежнему. Как будто гора с плеч у него свалилась или разрешил он трудную задачу. А когда сошел

снег и веселые ручьи зажурчали по склонам, собрал Кондрат Семеныч правление и обратился к нему с такой речью:

— Вот что, ребята. Получил я бумагу из Камышина. Первого мая запрудят Волгу, и потечет она в наши степи. Один из потоков пойдет прямо на «Красные зори», но только краешком заденет. Чтобы не переносить «Зори» на новое место, довольно нам сделать небольшую плотину в двести пятьдесят метров длины и более метра вышины, и вода обойдет нас и потечет на юг.

— А вдруг затопит?

— Не затопит. Я все сам вымерял. Вода у нас будет стоять только на шестьдесят сантиметров над уровнем «Зорь» — а мы сделаем плотину в метр, ну, даже в полтора метра.

— А сделать-то как? — спросил Грачев.

— И очень просто. Тракторы есть, сделаем в наших мастерских лемехи побольше, пустим наши «танки» — и они мигом отворотят нужный пласт земли. Мерекаете?

Кое-кто еще не мерекал, и Валькирный, как всегда, терпеливо и обстоятельно разъяснял.

Закипела работа. Грачев был «маленько изобретатель» и с жаром взялся за проектирование «траншейной машины». Сделал не очень аккуратный, но толковый чертеж. Валькирный одобрил, кузнецы принялись за изготовление

лемехов, трактористы приводили в порядок машины.

— Так, так, ребята. Жарьте так, чтобы небу жарко стало, чтоб искры летели, — подбадривал Кондрат. Он опять чувствовал себя как на фронте. Был одушевлен, подвижен, весел, ел за троих и работал за десятерых.

Скоро тракторы, превращенные в траншейные машины, выехали на поле и, по указанию Валькирного, начали отворачивать пласт за пластом.

Солнце пригревало все сильнее. Весна была дружная.

Плотина протянулась уже больше чем на половину, когда случилось одно происшествие.

Валькирный командовал своими «танками» на полях, как вдруг к нему подбежал растерянный Грачев. В руках он держал бумагу.

— Ты что? — спросил Валькирный, насторожившись.

— Кондрат Семеныч, что ж это такое?.. Как же это так?.. — начал Грачев. — Вот бумага пришла из «Каптажа»... тут пишут...

Валькирный недослушал. Выхватил бумагу из рук Грачева и, хлопнув его по плечу так, что тот осел на один бок, сказал строго:

— Идем за мною... — и они отошли от тракторной колонны, чтобы не слышно было их разговора.

— Ну, в чем дело? Говори,

— Да вот, «Каптаж» спрашивает, как у нас идет работа по переносу «Красных зорь» на новое место. И закончим ли мы работу к первому мая. Как же это так, Кондрат Семеныч?

Валькирный досадливо крикнул.

— А вот так. Бей в мою голову. Не допущу. Плотицу устроить скорее и дешевле, чем целый поселок переносить. Понимаешь? Когда они увидят, как все это просто устроилось, сами благодарить будут. А выгонят меня — черт с ними. Только бы «Зори» отстоять.

— Ну... А если кто-нибудь из них, от «Каптажа», сюда приедет да все это откроет?

— Не приедет. Теперь у них там своих делов много. Все уж объездили. А приедут, увидят, что мы еще не начинали переносить «Зори», отругаются да и оставят по-моему. Я так полагаю... Разве что вышвырнут меня из «Зорь». Ну что ж. Ты предом будешь... Что нос на квинту повесил?

— Я ничего...

Грачев поплелся за Валькирным и теперь новыми глазами посмотрел на возводимую плотину. Недоумение и страх отражались на его лице.

А Валькирный и виду не подает. Командует как ни в чем не бывало. Крепкий человек.

Дождь прошел. Под лучами весеннего солнца заблестели мокрые рельсы, крыши станционных

зданий, новенький паровоз. Пыхтит он, сил набирается, — сейчас пойдёт развозить по свету разных людей с разной их судьбою.

С крыши арестантского вагона каплют капли, блестящие, как ртуть. Зарешеченное окно открыто, а в окне, как из рамы, — голова старика. Хмуро смотрят темные глаза из-под клочковатых бровей. Жадно втягивают широко раскрытые ноздри влажный весенний воздух. Душно в вагоне, а Глеб Калганов привык к вольному воздуху моря и Волги. Смотрит Калган на станционную суету и словно не видит. Ушел мыслью в себя.

И вдруг его взгляд ожил, налился злобой. Калган увидел Кузьму Сысоева, хотел спрятаться, отойти от окна, — поздно. Колющий глаз Кузьмы уже впился в его темные глаза, держит, не отпускает...

Случайна или не случайна эта встреча?.. Пожалуй, что и не случайна. Кузьма был главным свидетелем обвинения на суде.

Пришел! Своими глазами хочет видеть, что не вырвалась из сетей щука зубастая... Продирается сквозь толпу, не спуская глаз с Калгана. К окну прилип, глаза, словно пиявки, впились в лицо Калгана, держат... Молчит Калган.

— Сидишь? — спрашивает Кузьма. — У, змея!..

Загудел паровоз, тронулись вагоны.

Глеб тяжело опустился на скамью и посмотрел на дюжих сыновей своих, сидящих напротив. А рядом с ним угрюмо насупились рыбаки из его артели.

— Поехали! — глухо сказал Калган.

— К чертовой бабушке в гости, — проворчал рыбак, сосед Калгана. — Все по твоей милости!

— Сам в омут головой и нас туда же! — подхватил другой. — «Не дадим Волги-матушки!» Вот и не дали. Поверили старому псу.

Молчит Калган. «Вот, — думал, — Михеев всему причина. Востроносого со свету сжить, плотину прорвать — и спасена Волга. Думал так, а вышло иначе. Плотина прорвалась, а Волгу все-таки завтра запирают будут. В чем причина?.. Вот и Кузьма — малорослый, щуплый, когтем придавишь. А снял голову с плеч Глеба. Почему? Потому что он с теми, что строят». Тяжело вздыхает Глеб.

Отгремели оркестры, отзвучали речи ораторов. Торжество закончено. Взяты в плен широкие волжские воды.

А несметные толпы народа еще не расходятся. Смотрят, что дальше будет с Волгой. Ждут необычайного. Но Волга словно испытывает человеческое терпение. Ее уровень повышается почти незаметно для глаз.

Идут посмотреть на реку ниже плотины. Там интереснее. Вода быстро спадает,

— Мелеет! На глазах усыхает!.. — слышится взволнованный, веселый голос. Толпа любопытных спешит туда.

Да, мелеет Волга. Из-под воды показываются песчаные островки — вершины «банок», перекатов. Вот и дно. Песок, пласты ила, затонувшие якоря, обросшие плесенью темные остатки когда-то потонувших рыбацких судов и барок... Торчит нос полузанесенной песком рыбацкой лодки со сломанным парусом. Речное кладбище. Волга открывает свои подводные тайны.

Несколько неудачливых рыб, не успевших вовремя уйти с водою вниз, бьются на песчаном дне, сверкая серебром чешуи на весеннем солнце.

— Смотрите! Сом! — кричит тот же веселый голос. — Усища-то! Усища!

— А ведь верно. Попался, голубчик! Ну и сом! Пудов на шесть. Тащи на фабрику-кухню!

Огромный усатый сом остался в яме, наполненной водой. Бьется. Тычет в песок тупым рылом, взмывает хвостом грязные брызги.

И уж толпа обсуждает план, как достать сома.

— А ну-ка, ребята, за мной, по морю, яко по суху! — с отчаянной веселостью кричит молодой парень и пытается добраться до сома. Но ноги вязнут во влажном иле. Махнув безнадежно рукой, парень вылезает на берег.

— Тут и сам пропадешь вместе с сомом!

— Доски положить! — предлагает кто-то.

До самой ночи толпились любопытные по берегам реки.

Барраж делал свое дело. К ночи Волга начала медленно заливать левый берег. Ее обильные воды пошли в наступление на пустыню, гасить пожар земли.

Едет Матвей по степи на буланой лошадке, песню поет. Буланный словно заслушался, плетется шажком и ушами прядет.

— А ну, веселей подбирай ноги, Коська-а! — покрикивает Матвей и продолжает песню.

К Волге Матвей едет за товаром для колхозного кооператива. Время весеннее дорогое, вот и выехал ночью, чтоб к утру вернуться.

Коська опять ушами прядет и хвостом крутит. Или песня не нравится? Можно другую. Но не успокаивается конь. Голову вперед вытянул, воздух нюхает, фыркает. Даже дрожит как будто. Что за причина? Зверя почуял? Но какой тут зверь в степи? Одни суслики.

Стоп! Стал Коська как вкопанный, назад прет, фыркает. Оказия! Привстал Матвей на телеге и вдруг видит... и глазам своим не верит.

Далеко-далеко в степи при свете месяца вода серебрится широкой полосой. Волга? Да

ведь еще и полпути не проехал! Может, помешалось?

— Но, пошел! — Не идет конь. Задом пятится.

А серебристая полоса на горизонте переливается синим светом, растет, ширится. Река не река, озеро не озеро. И вдруг осенила мысль: Волга двинулась.

Говорили об этом Матвею, предупреждали, но не очень-то он беспокоился: «Пока Волга до нас дойдет, двадцать раз успею вернуться!» А вот не успел, захватила.

Дернул вожжами Матвей, повернул телегу назад. Коська будто только и ждал этого. Откуда и прыть взялась! Скачет — подгонять не надо.

А вода за ними идет, тихо так, словно играючи, заливают да заливают степные просторы.

И вдруг зашумела вода — сначала по задним колесам, потом по передним, залила ноги лошади и покатила вперёд, застилая степь. Глянул Матвей на землю, — в воде отражается месяц.

— Вывози, Коська! — кричит Матвей.

А Коська сразу ходу сбавил: в грязи вязнет.

Коська еле ноги перебирает. Пошлепал еще маленько по воде и стал. Увязла телега в жирной степной грязи. Не вылезешь... Сойти, что ли, в студеную воду да помочь коню?

Ну и холодна вода! А делать нечего. Бултыхнулся Матвей, начал телегу тянуть, коня понукает...

А воды идут все дальше.

Вот они нашли русло высохшей речки и, сдавленные берегами, потекли быстрее. Они вычерчивают новую карту края с новыми озерами, заливами, реками.

Колхозники Сухого Дола с полуночи дежурят возле новых хат на высоком холме. По радио уже разнеслась весть: идет вода! Там, где была безводная степь, потечет река.

Ребята, взгромоздившиеся на крыши, увидели первые.

— Вода! Иде-от!..

При лучах восходящего солнца расплавленным золотом текла вода, заливая старое речное ложе, оставленное, быть может, тысячу лет назад.

— Трофим! Тащи сети! Рыба в гости идет!

— Сухой-то наш Дол теперича мокрым выходит!

— Дед Панас! Надо бы тебе в старой хате остаться! Был бы ты теперь дед водяной и рыбой командовал бы!

Панас шурит от света старые глаза, улыбается. И вдруг новый выкрик с крыши:

— Пароход идет!

Это уж ни с чем не сообразно! Все головы

повернулись на запад. Там среди водяной глади шевелилась какая-то черная точка, медленно приближавшаяся.

— Какой пароход! Это лодка!

— Черт на дьяволе, ей-богу!

Наконец черная точка приблизилась; человек верхом на коне едет.

Усталый, весь мокрый, подъехал Матвей, бросивший телегу в степи.

Новая река, еще безыменная, течет на восток, увлажняя воздух и землю. Она пришла сюда, в выжженную солнцем степь, чтобы тушить пожар земли. Шла ощупью, осторожно, как слепая, нащупывая все неровности почвы, заливая ямы, иногда отводя в сторону, и вдруг — стоп! Наткнулась слепая на стену. Постояла маленько и повернула на юг, изменив намеченный ей старым руслом путь.

— Станция «Красные зори»! — крикнул Грачев.

На плотину высыпал весь поселок. Валькирный улыбается. Все вышло так, как он хотел. «Красные зори» спасены. Была опасность, не зальет ли река поселок, обойдя плотину сверху, но и эта опасность миновала: к югу скат, и река направила туда свои воды.

Пусть теперь из Камышина приезжают да посмотрят! Я им сберег не один десяток тысяч

рублей. И весь «барраж» сами соорудили, ни копейки у них не попросили!

— Молодец, Кондрат Семеныч! Голова!

— А теперь за работу, ребята! Нечего зевать! — И он зашагал к спасенным «Красным зорям».

Однако день этот кончился совсем не так радостно, как начался.

Валькирный отдавал распоряжения на скотном дворе, когда к нему прибежал запыхавшийся Грачев. На нем лица не было.

— Кондрат Семеныч, беда!

— Что, плотину прорвало? — быстро спросил Валькирный и сам немного побледнел.

— Нет, не то! Наделали мы делов, Кондрат...

— Да говори же, черт, толком!

— Сейчас звонили по телефону из Суханова. Говорят, залило деревни Игошки и Черняево, которые не надо было заливать. Черняево маленько залило, а Игошки в ложине, так ту совсем по крыши. Мы, значит, речку своей плотиной повернули не туда, куда надо. Просят помощи...

Валькирный уже не слушал. Он рванулся и побежал к конторе, крикнув на ходу:

— Звони тревогу!

Но Грачев отстал от него, и Валькирный, первый добежав до площади перед конторой, где висел колокол, созывающий на работу и

обед, начал бить в набат. Отовсюду сбегался народ. Валькирный отдавал приказания:

— Запрягайте лошадей, живо. Берите багры, топоры, веревки, не жалейте лошадей, гоните всю. Летите в Игошки. Там наводнение!..

А сам побежал к конюшням, выбрал лучшего коня, наскоро надел уздечку и помчался на неоседланном гнедке по степи, берегом новой реки.

Деревня Игошки была в двадцати километрах от «Красных зорь».

Добрый конь летел вихрем, а Валькирному казалось, что он еле плетется. Кондрат Семеныч бил по шее лошади концом уздечки и каблуками в бока.

«Ведь вот оказия! Я думал, что река пойдет левее... А ну как там еще люди потонули...» — думал Валькирный и в то же время невольно осматривал местность. Совсем незнакомая! Река, заводы, озера..

Вот и крыши Игошек виднеются над водой. На крышах люди, петухи, кошки... Крик, стон, плач...

Крестьяне, успевшие выбраться, пока вода была не высока, сидят на берегу с унылым видом. Вокруг на земле одеяла, подушки, самовары, тулупы, — что успели вынести. Собаки, подняв морды, воют, глядя на затопленную деревню.

Валькирный подъезжает и круто осаживает лошадь.

— Отчего не спасаете, сидите сложа руки? — набрасывается на крестьян.

— А как спасешь? — огрызается рыжий крестьянин. — Лодок нет, с голыми руками в воду не полезешь.

— Амбар разобрать надо было да плот сделать, — говорит Валькирный.

— Языком-то легко! — слышатся враждебные голоса. — Сам сделай! Топоры потопили, веревок нет, чем плот свяжешь?

— Руками можно было амбар разобрать. На бревне не утонешь. Так понемногу и перетаскивали бы народ на берег.

Валькирный, как был в тяжелых сапогах и неизменной кожаной куртке, плывет к ближайшей избе. Он снимает с крыши мальчика, садит себе на шею и плывет обратно к берегу, не обращая внимания на толпу.

Несколько человек успел уже перетащить на берег Валькирный, когда приехали краснозорьцы.

Работа закипела. Разобрали по бревнам старый амбар, смастерили плот и на нем перевезли всех с крыш на берег.

— В хатах никого не осталось? Утонувших нет? — спросил Валькирный.

— Как будто все целы... — Начали считать, перекликаться.

Валькирный уже собрался вернуться в «Зори», чтобы распорядиться, как разместить людей, оставшихся без крова, когда с дороги неожиданно послышался гудок автомобиля.

Приехал из Камышина секретарь ячейки, Туляк, которому уже сообщили по телефону обо всем.

Он подошел к Валькирному, положил ему руку на локоть, — до плеча не достал, — и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Ну, что, Кондрат Семеныч, теперь вы понимаете, почему частное надо подчинять общему? Посвоевольничали и наделали делов! Придется теперь ответ держать!

Валькирный молчал, опустив голову.

Письмо первое

«Дорогой Ленц!

Не знаю, с чего начать. У меня такое состояние, словно я просмотрел без перерыва сорок кинофильмов. Попробуй, разберись во всем этом. Из вороха разнообразнейших впечатлений выбираю общее: колхоз «Новый путь», по моему, самое интересное место на земном шаре. Я словно переселился на другую планету, где время движется с невероятной быстротой.

Начать с того, что от Камышина, где я осматривал великую волжскую плотину, в колхоз я летел прямым сообщением на большом

почтово-пассажирском аэроплане. Постоянная линия. В «деревню» на аэроплане. Недурно?

— Был ветреный день, и я словно катился по американским горам над широкою степью. Когда-то она была безводной, засушливой, капризной на урожай. Теперь вся она залита водой: реками, озерами, лагунами... Местами я еще видел деревянные «хаты» деревень, но чаще встречались на пути (или, вернее, под путем, так как я смотрел сверху) каменные четырехэтажные дома, целые городки таких домов.

— А вон виднеется и «Новый путь», — сказал мне сосед, указывая на горизонт.

Я увидел дымящиеся трубы заводов. Много фабрично-заводских труб. Не ошибся ли мой попутчик? Я вопросительно посмотрел на него. Он улыбнулся и, видя мое недоумение, поспешил объяснить:

— Это колхозные фабрики и заводы по первичной переработке сельскохозяйственного сырья: льна, пеньки, выработке консервированных фруктов и овощей, мясохладобойни, сыроварни, мельницы, элеваторы, рыбоконсервные, сахарные, маслобойные заводы.

Через несколько минут я увидел весь сельскохозяйственно-фабрично-заводской колхозный город. Он стоял у реки — новой реки, созданной каптажем, которая снабжала его водой. Выше по течению, отделенный широкой полосой леса от дыма фабричных труб, расположился «жилой»

город, весь из белых двухэтажных домов, утопавших в садах и парках. Несколько домов выделялось своею величиной, — вероятно, дома правительственных и общественных учреждений. На реке виднелись купальни, сновали лодки.

Когда мы пролетали над лесом, отделявшим город от фабрик и заводов, я увидел ровную, как по линейке, дорогу, прорезывающую лес. Она была асфальтирована. По ней взад и вперед сновали трамваи и автомобили.

Мы пролетели над городом, и вновь перед нами потянулись поля. Шли весенние полевые работы. С высоты аэроплана тракторы казались маленькими жуками, кем-то выдрессированными. Ровненько двигались они по полям стройными рядами, оставляя позади себя черную, взрыхленную почву. За ними ползли другие машины, вероятно бороны, следом за теми — сеялки.

Местами среди полей виднелись стройки. Строились новые двух-трехэтажные дома.

— Новые деревни, — улыбаясь, сказал мой сосед. — Старые деревни строились без плана. Теперь вся площадь колхоза, — а он у нас не маленький, — разбита на участки; и все население, занятое сельским хозяйством, будет равномерно размещено по всей площади колхоза так, чтобы каждый населенный пункт обрабатывал прилегающую к нему территорию. Сократятся расстояния до конечного пункта, а зна-

чит, и время на переезд. Экономия в топливе машин, быстрота...

— Вы в колхозе работаете? — поинтересовался я.

— В колхозе. Помощник бухгалтера. А вы не корреспондент? — спросил он меня в свою очередь.

— Нет, — ответил я. — Я тоже еду работать в колхозе. Я — электротехник.

— Иностранец?

— Да, немец.

— Вот мы скоро и дома, — сказал помбух.

Я увидел на горизонте высокую ажурную башню радиостанции.

— Приемно-передающая. Наша, колхозная.

Вскоре показались и дома. Много хороших каменных домов, площадь, окруженная высокими зданиями, сад, памятник: человек с поднятой правой рукой — Ленин. Зеркалом блинула излучина реки. Сколько здесь рек!..

Аэроплан начал снижаться, и скоро мы опустились на хороший аэродром. Я вышел. Меня удивило обилие аэропланов, стоящих на аэродроме.

— Уж не имеет ли колхоз и собственные аэропланы? — спросил я моего спутника.

— Общественные. Осоавиахимовские. Для посевов и борьбы с вредителями.

С легким чемоданом, — багаж мой шел отдельно, — я пешком отправился в деревню,

колхоз, город, агрогород, — уж не знаю, как назвать.

Город новенький, с иголочки. Кое-где еще оканчивают штукатурку и побелку зданий.

Я без труда нашел дом и комнату, предназначенную мне для жилья. Ты хочешь знать, какова эта «колхозная» комната для одинокого? Двенадцать-пятнадцать метров площадь. Продолговатая. Большое венское окно без шторы. Под окном — трубы водяного отопления. Голубоватые стены. У окна справа — небольшой письменный стол со стулом и настольной электрической лампой. Другая лампа под потолком. Рядом со столом на стене маленькая полочка для книг. У левой стены — диван, служащий и кроватью. Постельные принадлежности — в выдвижном ящике в самом диване. Ближе к двери, в той же левой стене, — стенной шкаф для платья, немного выступающий. У правой стены — умывальник, отделенный с боков, на высоте пояса, толстыми стеклянными стенками, чтобы не разбрызгивать воду. Дальше, у стола, — телефон. Над входной дверью — рупор громкоговорителя.

Дом довольно большой. В нем имеется хорошая общественная столовая, клуб, при нем — небольшая библиотека. Если в ней нет нужной тебе книги, можешь заказать ее по телефону в центральной городской библиотеке. В конце

коридора — ваннные комнаты, где в определенные часы дня можешь и побриться.

Я позавтракал и отправился к своему «начальству». Но об этом посещении разреши написать в другой раз.

Будь здоров. Твой Карл Э.».

Письмо второе

«— Вы знаете агрономию? — спросил меня бригадир, когда я явился к нему. Вопрос несколько удивил меня.

— Я электротехник.

— Я тоже электротехник, — ответил он. — Но у нас и в электротехнике агрономический уклон. Так сказать, агроэлектрика, как бывает агрохимия. Не думали ли вы, что вас пригласят возиться с электрическими лампочками? С этим у нас и школьные ребята справляются. Вся электропроводка в новых домах лежит на них. У нас требования к электротехнике свои. От электричества мы требуем кое-чего большего, чем освещение домов и полей. Вы приехали в интересный момент, когда мы, пользуясь дешевой электрической энергией, которую дал нам каптаж, переходим к электрификации сельского хозяйства. Мы получаем ток от большой электростанции острова Шишки. Видали?

Я кивнул головой.

— Да, грандиозное сооружение. Но вы еще

не установили проводов высоковольтного напряжения?

Бригадир усмехнулся и ответил:

— Не спешите отрицать существования того, чего вы не видите.

Этот ответ удивил меня, но я скоро понял. Ведь советские ученые еще несколько лет тому назад изобрели изоляторы, позволяющие прокладывать под землю кабели для высоковольтной передачи на большие расстояния.

— Подземные кабели? — спросил я.

Бригадир утвердительно кивнул головой.

— Это дешевле, — ответил он, — и экономичнее в сельском хозяйстве. Хотя у нас земли и много, но мы дорожим каждой пядью. Надземная проводка отняла бы немалую площадь полей для установки башен и затруднила бы работу тракторов.

— Какое же применение будет иметь электричество в вашем сельском хозяйстве?

— Самое разнообразное. Идемте, я покажу вам нашу работу. Много сделано, еще больше придется сделать. — Бригадир критически посмотрел на меня. — Вы уже человек немолодой, а учиться придется вам многому.

Мы пришли на окраину колхозного городка. Там, где начиналась полевая дорога, стояло большое, длинное одноэтажное здание со многими широкими дверьми. Сквозь открытые двери я увидел тракторы нового для меня типа.

— Электротракторы, — объяснил бригадир. — Последняя модель. Работают на аккумуляторах. Волжские воды, которые тысячи лет понапрасну растрчивали свою энергию, теперь отдают ее нам. Наши тракторы, как рабочие лошади, насыщаются этой энергией и идут на поля.

— А что вы будете делать со старыми тракторами, работающими на горючем?

— И им найдется еще немало работы. Передадим их в те колхозы, которые находятся слишком далеко от источника электроэнергии. Электричество сэкономит нам немало драгоценного топлива. Ведь жечь нефть, из которой можно получить ценнейшие химические продукты, в сущности говоря, — варварство.

Мы прошли в соседнее здание. Там стояли другие машины: электрические бороны, косилки...

— У нас все будет делать электричество, — с гордостью сказал он. — Этой же весной мы возьмем наши поля в электрический оборот. Нас и так опередили. Как-нибудь в выходной день поезжайте в соседний колхоз Реаловский, — это ближе к Волге. Полюбуйтесь, что там делает электричество. Идемте теперь на скотные дворы, они у нас уже с осени электрифицированы.

Дорогой он продолжал говорить:

— Мы не только обрабатываем землю элек-

тричеством, но и греем ее. Под землей прокладываются электрические грелки. Слишком поздняя весна и ранняя осень не будут нам больше страшны. Но и это еще не все. У нас есть поле, где мы ионизируем растущие злаки, и результат получается превосходный. А вот и стойла.

Чистые, теплые, проветриваемые помещения, освещенные электричеством. Возле каждой коровы — электрическая дойка.

— Рука человека не прикасается ни к корове, ни к молоку. Электричество доит, перерабатывает молоко, чистит коров и стойла.

Затем мы осматривали инкубаторы. Длиннейшая комната, напоминающая заводской цех. Да так оно, в сущности говоря, и есть. Это настоящая фабрика. Здесь «полуфабрикат» — яйцо — превращается в «конечный продукт производства» — живого цыпленка. Тянутся длинные черные ящики. Тишина. Безлюдье. За людей работает электричество.

— Присматривать за температурой больше не приходится. Она регулируется автоматически. Электрические грелки работают идеально. Все рассчитано. Когда приходит срок, сюда являются наши птицеводы только для того, чтобы взять «готовых» цыплят и заложить в инкубаторы новые порции яиц.

Следующая комната встретила меня разноголосым писком. Это «детская», брудергауз. Здесь воспитывают вылупившихся птенцов. Они

разделены по возрастам и помещаются в ящиках с невысокими стенками. Над ящиками — электрические лампы и провода, какие-то металлические шары с иглами.

— Ионизация и воздействие ультрафиолетовыми лучами. Растут как на дрожжах. Заболеваемость сведена почти к нулю.

— Электрические цыплята, — улыбаясь, говорю я.

— То ли еще увидите, — отвечает бригадир. — Производство наше не останавливается круглый год, так как куры несутся и зимой не меньше, чем летом.

— Удивительно! — сказал я, с восхищением глядя на тысячи пушистых желтеньких цыплят, весело и хлопотливо копошащихся в ящиках.

— Пожалуй, электричество призвано сыграть самую важную роль в сельском хозяйстве? — сказал я.

Бригадир посмотрел на меня с некоторым сожалением, — так мне показалось, — такая, мол, малая сознательность у человека!

— Так может рассуждать только узкий специалист старого времени, — ответил он. — Мы — диалектики, и от нас не ускользает общая связь явлений. Электротехника, химия, физика, агрономия, ботаника, биология, бактериология, метеорология — все имеет свою цену так же, как для растений важны и воздух, и солнечный свет, и вода, и минеральные удобрения. Все

одинаково важно. Отнимите одно — и растение погибнет, несмотря на то что всем остальным оно будет обеспечено достаточно. Вот вы познакомьтесь с товарищем Бойко, химиком нашей опытной сельскохозяйственной станции. Поговорите с ним. Он столько расскажет вам об агрохимии, что, я уверен, химия покажется вам самым важным в сельском хозяйстве. Но ни он, ни я так не думаем.

Мы возвращались к гаражу, где я скоро должен был приступить к работе и учебе.

— Вы сегодня вечером свободны? — спросил меня бригадир.

— Совершенно.

— Так вот что. В Реаловку вы еще успеете съездить. А сегодня приходите к восьми часам в клуб. Я покажу вам киноленту, на которой засняты все моменты электрифицированной обработки земли в одном из лучших наших колхозов. Посмотрите.

В тот же вечер я видел, как огромные электрические плуги врезались в землю и отворачивали пласт за пластом. Я видел, как за ними, словно пехота после артиллерийской подготовки, шли «добивать врага» другие машины, которые разбивали комья земли. Третьи машины рассыпали удобрения, четвертые сеяли, ровно, бережно, аккуратно, пятые косили, жали, связывали и привозили с поля снопы пшеницы и связки сена. Нет, не сена, а свежей

травы, которая отправлялась в гигантский силос, где электрическим током убивались бактерии.

Над полями реяли аэропланы и часть сева производилась с аэропланов. Другие аэропланы распыляли отраву для вредителей.

Я видел электрические молотилки, дающие чистое, полное зерно. Наконец, я видел, как электричество наполняло зерном огромные элеваторы.

«Где, — думал я, — надрывающиеся лошади, истомленные быки, облитые потом косцы, женщины, шатающиеся от усталости, истощенные, кормящие тут же на ниве дряблой грудью детей?... Вместо них — везде машины, а возле машин и на машинах видны ловкие, здоровые, уверенно работающие колхозники в синих рабочих комбинезонах, забрызганных машинным маслом».

Признаюсь, я не видал картины более увлекательной. Это апофеоз энергетики, техники, электрификации, организованного труда, торжествующего над стихийными силами природы...

Будь здоров. Пиши. Твой Карл Эрнст».

Письмо третье

«Дорогой Ленц!

Бригадир был прав: когда я побывал у агрохимика Бойко, то я готов был прозакладывать

голову, что самое важное в сельском хозяйстве — это химия.

Встретил меня Бойко в химической лаборатории опытной станции.

— Приехали к нам поработать? — спросил он, протягивая мне руку. Он был в сером халате, прожженном кислотами.

У лабораторных столов стояли в халатах юноши и девушки, они возились с горелками, колбами, стаканами, перегоняли, кипятили, охлаждали...

В отдельной комнате — святилище, куда не заходят химические газы, — под стеклянными ящиками стоят химические весы.

— Обратите внимание: чтобы сотрясение почвы не отражалось на них, весы стоят не на столах, а на полках, прикрепленных к стенам. Вот наше последнее советское достижение, — с гордостью сказал Бойко, поднимая стеклянный ящик с новеньких весов. — Оторвите клочок бумажки и бросьте на весы.

Я сделал это. Бойко взвесил клочок, снял с весов, протянул мне и сказал:

— Теперь черкните на клочке карандашом вашу фамилию.

Я исполнил и это. Бойко вновь положил клочок на весы. И что же: весы отметили прибавку в весе от коротенькой карандашной надписи.

— Вот мы и узнали вес вашей фамилии, — улыбаясь, сказал Бойко.

— Здесь у нас «болтуны», — продолжал он шутить, вводя меня в новую комнату. Маленькими деревянными лопаточками молодые люди взбалтывали в стаканах жидкости темного и светлого цветов. — Анализы почвы.

— И долго приходится так взбалтывать?

— Часами, днями, неделями, а иногда и месяцами. У нас есть несколько механических болтушек, но их недостаточно.

— Но для чего это?

— Для того чтобы узнать, какова почва. Мы растворяем горсть почвы в стакане, взбалтываем, пропускаем через мельчайшее сито и отсеиваем самые крупные частицы, взвешиваем, подсчитываем. Затем болтаем и осаждаем до тех пор, пока через двадцать четыре часа после отстоя жидкость не окажется совершенно прозрачною. Чем больше мелких частиц в почве, тем лучше почва. Если в пробе, в маленьком сосуде величиною с наперсток, окажется менее биллиона семисот миллионов частиц — почва никуда не годна. Почему? Потому что слишком крупные частицы почвы не обеспечивают питания корням. Ведь в одном кубическом метре почвы поверхность частиц, с которой приходят в соприкосновение корни растений, представляет площадь примерно в гектар... Идем дальше. Здесь у нас дистиллируют воду,

здесь моют химическую посуду. А вот эта комната... Неприятная комната. В ней мы производили работы, при которых выделяются самые ядовитые газы.

Несмотря на то что лаборатория пустовала несколько дней при открытых окнах, тяжелые кислотные запахи еще не улетучились. Они раздражали нос и щипали глаза.

— Да, тяжелая ваша работа, — сказал я.

Бойко сверкнул глазами, словно я нанес оскорбление близкому ему человеку.

— Увлекательная работа. Изумительная работа, — с жаром сказал он и потащил меня в маленький кабинетик при лаборатории. На большом письменном столе лежало несколько книг на русском и немецком языках по химии, главным образом аналитической.

— Садитесь, пожалуйста, и выслушайте, что такое агрохимия.

Дорогой Ленц! Ты просил меня подробно писать тебе обо всем. Не сетуй на меня, если тебе придется прослушать лекцию.

— Химизированное сельское хозяйство — это неисчерпаемые золотые россыпи, — начал Бойко. — Не верите? Приведу вам пример из прошлого. В то время, когда Соединенные Штаты Америки еще «процветали» и капитализм не подорвал вконец фермерского хозяйства, это хозяйство за два года давало стране богатство, превышающее всемирную добычу золота на

земле за весь период со времени открытия Америки Колумбом. За два года ценность продуктов сельского хозяйства превысила в шесть раз общий капитал всех американских банков. Но такие успехи сельского хозяйства в Америке стали возможными только тогда, когда там на помощь фермеру пришла химия. Капитализм скоро свел на нет все эти успехи. Но это уже вина не химии, а капитализма.

Теперь посудите сами, что же может дать, дает и даст в будущем химия для нашего социалистического сельского хозяйства. Питание для всего населения, огромные экспортные излишки, миллиарды рублей на строительство фабрик и заводов. В настоящее время вся наша агрономия теснейшим образом связана с химией. Вспомните дореволюционную Россию. Она была классической страной перемежающихся с урожайными годами недородами, а порой страшных голодовок населения. Два-три года средний урожай, а на следующий год — ужаснейший недород. На эту кривую урожаев в начале восьмидесятых годов прошлого столетия обратил внимание еще Карл Маркс и дал такое объяснение: главная причина неурожая — отсутствие искусственного удобрения.

А теперь что мы видим? Поля, удобрения, жизнь и питание растений и самого человека — все это одна гигантская химическая лаборатория. Химия решает вопрос об искусственном

удобрении, о наилучшем корме для скота. Химия изучает почву. Ведь почва — это не мертвая земля, а своего рода живой организм, в котором непрестанно происходят всевозможнейшие процессы. Почва «дышит», «питается», наливается плодородными соками или истощается и умирает, чтобы возродиться, воскреснуть вновь, если к ней на помощь придет химия. Химия объясняет и предупреждает порчу сельскохозяйственных продуктов. Скисание молока, гниение овощей — все это химические или химико-бактериологические процессы. Химия выяснила роль бактерий в обогащении или истощении почвы азотом. Химия объясняет, почему портятся сельскохозяйственные машины, орудия, — ржавеют в «кислородном горении металла». Наконец, химия оказывает огромную помощь хозяйству в борьбе с вредителями. Но об этом вам лучше расскажет товарищ Брызгалов, наш «главком» по борьбе с вредителями. Непременно познакомьтесь с ним!

Химия открывает земледельцу новый мир. Разве старый хозяин обращал внимание на воздух? Знал ли он, что именно углекислота воздуха, при помощи солнца и хлорофилла растений, превращается ими в питательный крахмал и сахар? И не из воздуха ли химия извлекает теперь азот, необходимый для питания растений? Не химия ли дает ответ, чего не хватает почве, и определяет «дозировку» почвенного пи-

тания фосфором, калием, кальцием, азотом? Ведь почву можно не только недокормить, но и перекормить, и тогда будут потеряны и удобрения и урожай.

А вода! Растения состоят из семидесяти — девяноста процентов воды. Старый крестьянин знал, что вода нужна растению, что растение пьет воду. Но знал ли он, сколько именно нужно воды растению? Знал ли он, что картофелю, например, или клеверу нужна тысяча двести тонн воды на гектар, кукурузе — всего девятьсот, а подсолнечник любит воду, как старая московская купчиха любила чай: ему давай не меньше восемнадцати тысяч тонн! Знал ли старый крестьянин, что растения не только пьют, но и испаряют воду в воздух, и испаряют втрое больше, чем пьют. Некоторые растения являются настоящими насосами: средний тополь выбрасывает в воздух в сутки не меньше бочки воды. И чем суше воздух, тем больше испарение. Плодородным, но засушливым степям Заволжья не хватало воды. Мы страдали не только от недостатка воды в почве, но и от сухости воздуха, которая заставляла растения усиленно извлекать из почвы последнюю влагу, чтобы напрасно выбрасывать ее на воздух. Но тут на помощь почве и растениям пришла техника. Каптаж. Теперь наша почва напоена водой, а воздух настолько увлажнен реками, озерами, водоемами, созданными человеком,

что испаряемость воды растениями понизилась до нормального уровня. Наш край ожил. Без техники — гидротехники — здесь была бы бессильна и химия. Но в целом химия является могущественнейшим двигателем сельского хозяйства.

Мы производим в год около двух миллиардов центнеров зерна. И из них, по крайней мере, полмиллиарда — дар химии. Но она еще не сказала своего последнего слова. Мы рассчитываем в самом ближайшем будущем увеличить урожай, по крайней мере, на треть. Вы понимаете, что это значит? Мы сможем прокормить население еще одного СССР и иметь сверх этого значительные излишки для экспорта.

Можно ли после этого сказать, что труд химика тяжел? Нет, это самый радостный, самый живой, самый творческий, увлекательный труд! Я вам покажу настоящие чудеса химии: как она буквально из камня и воздуха делает хлеб, как оживляет вконец истощенные почвы, как заказывает почве урожай с точностью до нескольких десятков килограммов на гектар, словом, как у нас делают урожай, а не ждут его от случая или от Бога...

Когда мы уходили, Бойко сказал на прощанье:

— Так заглядывайте непременно. Вам надо быть в курсе всего».

Письмо четвертое

«Главкома» по борьбе с вредителями я застал в ангаре. Он был в рабочем костюме, как и другие рабочие, и я сразу не мог определить, кто из них «рядовой» и кто «главком».

— Могу я видеть товарища Брызгалова? — спросил я.

Плотный, коренастый человек, с густой шапкой черных волос, сдвинул на сторону кепку и сказал:

— Я Брызгалов.

Мы познакомились. Брызгалов, не прекращая работы, — он загружал аэроплан ядом, — сказал мне:

— Интересуетесь вредителями? Так. Могу показать. — Брызгалов говорил отрывисто, короткими фразами. Выпалит одну фразу и крепко сожмет губы. — Летать со мной хотите?

— С удовольствием, — ответил я.

Брызгалов молча кивнул головой и принялся вместе с механиком выверять части мотора.

— Завтра. Ровно в четыре утра. Будьте здесь. Никишка, заправляй самолет горючим.

На другой день в половине четвертого я был уже на аэродроме.

Еще совсем темно. Только восток как будто вылинял. У старта яркий дуговой фонарь. Крылатая машина уже выкачена из ангара. Брызгалов и механик контролируют работу мотора.

Брызгалов видит меня, молча кивает головой. Мотор сердито чихает, словно злится, что его разбудили так рано, и оборвал. Тишина. Брызгалов что-то говорит мне, но я не разбираю: немного оглушен. Вымпел на мачте аэродрома трепещет от ветра. Брызгалов неодобрительно дергает головой.

— Может, отложим? — спрашивает механик.

Но Брызгалов, вместо ответа, кивает головой в мою сторону и, показывая на фюзеляж, говорит:

— Лезьте! Не туда! Это для летчика. Заднее место.

Я взбираюсь, усаживаюсь. Быстрым, привычным движением, словно кавалерист на коня, вскакивает на свое место Брызгалов. Рядом со мной усаживается веселый паренек Никишка. Три человека и груз. Но аэроплан большой, мог бы поднять, пожалуй, и четырех.

Ангары подо мной кренятся набок, круто поворачивают, как карусели, и исчезают.

Внизу — огни города, впереди — темные поля. Мы летим на восток. Он все больше бледнеет. Я вижу неясные очертания локтей, спины и головы Брызгалова.

Ветер крепчает. Полет аэроплана становится неровным.

Розовая щель раскалывает восток. Румяными огнями зари наливаются озера, реки, пруды.

— Куда мы летим? — кричу я Никишке в самое ухо.

— К леса-ам! — так же отвечает мне Никишка.

«К лесам!» Как это странно звучит в голом, степном Заволжье, где люди веками топили печи соломой и навозом.

Впрочем, и теперь они не отапливаются дровами. Каптаж дал возможность насадить леса, и они насаждаются для улучшения климата и защиты от песков. Молодые леса. За ними ухаживают, как за ребенком. Они стоят, словно пограничные отряды, отражая натиски пустыни. Я вижу их стройные полки, вытянувшиеся в длинную линию фронта с севера на юг. Зеленые молодые леса. А в них — союзники пустыни: жучки, бабочки, мухи... Но подождите. Брызгалов не дремлет у своего руля!..

Взошло солнце. Оно светит прямо в глаза и, вероятно, очень мешает Брызгалову. Я вижу, как он вертит головой.

Вот и лес. Локти Брызгалова приподнимаются, весь он наклоняется вперед. Аэроплан делает вираж, входит в полосу леса и сразу снижается. Но Брызгалов предвидел это и набрал высоты.

Никишка дергает рычажок, открывает отверстие опылителя и смотрит вниз. От аэроплана протянулся пылевой хвост. Солнечные лучи играют на пылинках.

— Что?.. — кричу я, указывая на хвост. Ни-
кишка догадывается.

— Мышьяковистоки-ислый ка-алий! — орет он
мне в ухо и гордо прибавляет химическую фор-
мулу, что-то вроде «Два-Ка-три-Ас-О-три...».

Мы долетаем до поперечной просеки и вдруг
круто поворачиваем на запад. Аэроплан убрал
свой пылевой хвост. Мы израсходовали двести
килограммов яда и летим за новой порцией.

Снижаемся на аэродроме. Тут лицо Брызга-
лова проясняется: видимо, доволен работой.

— Вот у нас и есть свободное время побесе-
довать о вредителях, — говорит. — Присаживай-
тесь ко мне поближе!.. Недавно попалась мне
в одном библиотечном архиве старинная дет-
ская хрестоматия, — начал Брызгалов. — Про-
читал я там одно стихотворение. Про мотыль-
ка. Мальчик хочет поймать на поле мотылька.
А мотылек просит: «Не губи, человек, ведь
короток мой век» или что-то в этом роде.
Идиоты! Какой вредной ерундой засоряли дет-
ские головы! Жалость возбуждали к поэтиче-
скому мотыльку. А одни луговые мотыльки в
год могут проесть стоимость большого сахар-
ного завода! А стоит завод большие десятки
миллионов. Еще недавно сельскохозяйственные
вредители пожирали хлебов больше, чем надо
для прокормления всего населения СССР. Хо-
мяки, суслики, саранча, жуки, бабочки, гусе-
ницы, мухи, сорняки, крысы, мыши, бактерии.

Тысячи тысяч! То, чего не успевали уничтожить полевые вредители, доканчивали амбарные. Теперь мы боремся с ними химией. И сберегаем государству миллиарды. Но наша работа должна быть напряженной, неослабной, планомерной, коллективной. Истребите миллиарды вредителей, оставьте в живых пару, прекратите борьбу, — и через год-два их снова будут миллиарды. Сейчас они принялись за наш молодой лес. Хотят прорвать и открыть фронт для нашего главного врага — пустыни. Я летал над лесами, над полями, над болотами...

— И над болотами?

— Комары. Малярия... Знаете Рионскую долину на Кавказе? Плодороднейшая в мире. Чудесный климат. Пропадала. Пустовала. Малярия. Страшная смертность окружающего населения, рабочих. Теперь там — цветущие нивы и рисовые поля. Здоровые растения и здоровый, сытый народ. Химия!.. Мы все принимали участие в этой войне. Опыливаем, окуриваем, обрызгиваем поля с ранней весны до поздней осени. Это у нас обычная работа. Бывает и ударная. Когда какой-нибудь вредитель размножается чрезвычайно. Тогда — мобилизация. Все на ногах. Кордоны. Заградительные отряды. Люди в противогазах... Война! При единоличном хозяйстве борьба была невозможна. Межи. Овражки. Сорняки — приют для вредителей. Не-

вежество. Раздробленность действий... Теперь — общий план, и мы...

Через минуту я услышал шум заводимого мотора и отрывистый приказ Брызгалова:

— Контакт!

Война продолжалась...».

Письмо пятое

«Бригадир, Бойко, Брызгалов — все это своего рода агроинтеллигенция. Но каков средний колхозник? — спрашиваешь ты.

Познакомился я и с этими «среднеарифметическими колхозниками». Что же я могу написать о них?

Все они хорошо знакомы с техникой, агрономией, химией. Прекрасная политехническая школа. Хорошая библиотека. Театр и главное — телевидение и звуковое кино дают им то, чего не могут дать тонны старых книг. Они слушают лекции лучших профессоров Союза, передаваемые по радио, они видят лучших артистов на экране. Они «присутствуют» зрением и слухом всюду, как бы принимая непосредственное участие в мировых событиях.

Когда-то деревенским клубом была завалинка у хаты. Старики жаловались здесь друг другу, что господь за грехи не дает дождика и наказывает неурожаями, женщины судачили у колодцев, молодежь хулиганила, те и другие

заливали «горькой» горькую жизнь. Их кругозор не шел дальше сельской колокольни.

Теперь «завалинка» — ярко освещенный электричеством клуб. Темы разговоров — о новом научном изобретении, о последнем полете в Арктику, о необычайном овоще, выращенном на опытной станции.

Не думай, однако, что жизнь здесь похожа на тихое болото с блаженно прозябающими лягушками. Здесь тоже есть борьба, и здесь нередко разгораются страсти. Спорят о методах электрификации, и о планировании новых городов, и о новых сельскохозяйственных мероприятиях.

Новый быт строится не без борьбы. Сколько споров было хотя бы о домах-коммунах! В какой мере обобществлять быт? Что делать с детьми? Как строить дома-коммуны? Тут тоже были перегибы, и правые и левые уклоны. Их история запечатлелась даже в архитектурных формах домов. Ты можешь встретить несколько типов жилых домов, от казарм и до домов типа меблированных комнат.

Недавно, в тихий весенний вечер, я беседовал на веранде дома-коммуны с одной пожилой колхозницей, Марьей. Она рассказывала мне историю своей борьбы с домом-коммуной.

— Сколько лет уж прошло, — говорила она своим украински-певучим голосом. — В первые годы трудножилось в колхозах. Хозяйство

большое, хозяев много. Что голова, то ум. Каждый думал по-своему, как лучше общественные дела наладить. Свары, споры. Но все утряслось понемногу. Решили дом-коммуну строить. А я ни за что! И слушать не хотела. Привыкла к своей хате, как корова к хлеву. Хлев горит, корову выведут, а она вырвется да назад. Хоть в пламя, да в свой хлев! Так и я... А муж-то у меня был активист. За дом-коммуну первый агитатор. «Ну, — говорит, — оставайся в своей хате, а я один пойду жить в дом-коммуну». Ушел муж, а за ним старший сынишка. Я с двумя малыми да со стариком в хате осталась. Уж и трудно было, а не сдавалась. Общественную работу кончишь, придешь домой — за стирку становись да за котел. Плюнула на свою хату. Теперь давно уж в коммуне живу.

Эпизод... Один из тысячи эпизодов. Одна буква из великой книги о строительстве нового быта...

Друг мой, Ленц! Не похожи ли мы с тобой на эту Марью? Ты знаешь, я не молод. И вот я, как Марья, жалею теперь только о том, что годы напрасно потеряны для тебя и для меня.

Бросай все! Бросай свою швейцарскую сыроварню и приезжай скорее вместе с женою и детьми в советский колхоз варить советский колхозный сыр!

Твой Э.».

— Слышите, колокольчик звенит? Это Карась рыбу сзывает, кормить будет. Идем, посмотрим! — говорит руководитель экскурсии, загорелый юноша. За ним тянутся экскурсанты — ученики заводской школы. Приехали посмотреть рыбный совхоз.

Реки, пруды, озера покрыли некогда безводную степь. Дома утопали в садах. Кругом — тучные нивы, не знающие больше засух. На заливных лугах пасется племенной скот. Над прудами и речками склоняются тенистые ивы, — берегут воду от жгучих лучей солнца. Пустыня отброшена далеко за Урал-реку. Но и там ведется на нее наступление. Все дальше отступают пески на восток. Гаснет пожар земли...

— Карась у нас — замечательно башковитый старик. Рыб знает как свои пять пальцев и любит, словно детей родных, — говорит руководитель.

— Карась — это его фамилия?

— Прозвище. Прозвали мы его так — Карась. А фамилия его Барышников Иван Федорович. О рыбе может день и ночь толковать. Да вот вы сами его послушайте.

Словно зеркало в зеленой раме, блестит широкий пруд, обросший по берегам ивами и тростниками. На небольшом деревянном подмосте сидит на корточках Иван Федорович Барышников, — он же Карась, — ученый рыбовод

рыбного совхоза Карповки. На нем — широкополая соломенная шляпа — изделие школьной мастерской, длинная толстовка и белые брюки. На ногах — сандалии. Ему за пятьдесят. Длинные седые усы спускаются вниз, словно мартовские сосульки. На тупом носу — очки. Он низко наклонился к воде и кормит рыб, приплывших на его звонок целой стайкой.

— Карась карасей кормит, — улыбаясь, тихо говорит руковод и подходит к старику. — Рыбок кормите, Иван Федорович?

— А как же! Они у меня что цыплята. На зов идут и из рук корм берут. Здравствуйте, ребятки, — говорит он экскурсантам. — Приехали наших карпов посмотреть? Наш совхоз карпами славится. Это у нас первая статья.

— Не оттого ли и совхоз Карповкой называется?

— От того самого. Уж очень хороши у нас карпы, и много мы их добываем. Жаль, что железная дорога далековата. Говорят, ветку проводить будут. А пока мы больше районные совхозы снабжаем, коптим немного...

В эту минуту к пруду подъехал синий запыленный автомобиль. На подножке стоял председатель правления совхоза Салов. За рулем — молодой безусый шофер в кепи. Салов соскочил еще на ходу. Вслед за ним из автомобиля вышел шофер.

— Иван Федорович, — сказал Салов, — поз-

вольте вам представить главного инспектора Волго-Каспийского рыбоводства товарища Бекирову! — и он указал на шофера.

Бекирова улыбнулась и протянула Карасю руку.

— Ну, показывайте ваше хозяйство! — сказала она низким грудным голосом.

— Принесите сеть! — командовала Бекирова через минуту.

Руковод, служащий совхоза, побежал за сетью, а Бекирова достала из машины чемодан, вынула оттуда резиновый комбинезон, натянула его поверх платья и в этом водолазном костюме, но с открытой головою, вошла в пруд и начала ходить по дну, ошупывая ногами почву.

— «Задев» много, — говорила она, передвигаясь с места на место. — Корчаги, кочки... Вы содержите дно в плохом состоянии...

Бекирова вышла из воды, сняла водолазный костюм, подхватила его одной рукой, в другую взяла чемодан и отправилась к автомобилю. Карась вдруг возненавидел ее жгучей ненавистью. А Бекирова продолжала пытаться его.

— Какая у вас система прудов?

— Ступенчатая и цепная! — ответил он свирепо.

— Самая невыгодная. Чтобы очистить один пруд, вам приходится спускать все разом.

Карась простонал. Разве он не знает всего этого?

— Идемте в контору! Вы мне покажете цифры улова.

В этот день Карась потерял все свое благодушие. Каждый вопрос Бекировой наносил удар его самолюбию и авторитету. Ему казалось, что все экскурсанты смеются над ним. Но Барышников еще не терял надежды дать ей генеральное сражение. Пусть не придирается к мелочам! Цифры улова — больше трехсот кило на гектар — сами за себя говорят! Он предвкушал, как обрушит на ее голову эти триста кило. Такого улова, наверно, у нее у самой нет!

Еще раз в этот злополучный день самолюбие Караса было уязвлено перед самым отъездом Бекировой. Она разговаривала с Саловым о совхозе. Карась случайно слышал этот разговор, сидя в своем малиннике.

— Я, быть может, несколько сурово вела себя в отношении товарища Барышникова, в особенности в конторе, — говорила Бекирова. — Но это необходимо, Барышников не плохой рыбовод, но он...

— Он очень любит свое дело, — вставил словечко Салов, желая поддержать Караса. — Барышников, можно сказать, романтик рыбоводства.

— А нам нужны техники и инженеры рыбоводства. То, что он делает, — кустарничество. Товарищу Барышникову надо приехать ко мне

в совхоз Первомайский, поработать у нас и кое-чему поучиться. Сейчас отпущены большие средства на реорганизацию рыбного хозяйства. С осени мы приступили к работе.

Несколько дней Барышников выдерживал характер. Не выходил из дома. Сидел мрачный и даже не ел любимых карасей в сметане. Но в конце концов не выдержал. Проснулся однажды на заре, и вдруг ему жалко стало рыб.

— Сколько дней я не кормил их! Чем рыба-то виновата?

Карась тихо поднялся, чтобы не разбудить жену, взял корму и отправился к пруду.

Солнце еще не вставало, — ранний час, — его никто не увидит.

Барышников присел на помост. Звонить в колокольчик он не решался. Но рыба и без звонка заметила его знакомую фигуру и, голодная, начала сбегаться к плотнику.

Опять дни потекли обычным порядком, но Карась чувствовал, что это — только отсрочка.

И наконец настал день, когда в конторе была получена официальная бумага. Барышников приглашался в рыбный совхоз Первомайское для ознакомления с новыми методами ведения рыбного хозяйства.

Салов даже не ожидал, что Карась так легко согласится на поездку. Но у Карася были свои соображения. Он, обманывая самого себя, ре-

шил, что поедет только из любопытства, а главное — чтобы дать решительное сражение Бекировой. Он докажет, что знает не меньше ее! Там волей-неволей она должна будет выслушать его. «Ну что они там нового могут придумать? — думал он, собираясь в дорогу. — Рыба остается рыбой». А ему ли не знать, чем «дышит» рыба? Он прожил с рыбой долгие годы. У него опыт. Он еще утрет нос молодым!

С такими воинственными мыслями отправился Карась к «щуке».

Путь был не близкий. Пришлось пересечь почти весь орошенный Волгой район с северо-востока на юго-запад.

И на всем протяжении пути тянулись поля, луга, озера и реки. Новые водные, железнодорожные и шоссейные пути соединяли новые города и селения. Везде кипела работа. Здесь «делали хлеб с маслом», как писал некогда Михеев.

Барышников больше всего интересовался рыбным хозяйством. Он присматривался к садкам, прудам и озерам.

«То же, что и у меня! — думал он. — Напрасно девчонка нападала на меня. Я не хуже других». — Эта мысль успокоила его.

Вот и станция Первомайская. Барышников нашел присланный за ним автомобиль и покатил по хорошей шоссейной дороге. Он был на территории показательного рыбного совхоза и

сразу почувствовал, что здесь многое не так, как у него.

Пруды — в идеальном порядке. Вдоль прудов — обводные каналы, соединенные с прудами таким образом, что каждый пруд можно спускать отдельно через особое приспособление. Возле прудов и каналов — шоссированные и бетонированные дороги, по которым хлопотливо снуют грузовики и авто. Через каналы и реки переброшены мосты. По ту сторону прудов — полотно железной дороги. На железнодорожных путях — не виданные Карасем длинные, огромные вагоны. А дальше, за озером, виднеются фабрики, заводы, станции, большая электростанция, жилые корпуса... Целый город!

Автомобиль проехал мимо молодой каштановой рощи. Широкая аллея рощи упирается в огромное восьмиугольное здание со стеклянной крышей, сверкающей на солнце.

Неожиданно Барышников увидел у берега озера площадь с разбитыми на ней клумбами. Огромное четырехэтажное здание из стекла и бетона замыкает площадь полукругом. Шофер подъехал к подъезду и, дав гудок, остановил машину.

Из дверей вышел молодой человек и, спросив фамилию Барышникова, сказал:

— Второй этаж, комната семьдесят шесть!

Его ждали. Барышников захватил небольшой чемодан и прошел в отведенную ему комнату.

Светло-голубые стены, белая металлическая мебель. Окно во всю стену. На стене телефон, возле — план дома по этажам и телефонный указатель.

Карась вымылся в ванной комнате, переоделся, позавтракал в большой, светлой столовой и, вернувшись к себе, позвонил в бюро справок.

— Могу я видеть товарища Бекирову? — Он горел нетерпением сразиться с нею.

— Товарищ Бекирова на работе. К вам зайдет аспирантка Научно-исследовательского института рыбоводства товарищ Голубева, — отвечал женский голос.

«Да что у них тут, все бабы?» — с неудовольствием подумал Барышников.

Скоро в его комнату постучались. Вошла молодая девушка, краснощекая, улыбающаяся, в свободном коротком белом платье, остриженная «под мальчишку».

— Здравствуйте, товарищ Барышников! — обратилась она к нему, как к старому знакомому. — Товарищ Бекирова на дальних прудах. Она и поручила мне ознакомить вас с совхозом. Если вы не устали с дороги, идемте. Начнем с наших научных лабораторий в этом доме.

И краснощекая девушка повела Барышникова по этажам и залам,

Уже при этом первом, поверхностном осмотре Карась был поражен.

Вот кабинет с надписью «Планктон». Здесь изучают микроскопический мир прудов. Большие стеклянные кубы с разводками, микроскопы, сложные аппараты... В стеклянных кубах выводят, размножают, питают, изучают жизнь и борьбу за существование маленьких обитателей воды. Рядом — «Акклиматизационная». Дальше — «Кабинет питания рыб», напротив — «Искусственного оплодотворения». Голубева объясняет:

— Мне приходилось слышать, что при устройстве каптажа Волги многие боялись за судьбу рыбы. Волгу замкнет плотина, и рыбе некуда будет идти метать икру. Рыба погибнет. Страхи эти оказались неосновательными. Рыбе теперь совсем не приходится искать мест нереста, так как оплодотворение производится искусственно. А вам, конечно, известно, что искусственное оплодотворение происходит более полно, чем естественным путем. Мы теперь экспортируем оплодотворенную икру на аэропланах за тысячи километров, и она доходит благополучно до места назначения.

Следующий кабинет — «Санатория». Этого еще не хватало!

— Для служащих? — спросил Барышников.

— Нет, для рыб, — отвечает улыбаясь его краснощекая спутница. — Вы знаете, что рыбы

также подвержены болезням. Многие рыбы страдают и умирают от паразитов. Некоторые передают этих паразитов людям.

— Щука передает солитера! — вставил Барышников.

— Иные рыбы гибнут от недостатка кислорода или от неподходящей пищи. Мы изучаем причины болезней рыб, даже лечим их, но главное — вырабатываем профилактические меры. Вот в этом аквариуме — большие угри. В их брюшной полости находятся аскариды и филяриды. Мы уже на верном пути к тому, чтобы уничтожить этих паразитов. Интересен и следующий кабинет, где происходят опыты над скрещиванием.

Многое из того, что видел Барышников, было ему известно. Но какой размах, какая постановка дела!

Окончив осмотр дома, они вышли к прудам. Голубева показала Барышникову, как производится у них «облов».

Вода из пруда постепенно уходила в канал. Рыба собиралась по сборным канавам, сделанным на дне, в обловную яму с сетчатым ящиком. Ящик поднимался краном, и все содержимое пруда сразу оказывалось на поверхности. Рыба попадала на транспортеры, проходила через сортировочные столы и передавалась транспортерами, еще трепещущая, на консерв-

ные заводы, в холодильники и в длинные вагоны для экспорта.

Если бы сюда заглянул Глеб Калганов, он ничего не понял бы в этом «производстве» с его подъемными механическими сетями, транспортерами, лабораториями, машинами... Но и Барышникову было чему удивляться.

Они перебрались на другую сторону озера, и Барышников заглянул в необычайный вагон для перевозки рыбы.

Целый маленький завод на колесах — с компрессорами, нагнетающими сжатый воздух для освежения воды в аквариумах, насосами для накачки воды, холодильными установками, подъемными кранами, баками для рыб, помещениями для служащих, кладовыми и даже кухней-столовой.

— При помощи жидкого воздуха мы понижаем температуру наших прудов, чтобы дать студеною воду форели. У нас в каждом пруде — особая температура, регулируемая аппаратами, особый процент насыщенности воды кислородом, особый планктон. Для наблюдения за жизнью рыб на многих прудах имеются подводные камеры. Там вы еще успеете побывать.

Когда Барышников вышел на шоссе, у него голова кругом шла. Теперь он уже не хотел видеть Бекирову. Надо было раньше разобраться во впечатлениях и избрать новую так-

тику в обращении с нею. О генеральном сражении он уже не думал.

И надо же было случиться, что Бекирова обогнала их на своем длинном автомобиле, узнала Барышникова, задержала машину и предложила ему сесть с ней рядом у руля.

На этот раз она более дружелюбно встретилась с Карасем. Посмотрев на его растерянное лицо, она спросила:

— Ну, как вам понравилось?

— Признаюсь, я не ожидал... — ответил Карась, вздохнув.

— Разница между нашей системой и вашей заключается в том, — сказала она, — что вы ограничиваетесь подражанием «естественным» условиям. Вы только копируете природу, а мы идем дальше. Мы заставляем природу работать на нас, по нашим указаниям и согласно с нашими требованиями и целями.

...В тот же день вечером Барышников писал председателю совхоза:

«Товарищ Салов! Я был старый осел и шляпа. Я видел здесь такие чудеса, какие и не снились старым рыболовам и рыбоведам. Здесь рыбу не разводят, а буквально делают, как любой товар, по заказу потребителя, и все время улучшают «качество продукции». Да, рыба перестала быть рыбой. Они тут черт знает что делают с ней. Изменяют строение, форму, вы-

водят почти бескостных рыб, вообще...» Далее шло длиннейшее описание совхоза.

Солнце. Синь неба. Зной.

В золотой пшенице перекликаются перепела, квохчут дрохвы, жужжат пчелы, стрекочут кузнечики.

Над полями летят люди. Учебный полет дирижабля «Коминтерн». Ветер попутный. Моторы выключены. Тихо проплывает низко над землей воздушный кит. Из кабины хорошо видно, как колышутся широкими волнами колосья. Здесь когда-то бушевали волны Каспия. Теперь на осушенном дне морском растет пшеница.

Просторы золотых полей. Тишина. Проходят минуты. Летит дирижабль. Синяя тень дирижабля ложится на желто-золотистые поля.

Откуда-то издалека послышался смутный шум, гул, уханье, лязг. Мотор? Поезд?..

На ровной поверхности янтарного моря показалась длинная полоса, словно кто прошел машинкой для стрижки волос по густой шевелюре. В конце полосы ворочается черное чудовище с поднятым хоботом, быстро ползет по ниве, оставляя за собой вихрь пыли и разметанной соломы. И где проползло — как машинкой выстригло.

Моторы на дирижабле заработали. Воздушный кит начал забирать высоту. Горизонт раз-

двинулся и как будто поднялся выше. Там и сям виднелись на полях тракторы и комбайны. Вдали показался ровный канал, по которому двигались пароходы и баржи.

Вот во что превратилась Волга ниже барража. С «печки» нового волжского уровня суда спускаются по шлюзам и идут по этому каналу в Каспийское море.

Какая суэта на полях! Можно подумать, что идет сражение. Две армии с «пушками и танками» движутся по обеим сторонам канала.

Да здесь и идет «бескровное» сражение: социалистическое соревнование двух совхозов.

Из брошюры В. Куликова «На дне Каспия»

«Два гигантские совхоза раскинулись на «бывшем» дне морском по обе стороны Волгоканала. На правом берегу — совхоз имени тов. Сатина, или Сатинка, и на левом — совхоз имени тов. Левшина, или Левшинка. Плодородный ил, нанесенный веками Волгой, не уступающий нильскому, дает неслыханные урожаи. Пласт ила так мощен, что миллиарды тонн его, без ущерба для совхозов, были сняты с поверхности и перевезены на скудные земли когда-то «потребляющей» полосы.

Площадь совхозов и техническое вооружение почти одинаковы. И с самого основания Сатинка и Левшинка находятся в бесконечной войне соцсоревнования.

Впрочем, история знает случаи, когда сатинцы и левшинцы заключали оборонительные союзы против общего врага. Так было, например, в первые годы их существования, когда южные, более низменные участки совхозов заливались морем: южный ветер гнал воду и затоплял нивы. Тогда сатинцы и левшинцы объединяли свои силы и бросались на водяного врага: возводили плотины. Но море давно укрощено. Вражеские волны разбиваются о бастионы плотин. Год за годом море уходит дальше. Плотины постоянно срываются, дно выравнивается. Тракторы и комбайны не любят неровностей почвы.

Сатинка и Левшинка бесспорно признаются лучшими совхозами в мире. Туда ежегодно приезжают тысячи иностранных товарищей, в особенности из аграрных стран, чтобы поучиться и использовать наш опыт для своих молодых совхозов».

«Война» — в двадцать часов.

Не было человека, от старшего агронома до посудомойки, кто не принимал бы участия в обсуждении плана уборочной кампании. Воля масс сосредоточилась теперь в «штабе совхоза». Оттуда расходятся приказы «главкома» — старшего агронома.

«Обоз» выехал с вечера — ровно в двадцать

часов. Грузовики с лагерными палатками, походные кухни, амбулатория, летучие отряды РОККА, ремонтно-тракторные бригады, автовагоны с электро- и радиостанциями, прожекторы, вагоны-цистерны с артезианской водой, переносные души, автоцистерны с горючим, кинопередвижки, грузовики с рабочими-иностранцами... Великое переселение народов...

Больше чем на километр растянулся поезд по хорошей шоссейной полевой дороге, называемой по-старому «американской».

Шум моторов, лязг металлических частей, гудки, песни и смех потонули в сумерках среди бескрайних полей...

Ровно в четыре, на другое утро, с гулом, стуком, грохотом и лязгом выступила «тяжелая артиллерия» — огромные колесные и гусеничные тракторы с комбайнами. Серыми железными чудовищами управляют люди в синих комбинезонах и защитных очках.

Через час на дороге двигаются обратные грузовики, уже нагруженные зерном. «Сражение» началось.

Штаб Левшинки. На стене большая карта «военных действий»: оба совхоза, разделенные каналом.

Карта разделена на квадраты, по десяти гектаров каждый. Радиотелефон и телеграф. Телефон агрогорода, теперь объявленного «на

военном положении». Главком, молодой агроном, отмечает на карте флажками донесения с театра «военных действий».

Левшинка и Сатинка идут пока ровно.

За первый час семь левшинских гектаров уместились в зерновых баках первых двух комбайнов и по трубам-шнекам за сто секунд пробежали в кузов автогрузовика. «Агрегат» — трактор с двумя комбайнами. Действуют исправно. Общий часовой итог: сто агрегатов убрали 3500 га. Автогрузовики перевезли уже зерно в элеватор.

Самопишущие учетные аппараты Бруно, похожие на будильники, прикрепленные к каждому трактору, указывают безостановочную работу.

«Простоев нет, поломок нет. Настроение бодрое».

Сатинка к концу часа убрала 3550 га. Но Левшинка еще обгонит. К ночи левшинцы вольют в армию десятки новых агрегатов, только что полученных совхозом. Сатинцы этого не знают.

Главком Левшинки спокойно отдает приказания.

На полях. Жара невыносима. Комбинезоны лоснятся от пота. Очкастые люди сидят у рулей тракторов или стоят, как на корабле, у штурвалов комбайнов и уверенно направляют

рычащие чудовища на густые заросли высокой пшеницы.

Непривычный треск. Внезапная тишина. Машина стала. Поломка!

Словно на пожар мчится «скорая помощь» — ремонтная бригада. Каждая минута дорога. На ходу соскакивают с автомобиля монтеры, уже вооруженные инструментами.

Старший монтер отдает краткие, быстрые приказания...

— Пошел!

Машины не останавливаются ни на минуту.

— Что, сатинцы?

— Досадно! У нас еще поломка. Ну ничего. Догоним. У них тоже не без аварий. Два агрегата прогуляли сорок минут.

Ночь. Сверху — яркая луна, а над полями лучи прожекторов горят еще ярче. Гул не умолкает.

К ночи сатинцы обогнали левшинцев на двести пятьдесят гектаров.

С полевой дороги слышался рев моторов, дренканье железных частей комбайнов. Прибыли резервы — новые десять агрегатов.

— Теперь держитесь, сатинцы!

На скошенных полях — музыка. Радиопередача. Косцы лежат на соломе и слушают. Отдыхают. Неутомимая молодежь пляшет в сторонке.

В три часа разлетелась по полям левшинцев новая весть: сатинцы тоже подготовили резервы и бросили на поля двенадцать новых агрегатов.

Спорнее ночью идет работа: прохладно и светло, как днем.

Ш т а б Левшинки. Квадраты на карте испещрены флажками. У левшинцев уже завоевано на сто пять гектаров больше. Можно и отдохнуть... Стучит радиотелеграф, автоматически записывая на ленту. Главком берет ленту, хмурится. Помощник читает через плечо главкома точки и тире: «Са-ран-ча!..»

Звонит телефон. Говорит главком Сатинки.

— Да, — отвечает левшинский. — Мы уже имеем телеграмму. Наступает с северо-востока. Нет, не крылатая. Личинки в последней стадии развития. Ползет со скоростью пятисот метров в час. Шесть аэропланов? Хорошо! Мы пошлем восемь. Да. Но у нас маловато мышьяковистокислого натра. Да, считая на один гектар до четырех килограммов... Идет!

Главком звонит в ангары, в базу Авиахима, летчикам. Тревога! Тревога!..

Необходимо бросить на войну с саранчой все тракторы и комбайны обоих совхозов.

В воздухе зарокотали моторы. Аэропланы, вооруженные опрыскивателями, летят на врага.

Ш т а б. Донесение: аэропланы начали опрыс-

кивать поля. Миллионы саранчи гибнут, сотни миллионов продолжают ползти, съедая все на пути.

Саранча уже в пяти километрах от границы Левшинки. Через десять часов враг начнет пожирать поля. Успеют ли комбайны вовремя прийти на место?..

В воздухе. Эскадрилья аэропланов низко летит над землей. За аэропланом тянутся хвосты распыленной жидкости и стелются по земле. Бескрылая саранча сплошным серым мохнатым ковром устилает землю. Там, где хвост водяной пыли разостлался по земле, пучится, шевелится серый ковер. Гибнет саранча, но несметные ее полчища продолжают ползти. За нею — ни былинки, ни соломинки, — все сожрала прожорливая стая!..

Штаб. Молодой авиахимовец главкому:

— Вот что я придумал, товарищ, как преградить путь саранче. Вырыть неглубокую канаву, — можно скоро, — налить нефтью и нефть зажечь.

— Средство не новое и не дешевое. Но действует. Идет! Организуй живо!

Поля. Вечер. Солнце заходит. Горит нефть в канаве. Миллионы саранчовых личинок гибнут в огне, а новые полчища все лезут. Сгорают и лезут, лезут и сгорают.

В одном месте пламя погасло. Нефти ли не хватило, потушила ли саранча своими тела-

ми, — погасло пламя, прорвалась саранча — ползет.

— Нефти! Скорее нефти! Подливай! Еще!

Школьники в резиновых перчатках и противогазовых масках бегают по полю с ящиками, разбрасывают отраву, иногда под ядовитым дождем, падающим с аэропланов. Саранча ест приманку и дохнет. Но саранчи больше, чем приманки.

Ш т а б. Донесение: саранча переступила границу совхоза. Идет по жнивью. Машины жнут пшеницу быстрее, чем движутся остатки полчищ саранчи.

— Все дело в темноте, — говорит с облегчением главком.

В комнату вбегает молодой биолог.

— Нашел! Открыл! Смерть саранче!

— В чем дело?

— Заражение саранчи особыми паразитами. Молниеносная смерть!

— На этот раз ты маленько опоздал. Урожай спасен, — говорит главком. — Но если твое средство...

— Радикальное!

— Посмотрим!

Анка Плетнева и Лев Палов — рабочие крекинг-завода. Сегодня у них выходной день, и они решили провести утро на море.

С моря открывался вид на город и промыслы.

На море у берега разбросаны странные металлические сооружения — кубы на плотках. У самого берега — кайма из полукруглых плотин. То, что недавно было берегом моря, возвышается теперь пологой горой, покрытой асфальтом. На асфальте железные шестигранники, — дома не дома, — с железными дверями, но без окон. словно несгораемые шкафы, сбежавшиеся сюда из душных контор. Между ними — цветники, сады, фонтаны. И всюду, как паутина, — электрические провода на эбонитовых столбах. Людей не видно.

Высоко на горе блестят стеклянными стенами жилые дома. Густая роща айлантов отделяет жилой город от нефтеперегонных заводов.

Есть еще на промыслах старики, которые помнят, что тут было, когда хозяйничали капиталисты. Они любили не нефть, а барыш. До остального им дела не было. Всюду воняло здесь нефтью. От нефтяных испарений даже небо здесь было тусклое, словно смазанное мазутом. Липкая грязь по колено. Драгоценная эмульсия бежала в беспризорные пруды, впитывалась в землю. Скважины бурились по несколько лет ударным бурением. А вы знаете, что это за работа? Нужда стогнала сюда бедняков-горцев. Униженно стаскивали они с бритых голов папахи и просили:

— Хлеба нет, барашка нет, руки есть. Дай работу!

И становился этот сын гор на каторжный труд. От зари до зари смотрит, как поднимается на два метра и вновь падает острый конец бурильной свечи. Или запрягут его в тартальщики. Вместо чистого горного воздуха — тяжелый запах нефти. Однообразный, убивающий труд... Человек изнашивается скорее, чем желовка, черпающая густую вонючую жижу.

А теперь посмотри на промыслы: ты и людей-то не увидишь. Все машины. И запаха нет, и самой нефти не увидишь, — разве в заводской лаборатории. Нефть теперь так и не видит солнечного света.

Разведка — вращательным бурением, откачка из скважины — глубокими насосами, пересылка — трубами нефтепроводов. Фонтаны одеты в непроницаемые будки, вот в эти, похожие на несгораемые шкафы.

Рядом контора — светлое одноэтажное здание. Тишина. Карты промыслов, разбитые на участки, и номера вышек. Аппараты сообщают, как идет работа на каждой вышке. Техник следит за аппаратами. Вот он отметил какую-то неправильность. Бросает коротко дежурному рабочему:

— 72—315.

Это значит: на семьдесят втором участке вышка номер триста пятнадцать.

Рабочий выходит, садится на мотоцикл и едет.

Тысячи гектаров драгоценнейшей нефтеносной земли скрывало море в своих недрах целые тысячелетия. Мы добрались до этих скрытых богатств. Сбросили крышку водяного сундука и извлекли оттуда наше жидкое золото. Мы в несколько десятков раз увеличили добычу, а нефти — еще неисчерпаемые запасы. Словно под дном Каспия залегло еще нефтяное море.

Группа рабочих, приехавших из-за границы, осматривала промыслы под руководством Ника Вагнера, уже давно поселившегося в Баку.

— Ведь это уже вода? Море? — спросил один из экскурсантов, указывая на карту.

— Да, это море. Еще не осушенное море.

— Почему же оно у берега также разбито на участки?

— Секрет, — улыбнулся Ник. — Но не для вас, товарищи. Я вам открою этот секрет, когда будем на берегу. Идем!

Гости заходят в эксплуатационную вышку. И здесь ни души. Только мерно хлопает насос.

— У этого железного рабочего голова не закружится, — улыбаясь говорит Ник.

В бурильной — грохот. Стены дрожат легкой судорожной дрожью. На огромной глубине долото со «сталининовым» наконечником дробит

твердые породы, хранящие скрытые богатства.

— Во всем этом нет еще ничего нового, — скромно говорит Ник.

— Но размах, техника, организация! — восхищенно возражает румын Миронеску.

— Да, пожалуй, — соглашается Ник. — Но мы можем похвалиться и кое-чем новым. Идемте на берег моря. Каптаж Волги, — продолжал Ник, — освободил огромные донные пространства нефтеносных земель. Наши промыслы уже давно первые в мире по количеству добываемой нефти. Соединенным Штатам пришлось уступить нам первенство. «Роял датч шелл» давно погиб. Американский «Стандарт ойл» еще существует, но и его дни сочтены. У Штатов остались промыслы, лежащие на их территории: в Пенсильвании, Калифорнии, у Мексиканского залива, в Оклахоме и Техасе. Но все они уже сильно истощены. Венесуэла, Мексика, Колумбия, Аргентина перестали кормить своей нефтью английский и американский капитал.

Море не поспевает за нашими темпами. Усыхает слишком медленно. Правда, каждый год оно отдает нам все новые нефтеносные площади. Но отдает, как скупец. Мы не можем ждать, и вот мы решили... Видите вы эти полукруглые плотины, «пришитые» к берегу? Мы строим их, откачиваем плавучие базы прямо на воде и на них ставим бурильные машины. Эти «гидронефтяные установки» — техническая

новость. Трубы машин проходят сквозь воду, и затем бурильные сверла врезаются в дно. По мере того как море усыхает, базы опускаются, трубы укорачиваются, пока наконец вся установка не оказывается на осушенном дне.

— Можно осмотреть? — спросил венгерец Бачани.

— Разумеется.

— Добрый день, — вдруг услышали они за собой голос. К ним подходил американец Эдвин Брусс во фланелевом белом костюме и панаме.

— Принесла нелегкая! — проворчал Ник.

— Здравствуйте, мистер Брусс! Хорошая сегодня погода! — обратился он к нему по-русски.

Брусс побарабанил пальцами по пуговице жилета, сказал еще несколько слов и отошел.

— Не нравится мне этот тип! — сказал Ник.

— А кто он?

— Представитель «Стандарт ойл». Приехал «искать путей для сближения». Он очень интересуется нашими водяными установками, но мы его туда не пускаем... А теперь, когда этот мистер удалился, сядем в лодку и осмотрим наши «гидропромыслы».

Анка шла по айлантовой роще, направляясь в радиотеатр.

Один старый рабочий рассказывал как-то Анке историю этой рощи.

Айлант — удивительное дерево. Оно как будто создано для того, чтобы расти вблизи фабрик, заводов, нефтяных промыслов. В копоти, дыме, газовых испарениях дерево чувствует себя прекрасно. Великолепно сопротивляется ветру. И вот лет двадцать назад, когда «город ветров» Баку и другие нефтепромысловые города не были еще так забронированы асфальтом и благоухали нефтью, были вывезены из Китая айлантовые деревья. Они очищали воздух и прекрасно росли, словно питаясь копотью труб и жирными испарениями нефтеносной земли. Теперь эта роща «китайского ясеня» сделалась любимым местом прогулок.

Анка подошла к радиотеатру. Это обширное здание в восточном стиле, с двумя высокими «минаретами», между которыми протянута антенна.

Анка вошла в зрительный зал и уселась. Левки еще не было. Его место пустовало.

— Добрый вечер, Анка! — услышала девушка голос Ника. Он сидел позади нее со всей «интернациональной» компанией: немцем, румыном и венгерцем. Да и вся публика была интернациональная. Много европейских рабочих, китайцы, персы, индусы, афганцы, негры сидели с бакинскими рабочими и изъяснялись, забавно перемешивая свои и иностранные слова. Чаще всего слышался немецкий и русский язык.

Прежде чем большой белый экран ожил, раздались звуки увертюры. Лампы зала медленно погасли, и экран вдруг превратился, словно по волшебству, в сцену берлинского оперного театра.

Рабочее предместье Берлина. Ночь. Фонарь. Глазастый автомобиль выехал из-за угла. Сирена угрожающе воет. В автомобиле — щучманы с собачьими мордами противогозов. Толпа рабочих преграждает путь автомобилю. Хор...

Шла опера молодого немецкого композитора «Наш Октябрь». Иллюзия была полная. Зрители захвачены исполнением и оригинальной музыкой.

Вдруг зал всколыхнулся, словно электрический ток прошел по рядам. Удар грома, сопровождаемый протяжным гулом, потряс театр.

— Это уж слишком натурально, — сказал кто-то вполголоса.

Внезапно замолкли звуки, погас экран, вспыхнули будничные лампы. Чей-то голос сказал в наступившей тишине:

— Товарищи! Спектакль прекращается. На промыслах вспыхнул пожар!

Зрители спешно, но в полном порядке покинули зал.

Стволы айлантов четко, как нарисованные тушью, выделялись на ярком багровом фоне. Над вершинами деревьев виднелся пылающий

небосклон. Даже здесь было слышно, как хлопотала, шипела, гудела огненная стихия. В воздухе сильно пахло горячей нефтью.

Над промыслами стоял огненный столб, поднимающийся к самым облакам, которые стали багровыми. А вокруг огненной вершины багровели густые громады дыма. Это было страшно, как извержение гигантского кратера. Море на огромном пространстве стало багрово-красным.

До огня далеко, но жар уже на этом расстоянии был почти невыносим. А каково-то пожарным! Правда, они работают под зонтиками-душами, непрерывно окачивающими их водой. Но жар так велик, что вода превращается в пар на их прогретых костюмах.

Пущены в ход все стационарные насосы, подающие в резервуары кислотные и щелочные растворы с примесью лакрицы. Пеной тушат! Но невероятная температура и постоянные взрывы затрудняют работу.

С грохотом проезжают пожарные автомобили. На автомобилях пеногенераторные машины. Новоприбывшие быстро окружили огненный столб кольцом, и машины начали выбрасывать потоки пенной жидкости на высоту двадцати метров.

Огненный столб потускнел.

Новый страшный взрыв — и новое огненное

дерево с гулом, ревом, свистом, шипением выросло над промыслами.

Анка едва устояла на ногах, когда горячий воздушный вал обрушился на нее. Толпа отхлынула.

И вдруг, заглушая рев пожара, загремел, как гром, человеческий голос. Заговорил гигантский громкоговоритель с трехтысячекратным усилением. Этот чудовищный голос был слышен больше чем за тридцать километров. Вблизи громкоговорителя нельзя было стоять, он буквально потрясал колебаниями воздух.

— Товарищи! — гремел сверхчеловеческий голос. — Немедленно отправляйтесь каждый на свои фабрики и заводы. Там получите боевые приказы. Пожар вышел из обычных границ. Пожарным нужна ваша помощь.

Два раза прозвучал этот приказ. Но этого можно было и не делать: рабочие начали тотчас расходиться.

Анка отправилась в завком крекинг-завода. Там она узнала, что все склады пенообразующего порошка исчерпаны. Шесть грузовиков с порошками, прибывшие из старого Баку, несколько поправили положение, но оно еще остается очень напряженным. На химическом заводе, в двадцати километрах от нового Баку, идет лихорадочная работа по изготовлению порошка. Но рабочие химического завода не

справляются и просят помощи. Надо немедленно отправляться туда.

На заводе всю ночь шла лихорадочная работа. Каждый час приезжали порожние грузовики за порошком, и шоферы сообщали о пожаре. Был момент, когда угроза пожара повисла над всеми промыслами. Порошка не хватало. Но быстрая мобилизация рабочих спасла положение.

Последние известия на рассвете были утешительны: пожар утихал, хотя принес уже многомиллионные убытки и стоил нескольких человеческих жертв. Рабочие и пожарные победили огонь.

Рано утром, выходя из завода, Анка встретила с Ником.

— Моторная баржа взорвалась и сгорела, как предполагали, со всеми рабочими, находившимися на ней, — сказал он. — Но вот сейчас нашли моториста с баржи. Он порядочно обгорел, но остался в живых. Взрывом его сбросило в воду, и он еще имел силы доплыть до берега и лежал там без сознания до утра. Так вот. Теперь он пришел в себя и говорит, что пожар начался от огня в выхлопной трубе баржи. Вчера вечером, — продолжал Ник, — на баржу заходил этот мистер. Но он был на барже за час до пожара. Правда, странно, что вчера же вечером он улетел в Тегеран. Следствие все это выяснит.

Из путевого дневника Эдвина Брусса.

«Гостиница для туристов «Красная звезда». Ну, разумеется, «красная»! Разве здесь могут обойтись без красного? Здесь все красное. «Красный пахарь», «Красный печатник», даже «Красный колос».

Вверху, на плоской крыше гостиницы высоко укреплена огромная пятиконечная звезда, которая ночью горит ярким красным светом. Звезда служит маяком для аэропланов местного сообщения, садящихся прямо на крышу. С озера довольно красивый вид. Как бы далеко ни отъехать на лодке, красная звезда маячит в небе и отражается в воде. Красный огненный след протягивается через все озеро до самой лодки.

Гостиница стоит на самом берегу большого озера — Жемчужного озера. Оно рождено каптажем в голой степи. Спокойное, огромное зеркало неба, окруженное тенистыми рощами и красивыми белыми курортными виллами.

Наконец-то я могу отдохнуть и разобраться во впечат...

Вчера я недописал фразы. Мне сказали, что гидроплан отлетит в пять утра. Надо было собираться. И вот я продолжаю свой дневник уже в «городе нефти», новом Баку — цели моего путешествия. Вернее — конечной цели.

Конечная цель — нефть. Но хозяин поручил

мне попутно ознакомиться с каптажем. Хорошо сказать «попутно»! Ознакомление с каптажем надо начинать с Москвы, так как каптаж оказался даже в Москве.

По милости каптажа Москва стала портом. Даже можно сказать — морским портом. Благодаря сложным гидротехническим сооружениям Москва оказалась соединенной через Москву-реку, Оку и Волгу с Азовским, Черным и Каспийским морями. Глубоко сидящие суда с углем, хлебом, нефтью подходят почти к самым стенам Кремля. А на улицах Москвы можно теперь видеть матросов почти всех стран.

Из Москвы я отправился на юг. Из Москвы!.. Но и до Москвы у меня было одно незабываемое впечатление. Я летел в Москву через Сибирь и решил сделать остановку в Магнитогорске. О, эта Магнитная гора! Мне казалось, что она тяжестью всей своей руды придавила меня.

Здесь я получил первый удар, от которого не могу оправиться до сих пор.

Я летел над голой, выжженной солнцем степью. Уныло, безлюдно, мертво... «Здесь все осталось таким, как было тысячи лет назад», — думал я. «Тысячи лет. Тысячи лет застоя!» — смеялась душа моя.

Орел-стервятник погнался за аэропланом. Несколько минут я следил за птицей, а наша

стальная птица продолжала лететь быстрее орла. Случайно я посмотрел вниз, и то, что увидел, поразило так, что я тотчас забыл об орле.

Я не узнавал местности. Словно кто подменил ее. Мертвой степи больше не было. Мы летели над сплошным заводом, которому, даже с высоты аэроплана, казалось, — нет конца.

Словно вся степь превратилась вдруг в сплошной гигантский завод. Семьдесят квадратных километров, как узнал я потом. Это — площадь одного завода.

Магнитная гора оказалась не одна. Она состоит из шести горных кряжей, опоясывающих Магнитогорск с востока до запада. Эти шесть кряжей: Дальний, Узьянка, Ежовка, Атач, Ай-Дарлы и Сосновый — словно передовой отряд Уральского хребта. За Магнитной на севере виднеются пологие мертвые холмы. Далеко на горизонте синееет Уральский массив. Эти шесть кряжей — советские сундуки, наполненные великолепною рудой. Четыреста, может быть, пятьсот и больше миллионов тонн. Миллионы тонн еще не оформленных тракторов, машин, железнодорожных мостов. Прожорливые доменные печи, — я насчитал их восемь, — величайшие в мире, пожирают ежедневно по тысяче двести тонн руды. Эти великаны поглощают столько кислорода, что его хватило бы на дыхание миллиона человек. Почти семь милли-

онов тонн металла — такова продукция этих печей, этих восьми вавилонских башен. Шесть тысяч поездов в год едва успевают вывозить металл.

Семьдесят миллионов ведер воды выпивает один завод. В три с половиной раза больше Москвы. Железобетонная плотина на реке Урал — первая по длине в мире: целый километр — создана для того, чтобы направить речную воду в прожорливую пасть завода. Но ему того мало. Вторая плотина дает воды в пятнадцать раз больше, чем первая. И этого мало ненасытному Магнитогорску. Мало реки, — он выкачивает воду из озер, расположенных в двадцати-тридцати километрах. Плотины создают новые пруды и озера в десятки квадратных километров.

А город с его двухсоттысячным населением! Город, который, как Нью-Йорк, не знает ночи, потому что работа идет круглые сутки... Асфальт, электрическое освещение, трамваи, автомобили, автобусы, парки, цветники, скверы, огни клубов, общественных столовых и кафе, кинематографов и «универмагов»... Европа... Но на тротуарах здесь не увидишь разряженных дам и мужчин в котелках и цилиндрах. Город рабочих... Одни из них, в рабочих костюмах, идут на работу, другие отдыхают в парках, садах культуры и отдыха, все в опрятных, простых костюмах.

Еще одно ошеломляющее дорожное впечатление... Сталинградский тракторный завод. Собственно говоря, после Форда, сам завод не ошеломил бы так, если бы я не знал, чей это завод; кто создал его и в какой срок. Я стоял с часами в руках и наблюдал, как из ворот завода выезжали тракторы, чтобы взобраться на вагон-платформу и отправиться в путь на советские поля. Двадцать тракторов в час прошли мимо меня. Сто сорок тракторов в день. Пятьдесят тысяч в год. Это значит полтора миллиона лошадиных сил... А ведь Сталинградский — не единственный тракторный завод в СССР.

От Сталинграда идет новый канал прямо на юг, пересекает по пути канал Волго-Донской, соединяется с Тереком... Теперь можно проехать прямым водным путем из Москвы в Сталинград, Тифлис и дальше по Куре на юго-восток и по каналу, проведенному на осушенном дне морском, до Баку и в Каспийское море.

От Дона тоже проведены каналы по осушенному дну моря к восточной его оконечности. Из Астрахани — тоже канал, опять-таки через осушенную территорию, к морю. Вообще все осушенное дно пересечено большими и малыми каналами.

Попутно я осматривал большую гидростан-

цию у села Сестренки на острове Шишки. Надо признаться: грандиозное сооружение, которым впору было бы хвалиться и нам.

Высота падения — тридцать семь метров. Три тысячи кубических метров воды в секунду. Энергии — больше трех миллионов лошадиных сил, то есть в десять раз больше Днепровской.

Два мира! Здесь я почувствовал это особенно остро. Не только словом, но и показом дела они каждую минуту словно хотели вбить мне в голову острый гвоздь мысли: их мир — будущего, мой — прошлого, обреченного на слом...

Осмотрев электростанцию, я осмотрел совхоз имени товарища Михеева, названный так, если не ошибаюсь, в честь первого строителя каптажа.

До каптажа здесь атмосферных осадков было совсем мало, каких-нибудь двести пятьдесят миллиметров. А теперь на гектар приходится семьдесят тысяч ведер воды в год, что равняется как бы тысяче двумстам миллиметров атмосферных осадков. Отбросьте на сток и все-таки получите не менее девятисот. Это вместо двухсот пятидесяти-то! Да и настоящих небесных атмосферных осадков у нас стало выпадать куда больше с тех пор, как насадили здесь леса. Леса-то ведь задерживают облака!

Часть своих атмосферных осадков они даже «одалживают» в Средней Азии. Там большая сеть электростанций искусственного дождевания.

Я летел на гидроплане из Шаумянска в Новый Баку.

Под самолетом проходила флотилия огромных судов. Можно было подумать, что флот великой морской державы выходит на маневры. Но это были лишь рыболовные суда, сделанные по последнему слову новейшей рыболовной техники.

Ровная линия судов медленно загибалась в полукруг. Да, с таким флотом и с такими мощными орудиями лова можно «вычерпать море».

В Новом Баку меня более всего интересовали новые гидронефтяные установки. Но мне не удалось осмотреть их, вернее — меня не допустили, это очевидно... Со мной предпочитали говорить о погоде, пока я не принужден был уйти. А между тем трое иностранных «товарищей» — я сам видел — после моего ухода отправились туда в сопровождении бакинца.

И причиной всему — каптаж. Я не видел всего СССР. Видел только один каптаж с его производными. И вот я стал одним из этих производных. Каптаж раздавил меня морально и идейно. Но я сделаю то, что мне поручил хозяин. Их нефть нам мешает. Ее нужно уничтожить...

Приписка через несколько недель. Не удалось. Миллионы строителей непобедимы».

ЗАМОК ВЕДЬМ



1. Беглец

В Судетах с юга на север тянутся кристаллические Регорнские горы с широкими закругленными верхами, поросшими хвойным лесом. Среди этих гор, находящихся почти в центре Европы, есть такие глухие уголки, куда не доносятся даже раскаты грома мировых событий. Как величественные колонны готического храма, поднимаются к темным зеленым сводам стволы сосен. Их кроны так густы, что даже в яркий летний день в этих горных лесах стоит зеленый полумрак, только кое-где пробиваемый узким золотистым лучом солнца. Земля устлана таким толстым ковром сосновых игл, что нога здесь ступает совершенно бесшумно. Ни травинка, ни цветок не могут пробиться сквозь этот толстый слой. Не растут в таких местах грибы и ягоды. Мало и лесных обитателей. Изредка, пролетая, отдохнет на суку молчаливый ворон. А нет грибов, ягод,

птиц, зверей — не заглядывают сюда и люди. Только лесные поляны да болота, как оазисы, оживляют мрачно-величественное однообразие леса. Горный ветер шумит хвоей, наполняя лес унылой мелодией. Ниже, у подножия гор, в деревнях живут люди, работают на лесопильнях и в шахтах, занимаются скудным сельским хозяйством. Но сюда, на высоту, не заходят даже бедняки за хворостом: тяжел путь и длинна дорога.

И старый лесник Мориц Вельтман сам не знает, что и от кого он сторожит.

— Ведьм в старом замке охраняю, — говорит он иногда с усмешкой своей старухе Берте, — вот и вся работа.

Окрестное население избегало посещать участки леса у вершины горы, на которой стояли развалины старого замка. Одна из его башен еще хорошо сохранилась, но и она давно была необитаема. С этим замком, как водится, были связаны легенды, переходившие из поколения в поколение. Население окрестных деревень этого глухого края было уверено в том, что в развалинах старого замка живут ведьмы, привидения, упыри, вурдалаки и прочая нечисть. Редкие смельчаки, решавшиеся приблизиться к замку, или заблудившиеся путники, случайно набредавшие на замок, уверяли, что они видели мелькавшие в окнах тени и слышали душераздирающие вопли невинных младенцев, которых

похищали и убивали ведьмы для своих колдовских целей. Некоторые даже уверяли, что видели этих ведьм, пробежавших через лес к замку в образе белых волчиц с окровавленной пастью. Всем этим рассказам слепо верили. И крестьяне старались держаться как можно дальше от страшного, нечистого места. Но старый Мориц, повидавший свет прежде, чем судьба забросила его в этот дикий уголок, не верил басням, не боялся ведьм и бесстрашно проходил мимо замка во время лесных обходов. Мориц хорошо знал, что ночами кричат не дети, которых режут страшные ведьмы, а совы; привидений же создает пугливо настроенное воображение из игры светотеней лунных лучей. Берта не очень доверяла объяснениям Морица и побаивалась за него, но он только смеялся над ее страхами.

Был еще один человек, который не имел никакого почтения к ведьмам старого замка, — чешский юноша Иосиф Ганка. Когда немцы захватили Судеты, он был отправлен ими в трудовой лагерь. Ганка бежал из лагеря, несколько дней скитался в горах и нашел временный приют в сохранившейся башне Замка ведьм. Зная суеверный ужас окрестного населения к этому месту, он чувствовал себя здесь в относительной безопасности. Голод заставлял его бродить по лесу в поисках пищи, но лес не мог прокормить его, и силы юноши падали.

Однажды, когда он отдыхал у болота, уже совершенно истощенный, на него набрел Мориц Вельтман. Старый лесник сурово спросил юношу, кто он и что здесь делает. Иосиф посмотрел на лесника и решил, что этот старик совсем не злой, хотя и обратился к нему таким суровым тоном. И Ганка, поколебавшись немного, решил рассказать свою несложную историю.

Выслушав этот откровенный рассказ, лесник задумался. Ганка не ошибся: у старого Морица было доброе сердце.

— Что же тебе здесь пропадать? — наконец сказал Мориц. — Пойдем со мной. У моей старухи найдется и для тебя кусок хлеба.

Это было сказано уже таким ласково-отеческим тоном, что Ганка без колебаний поплелся за Морицем.

Вельтманы жили одиноко в своем домике. Их сын умер в детстве, а дочь работала на фабрике в Брно. Старая Берта радушно приняла Ганку. Так Иосиф неожиданно стал членом семьи Вельтманов.

Берта заботилась о нем как о родном сыне, со слезами и негодованием слушала рассказы Иосифа о его жизни в трудовом лагере, о жестокости новых хозяев. Иосиф чувствовал бы себя совсем счастливым у этих простых и добрых людей, если бы не мысль, что он обременяет их, урывая кусок от скудного стола. Правда, он помогал Берте в ее несложном хозяйстве, но

этого ему казалось мало. И иногда он выбирался в лес, чтобы пополнить на зиму запас топлива из хвороста и бурелома. Опасаясь за него, Берта уговаривала Иосифа не отлучаться от дома. Он обещал ей не спускаться с гор к людям и не приближаться к страшному замку. Последнее обещание он, впрочем, не исполнял строго.

Так однажды шел он уже поздно вечером мимо развалин со связкою хвороста. В лесу почти стемнело, но на поляне, окружающей замок, еще стоял рассеянный свет. Темными причудливыми массами поднимались развалины. Четким силуэтом рисовалась в небе уцелевшая башня. Иосиф рассеянно глянул на эту высокую круглую башню и едва не вскрикнул от удивления.

2. Загадочные обитатели

В узком окне башни Иосиф увидел слабый свет и мелькнувшую тень. Ганка не верил в привидения, и все же он почувствовал, как холодок прошел по его спине. Свет и чья-то тень промелькнули в соседнем окне. В башне кто-то ходил со свечой или лампой. Юноша невольно отступил в чашу, где было уже совсем темно, и продолжал наблюдать. Вскоре он заметил тонкий голубой дымок, поднимающийся над

крышей башни. «Ведьмы варят свое волшебное зелье», — сказал бы суеверный крестьянин. Но Ганку вид этого дымка успокоил. Конечно, в башне поселились люди, и они готовят себе ужин. Но кто они? Браконьеры? Здесь плохие места для охоты. Контрабандисты? Граница далеко. Быть может, такие же беглецы, как и он? Это было правдоподобнее всего.

Ганка решил не говорить Берте о своем открытии, чтобы не волновать ее. Но Морицу необходимо сказать. Лесной сторож должен знать, что делается на его участке.

Подходя к дому, Ганка встретил Вельтмана с ружьем за плечом и собакой, всегда сопровождавшей его в обходах.

— Сегодня ночью я наблюдаю за башней, — сказал Вельтман, — а завтра утром отправлюсь в замок. Я должен знать, кто там поселился.

Ганка предложил сопровождать его, но Мориц не разрешил.

— Позволь мне быть хоть на опушке леса, недалеко от тебя, чтобы прийти на помощь, если она понадобится, — просил Ганка. На это Мориц согласился.

— Но выходи только при крайней необходимости.

На другой день рано утром Ганка уже стоял на своем сторожевом посту, следя за Морицем, который уверенно шагал через по-

ляну к круглой башне. Мориц рассказал, что ночь прошла тихо. Не кричали даже совы, почувывшие присутствие людей. До часа ночи мелькал свет в окнах, потом погас и все утихло. Какая встреча ожидает Морица?

Старый лесник скрылся за развалинами стены, примыкавшей к круглой башне.

Через несколько минут Вельтман вернулся и рассказал обо всем, что удалось узнать. На стук лесника в дверь, которая оказалась уже починенной, вышел старый слуга. Вельтман объяснил, кто он и зачем пришел. Слуга буркнул: «Подождите», — и захлопнул дверь. Скоро явился снова и протянул Вельтману записку. Вельтман узнал почерк хозяина — Брока, которому принадлежали окрестные леса и рудники. Брок удостоверял, что жильцы в замке поселились с его разрешения. Требовал не беспокоить их и не чинить никаких препятствий их действиям.

Записка эта, очевидно, была припасена новыми жильцами заблаговременно. Кто они, зачем поселились, Брок не считал нужным сообщать.

— Я сделал свое дело, — говорил Мориц, возвращаясь с Иосифом домой. — Господин Брок приказывает, чтобы я не беспокоил жильцов. Очень мне нужно их беспокоить. Пусть живут, как хотят. Но что значит «не чинить препятствий»?

— Очевидно, им здесь предоставляется полная свобода действий: охотиться, рубить лес или делать другое, что в голову взбредет, — заметил Ганка.

— Все это странно, — сказал Вельтман. — Ну, да наше дело слушаться и не рассуждать. Прошло еще несколько дней.

Вельтман делал вид, что не замечает замка. Однако, проходя мимо, он следил за круглой башней. Ганка из глубины леса также нередко наблюдал за тем, что делается в старом замке.

Его обитатели вели замкнутый образ жизни: никто не приходил в замок, никто не выходил оттуда. Только один раз, на заре, Вельтман заметил, как к замку подлетел небольшой бесхвостый аэроплан, похожий на летучую мышь, снизился где-то на дворе между развалинами, через несколько минут поднялся и, сделав зигзаг, скрылся за лесом. А Ганка заметил на крыше башни какие-то провода, сетки, которых раньше не было.

На другой день после того, как на крыше башни появились таинственные установки, Ганка стал свидетелем необычайного явления.

Все загадочное привлекает внимание людей. Это любопытство проистекает отчасти из чувства самосохранения: непонятное может грозить нам неприятными неожиданностями. Кроме того, жизнь Ганки была очень однообразна. Не мудрено, что замок возбуждал в нем жи-

вейший интерес, и Ганка целыми часами наблюдал за ним, скрываясь в чаще леса.

Так и на этот раз он стоял на своем наблюдательном посту. Была темная, теплая, тихая летняя ночь. В двух окнах круглой башни, как всегда, светился огонек. Но сегодня он был довольно яркий, белый. Обитатели замка, видимо, обзавелись электрическим освещением. Темным провалом зияло отверстие большого окна под самой крышей башни. В этом окне не было рамы. Наверно, оно выходило из нежилой комнаты. Однако именно это темное окно привлекло внимание Иосифа. Его обострившийся слух улавливал какие-то звуки, исходящие как будто именно из этого окна... Чей-то приглушенный голос... Неясный шум, потрескивание, жужжание... И вдруг в окне показался ослепительно яркий огненный шар величиною с крупное яблоко. Как при свете молнии, ярко озарились стволы сосен. Шар пролетел в отверстие окна и остановился в воздухе, как бы в нерешительности, куда направить путь. Потом медленно двинулся вперед от башни по прямой, пролетел несколько десятков метров и начал поворачивать вправо, все ускоряя движение по направлению к одиноко стоящей старой сосне. Вот шар совсем близко подлетел к дереву, скользнул по суку, расщепив его, и с оглушительным треском вошел в ствол. Сосна раскололась и тотчас запылала, окру-

женная дымом и паром. Из окна на башне раздался торжествующий крик, и показалась голова старика со взлохмаченными седыми волосами, освещенная красным пламенем горящей сосны.

«Так вот каковы они, обитатели замка! — подумал Ганка. — Опасные люди. Они могут убить проходящего мимо человека, сжечь лес. А Брок в своей записке Морицу приказал «не чинить препятствий». Станный приказ, странные люди, странные занятия...»

Ганка рассказал Морицу, что видел. Старый лесник покачал головой и ответил:

— Дело хозяйское. Но нам с тобой, действительно, лучше держаться подальше от этого проклятого замка. Поистине в нем поселились недобрые духи... Эти люди, наверно, делают какие-то опыты, которые требуют полной тайны. И лучшего места, конечно, не найти. Моей Берте не говорил? И не говори ничего. Не надо волновать старуху.

3. Встреча в лесу

Шумели вершины сосен. Но в лесу, как всегда, воздух, насыщенный запахом хвои, был недвижим. Ганка шел к освещенной солнцем заболоченной поляне. Ему слышались женские голоса. Это было необычно: Замок ведьм

был недалеко, и сюда не ходили люди. Ганка пошел быстрее, стараясь, однако, скрываться за стволами.

Возле сломанной бурей сосны Ганка увидел двух женщин: старуху в сером платье и молодую девушку в черном. Старуха сидела на земле и стонала. Девушка пыталась поднять ее. Возле них валялась корзина. По одежде Ганка понял, что это не крестьянки. Но откуда здесь могли появиться горожане? Рассуждать было некогда. Старая женщина нуждалась в помощи, а молодая казалась такой хрупкой. Ганка, не думая о себе, поспешил к женщинам.

— Вы больны? Вам не нужна моя помощь? — обратился он к старухе на чешском языке. Обе женщины с недоумением посмотрели на него. Ганка повторил свой вопрос по-немецки, в то же время внимательно разглядывая женщин. Седая старуха, с крючковатым носом, беззубым ртом и выдающимся подбородком, была страшна, как ведьма. Зато молодая девушка показалась Ганке похожей на сказочную принцессу, над которой тяготеют злые чары. Черное платье оттеняло бледность ее юного печального лица.

— Когда человек покалечил ногу, конечно, ему нужна помощь, — неласково прошамкала старуха.

— Я помогу вам! — Иосиф легко приподнял

старуху и, поддерживая ее под руку, спросил: — Куда отвести вас?

— Ох, — простонала старуха, сильно опираясь на руку Ганки. — Куда? Домой, конечно, в замок.

«Действительно, — подумал Ганка, — где же такой колдунье и жить, как не в Замке ведьм?»

Когда они вышли на поляну перед замком, Ганка увидел в окне башни голову старика, того самого, который выглядывал из окна в тот вечер, когда огненный шар разбил сосну. Лицо старика было озабочено. Вероятно, его волновало долгое отсутствие женщин. Старик скрылся. Скоро из замка вышел другой человек, в синем фартуке. Он молча взял старуху за руку, отстранив Ганку.

— Большое вам спасибо! — поблагодарила девушка.

Ганка, проводив ее взглядом, отправился разыскивать Морица, чтобы рассказать ему о встрече.

— Как бы это не навлекло бед на твою голову, — сказал старый лесник.

С этого дня лес и старый замок приобрели для Ганки новый интерес. Он с еще большим вниманием стал следить за башней. Несколько раз, поздно вечером и ночью, ему приходилось видеть вылетавшие из окна огненные шары. Иногда они разрывались в воздухе, иногда улетали куда-то далеко за вершины леса, иногда с

сильным треском ударялись в землю и очень редко долетали до опушки леса и разбивали деревья, как удар молнии. По-видимому, к этому и стремился старик, выпускающий шаровидные молнии, но они плохо слушались его и лишь изредка достигали цели. Впрочем, однажды шаровидная молния так удачно попала в цель, что едва не возник лесной пожар. Однако этот опасный фейерверк внезапно прекратился.

Бродя по лесу, Иосиф жил надеждой еще раз встретить печальную девушку в черном платье, хотя сам перед собою и не признавался в этом. Может быть, эта девушка в самом деле, как в сказке, находится во власти злых сил и ждет своего освободителя.

И надежды Ганки сбылись: через несколько дней он снова повстречал в лесу девушку и старуху.

Девушка улыбнулась ему, как знакомому, и даже безобразная старуха выжала подобие улыбки на своем морщинистом лице. Они разговорились.

Старуху звали Марта. Она начала расспрашивать Иосифа, кто он, где живет. Ганка из осторожности сказал, что он сын местного лесного сторожа.

Старуха прищурилась. Видно было, что она не очень доверяет словам Ганки.

— И что же ты здесь делаешь? Бродишь да

слушаешь, как лес шумит? Не много работы для такого бравого человека, — сказала она.

— Сейчас в городе нелегко найти работу, — уклончиво ответил Иосиф.

— Работа найдется везде и всегда, если только кому судьба ворожит. А ты, я вижу, родился в рубашке, — возразила старуха. — Да вот, к слову сказать, нам в замке человек нужен. Такой, как ты, — молодой, расторопный. Почему бы тебе не поступить к нам и работать, вместо того чтобы без дела по лесу слоняться? Я ведь все вижу. Не смотри, что я старуха. У меня глаза рысьи. — И она хитро прищурилась, как будто видела Иосифа насквозь.

Слова старухи, ее неожиданное предложение смутили Ганку. Он молча стоял, потупив голову.

— Что же ты молчишь? — не унималась старуха. Она положила свою иссохшую руку с крючковатыми пальцами на плечо Ганки и, заглядывая ему в глаза, сказала приглушенным голосом, как говорят заговорщики: — Не бойся. Ничего не бойся. Мы народ не любопытный. Будешь хорошо работать, еще и тебя защитим, если понадобится. И платой останешься доволен. Не сидеть же такому верзиле всю жизнь на чужой шее!

Ганка даже вздрогнул. Эта старая Марта или очень хитрая и догадливая женщина, или же она какими-то путями узнала про него.

В том и другом случае отказ только повредит ему. И потом, он в самом деле тяготился своим положением. Нельзя же без конца пользоваться гостеприимством Вельтманов!

И все же Ганка не мог решиться. Он поднял голову и с вопросом посмотрел на девушку, желая найти ответ в ее глазах. Эти васильковые глаза смотрели на него грустно, сосредоточенно и как будто озабоченно.

«Она не хочет брать на себя ответственность, но, кажется, ей не будет неприятно, если я дам согласие», — так объяснил себе Иосиф немой ответ девушки.

А старуха словно читала его мысли. Кивнув головой на девушку, сказал:

— И Нора меньше будет скучать.

— Мне надо подумать, — нерешительно ответил Ганка.

— Пожалуй, подумай, — сказала Марта, улыбаясь беззубым ртом. — Завтра в полдень мы будем поджидать тебя на этом месте.

4. Решительный шаг

— Чувствовало мое сердце, что эта встреча в лесу к добру не приведет, — сказал Вельтман, покачивая головой.

Собака весело бежала к дому, за ней шагал Вельтман и рядом с ним Ганка, встретивший лесника.

— Ничего плохого еще не случилось, — возразил Ганка, хотя у него самого было тревожно на душе. Он понимал, что это не простые хозяева, нанимающие домашнего слугу, что он может попасть в тяжелую зависимость, равную лишению свободы. И еще кто знает, какие опасности могут ожидать его в старом замке?

— А я думаю, — продолжал Вельтман, — что тебе лучше всего бежать подальше. Мне и моей старухе, конечно, будет жалко расставаться с тобой. Мы привыкли к тебе, Иосиф, полюбили... Но легче перенести разлуку, чем гибель.

— Уж и гибель! Ты сегодня каркаешь, как старый ворон, мой добрый Мориц.

— Старый ворон каркает потому, что видел на своем веку больше, чем птенцы желторотые, — наставительно заметил Мориц.

— Но и мы, желторотые, тоже кое-что видели, чего и старым воронам видеть не приходилось. Ты говоришь, бежать. А куда бежать? Ты вот знаешь свой участок, а об остальном мире знаешь только по слухам да старым газетам. Я же сам видел, на себе испытал. Ты не представляешь, во что превратилась наша страна. Бежать! Куда? К черту в лапы — в Герма-

нию? В Словакию? Удав крепко сжал нас со всех сторон. А где есть еще лазейки, там усиленная охрана. Тысячи двуногих псов гонятся по всей стране за такую вот дичью, как я. Не успею я отойти двух десятков километров от дома, эти ищейки нападут на мой след.

— Что же ты решил?

— Я пойду завтра в замок, узнаю, что за люди, какая работа. Не посадят же они меня сразу на цепь. Можно поработать несколько дней. Если не полажу с ними, сбегу.

Вельтман молча кивнул головой в знак согласия.

В эту ночь Ганка плохо спал, а рано утром отправился в замок. Вельтман ждал его весь день. Вечером, когда Иосиф не пришел к ужину, заволновалась старая Берта. Мориц успокаивал ее как мог. Говорил, что Ганка отправился искать работу. Он познакомился с угольщиками и...

— Он говорил, что ему тяжело сидеть на нашей шее.

Берта хотела возразить, но только махнула рукой: она была слишком огорчена.

Сам Мориц не мог дождаться утра. Он поднялся еще до света, побродил по лесу, а с первыми лучами солнца подошел к замку. Он начал стучать сначала кулаком, а потом прикладом ружья в дубовую дверь.

Наконец открылось небольшое окошко в двери, и в нем показалось лицо седого слуги.

— Я хотел узнать... о молодом человеке, который поступил на работу. Это мой родственник.

— Я уже передал вам приказ господина Брока не беспокоить господ, живущих в замке. Если вы еще раз осмелитесь явиться сюда, вам в тот же день придется забирать свои пожитки и убираться из этого леса.

Окошко захлопнулось.

До самого вечера лесник не спускал глаз с башни, надеясь увидеть Ганку, но в окнах башни было темно и никто не показывался. Мориц уже хотел идти домой, когда его собака насторожилась и бросилась к сосне, стоявшей на опушке леса. Специально дрессированная для сторожевой службы, собака не лаяла и не производила ни малейшего шума. Вельтман внимательно следил за нею. Она что-то схватила зубами, прибежала к нему и, махнув хвостом, положила к его ногам небольшой кусок кирпича, завернутый в бумажку. Мориц развернул измятую бумажку и прочитал наспех набросанные строки: «Работа нетрудная. Жизнь сносная. Но условие — никуда не выходить. Постараюсь бросить записку, когда замечу тебя в лесу, Ганка».

5. Новый слуга

Когда Ганка пришел к башне и постучал, Марта открыла двери, кивнула головой, сказала: «Вот ты и пришел», — таким тоном, будто она и не сомневалась, что он придет, и провела Ганку узким коридором в кухню.

Иосиф с трудом узнал ту комнату, в которой он прожил несколько дней после бегства из лагеря. Тогда это была запущенная, полуразрушенная комната с зияющими отверстиями окон без рам, с выбитым, выщербленным каменным полом, с грудями мусора. Теперь мусор был убран, дыры и трещины замазаны, стены и потолок выбелены, рамы вставлены. По сторонам большого очага виднелись полки с блестящей медной и алюминиевой посудой. Скамьи и кухонный стол блистали белой эмалевой краской.

— Садись, — Марта показала Ганке на скамью. — Сейчас я доложу о тебе, — и вышла.

Ганка не сел. Он с удивлением оглядывал комнату. Конечно, обитатели замка не могли сами так отремонтировать и обставить новое жилище. Но кто же и когда им помогал? Когда и как привозили материалы, мебель, хозяйственный скраб?

Низкая дверь открылась, и показалась фигура старика, которого Ганка уже видел в окне

в ту памятную ночь. Старик совсем не выглядел миллионером. На нем был довольно старенький джемпер и брюки, к которым давно не прикасался утюг. Потом старик скрылся, и вместо него появился другой старик, в синем фартуке. Он объявил, что Иосиф Ганка принят на работу. Размер вознаграждения будет определен после недельного испытания.

— Не обидим. Главное — точное исполнение приказаний. Пока будете работать на кухне — помогать Марте. Предупреждаю: за стены замка ни шагу, если не хотите нажить... больших неприятностей... Можно сказать и прямо: если не хотите снова попасть в лагерь!..

Старик в синем фартуке ушел. Иосиф стоял посреди кухни, опустив голову. Значит, они все знают! Он в их руках, их пленник...

Так произошло вступление Ганки в должность помощника старой Марты.

У Ганки был уже опыт домашней работы. Ведь он помогал жене лесника Берте. Марта удивлялась его догадливости и расторопности и была вполне им довольна. Постепенно она становилась добрее и откровеннее. Иосиф узнал, что хозяин-старик — Оскар Губерман, ученый, профессор, вдовец. Марта знала Элеонору совсем еще крошкой. До переезда сюда жили в Шутгарте, в хорошем особняке, на Гогенгеймской улице. Доктор Губерман преподавал

в политехникуме. У Норы был жених, молодой ученый Карл Фрей, помощник Губермана. Фрей занимался какими-то опасными опытами в лаборатории, которая стояла на пустыре в окрестностях Штутгарта. И вот... — на этом месте рассказа Марта начала подбирать слова и делать паузы, как бы опасаясь сказать лишнее, — и вот случилось несчастье. В лаборатории произошел взрыв. Фрей погиб. Эта смерть накануне свадьбы потрясла Нору. Она слегла, долго болела, едва поправилась, но тоска не оставляет ее. Вскоре после этого они перебрались сюда. Опыты продолжает сам доктор Оскар Губерман. Но у него, видно, не все ладится.

Через несколько дней Ганка получил повышение. Старый Ганс Шмидт объявил Иосифу:

— С сегодняшнего дня вы будете помогать мне убирать жилые комнаты.

— А дрова и воду ты мне по-прежнему будешь приносить, сынок, — сказала Марта.

Ганка, по-видимому, выдержал и этот экзамен, так как через несколько дней получил новое повышение: был допущен к уборке лаборатории, которая так интересовала его.

Но тут случилось одно происшествие, которое имело влияние на дальнейшие события и, быть может, сохранило жизнь Ганке.

6. Горе старой Марты

Иосиф начал замечать, что Марта чем-то очень обеспокоена. Она стала рассеянна, раздражительна, часто куда-то уходила.

— У вас какая-то неприятность, тетушка Марта? — однажды спросил ее Ганка. — Может быть, я смогу помочь вам?

— Что ж, помоги, сынок, — ответила Марта. — Сбрось мне с плеч лет сорок, с остальным я тогда и сама справлюсь. — Она замолчала. Но на другой день к вечеру не выдержала и рассказала о своей беде. Всю свою долгую жизнь она копила деньги, чтобы иметь сбережения, когда окажется нетрудоспособной. Деньги она хранила в заветном сундучке под кроватью. Сундучок, плоды величайшей экономии, она привезла с собой в замок. Но когда она увидела, какими опасными опытами занимается старый хозяин, ее охватило беспокойство: вдруг случится пожар или взрыв, некогда погубивший Фрея и не оставивший от здания камня на камне, и ее сундучок погибнет!

Марта начала искать безопасный уголок для своих сокровищ. Довольно далеко от круглой башни ей удалось найти подземный ход с целыми лабиринтами боковых ходов. В одном из них она отыскала высохший колодец. Это место ей показалось подходящим. На крепкой пеньковой веревке Марта опустила сундучок на дно

колодца, придавив камнем конец веревки. Время от времени с фонарем в руках Марта пробиралась ночью в подземелье, чтобы убедиться в целостности своего сокровища. Но однажды, проходя по узкому подземному коридору, она вскрикнула и остановилась: старые стены свода на том месте, где просачивалась вода, не выдержали и обвалились, засыпав ход. Марта пыталась раскопать завал, но сама едва не погибла от земли и кирпичей, которые начали падать сверху, еще более засыпая проход.

Работа явно превышала ее силы. Обратиться за помощью к господам Марта боялась. Она мучилась несколько дней и ночей. И когда уже совершенно изнемогла, решила все рассказать Иосифу. Только от него могла она ждать помощи.

В ту же ночь Ганка отправился с ней в подземелье. Выходить из круглой башни ему было запрещено, но ключ от дверного замка хранился у Марты. Несколько ночей, как заговорщики, Марта и Ганка выходили на работу. И настал день, вернее, ночь, когда путь был расчищен и Марта вновь обрела свое сокровище.

Марта вознаградила Ганку тем, что для него было дороже всего, — своим доверием и откровенностью.

Старуха рассказала ему, что профессор Оскар Губерман — страшный и опасный человек. Когда он жил в Штутгарте, к нему приезжали

фашистские генералы, а два раза вызывал его к себе даже сам фюрер. И Губерман очень гордился этими поездками. Марта кое-что случайно подслушала, и у нее зародилось подозрение, что взрыв в лаборатории и гибель Фрея были устроены фашистами и Губерман в этом участвовал, по крайней мере, знал об этом.

— Тебе тоже нужно опасаться доктора Губермана, сынок.

Скоро Марта открыла Ганке новую тайну.

В этот замок они приехали не прямо из Штутгарта. Вначале они жили в пустынной местности в Тироле, тоже в лесу, в горах, в одиноком доме. Там Губерман начал делать свои опасные опыты с огненными шарами. У него был слуга, такой же юноша, как Ганка. Губерман заставлял его включать машину, а сам стоял поодаль. Однажды огненный шар убил юношу. На место погибшего наняли другого. Но и тот погиб таким же образом. Оскар Губерман приказал Марте и Гансу распространить слух среди окрестного населения через поставщиков, которые приносили на дом продукты, что молодые люди оказались ворами, обокрали их и бежали. Но в этом месте уже неудобно было оставаться и нанимать других людей, и Губерман перебрался в этот старый замок.

— Услуга за услугу, — сказала Марта. — Я тебе открыла великую тайну и даю тебе

совет, который, быть может, спасет тебе жизнь. Ты можешь убирать в лаборатории. Но если Губерман заставит тебя включить ток возле аппарата, который, как медный змей, кольцами поднимается под потолок, не делай этого, отказывайся, если жизнь тебе дорога.

7. Бунт

Иосиф Ганка занимался уборкой лаборатории рано утром, когда все аппараты были выключены.

Лаборатория занимала весь верхний этаж круглой башни и представляла собой огромную круглую комнату с высоким потолком. В глубине лаборатории, против окна, помещался импульсный генератор на несколько миллионов вольт. Как ни высок был потолок, пришлось в нем сделать отверстие для медной трубки, спиралью поднимавшейся высоко вверх. Огромные медные шары, больше метра в диаметре, служили разрядниками. У стены, на одинаковом расстоянии от окна и генератора, находился пульт управления: высокий помост с перилами, на который вела легкая винтовая лестница. Помост был огражден от ударов молнии многочисленными остриями громоотводов.

Однажды Губерман предложил Ганке присутствовать при опыте. «Присутствовать буду,

но замыкать ток рубильником возле генератора откажусь», — решил Ганка, помня совет Марты.

Однако, к его удивлению, Губерман повел его с собой на помост и там на распределительной доске сам замкнул ток. Быть может, он просто перенес место включения?

Ганке стало жутко, когда аппарат заработал. Начали вспыхивать электрические лампочки, дрожали и гудели металлические предметы, на острых углах и остриях появлялись огоньки... Мощный разряд потряс старую башню. Молния пробила расстояние между шарами. Но это была не шаровая молния. Губерман выключил ток. Однако на трубах генератора еще оставалось электричество. Губерман сошел со своего мостика, вооружился разрядником — длинной палкой с металлическими развилками — и издали начал снимать остаточное электричество, тыкая концами развилки в генератор, как в пасть зверя. И, подобно зверю, генератор отвечал на каждое движение Губермана сердитым потрескиванием, точно щелкал пастью.

— Вот и все, — сказал Губерман, когда аппарат был окончательно разряжен. — Ничего опасного, хотя без привычки, наверно, показалось страшным?

Но, как Ганка и предполагал, это совсем не было «все». Губерман для начала показал Ганке наиболее простое и наименее опасное —

простой разряд. «Посмотрим, когда дело дойдет до осаживания шаровой молнии!» И ждать этого пришлось недолго.

— Я покажу тебе интересный опыт, — сказал Губерман. — Искусственное изготовление самой настоящей шаровой молнии.

— А для чего ее изготовлять? — с видом наивного простака спросил Ганка.

— Для того чтобы постигать тайны природы, — ответил Губерман.

И он взялся за подготовку опыта, попутно давая Ганке кое-какие объяснения.

— Сейчас мы изготовим такое огненное яблочко, в котором заключена сила тока в сотню тысяч ампер и напряжение в несколько миллионов вольт!

— Но где же генераторы? Электростанции? — спросил Ганка.

— А! Ты кое-что смыслишь в электричестве, — отозвался Губерман. — Наша электростанция помещается на чердаке. А генераторы? Генератором служит само небо! — И Губерман трескуче засмеялся. Ганка немного обиделся. Зачем Губерман потешается над ним? Как ни мало Ганка знает, ему все же понятно, что небо не может быть генератором.

А Губерман продолжал свои приготовления. Он открывал краны, из которых с шипением вырывался какой-то газ или пар. И бормотал:

— Это не шутка, получить шаровую молнию.

Разряд происходит между проводниками. Впрочем, в этом ты ничего не понимаешь. В воздухе необходимо присутствие водяного пара и окисей азота... Впрочем, для тебя это китайская грамота... Шаровая молния капризна и своевольна. Бывали случаи, когда она проходила между телом и нижним бельем человека, не причиняя вреда, а бывали и такие, когда убивала наповал. Она появлялась из печки и улетала в форточку. А иногда разрывалась в доме, сжигая и дом и обитателей. С ней надо держать ухо востро. Вот и готово. Теперь слушай внимательно. Ты станешь вот в этой нише. Здесь безопасно. В нише распределительный щит. Каждый рычаг имеет номер. Очень просто. Я займу место на мостках верхнего пульта управления. Включу установку. Шаровая молния появится вот здесь. Она должна выйти на середину лаборатории. Я стану называть тебе номера, и ты будешь поворачивать соответствующую ручку. И мы прямехонько направим молнию в окно. Понял?

— Понял.

— Становись в нишу.

— В нишу я не стану, господин профессор, и трогать рубильники не буду, — решительно ответил Ганка.

— То есть как это не будешь? — с удивлением спросил Губерман. — Почему?

«Как объяснить Губерману, не выдавая Мар-

ты?» — подумал Ганка и тотчас ответил тоном простака:

— Потому что я трус, господин профессор. Я боюсь шаровой молнии. У меня и сейчас уже руки и ноги трясутся.

Такая откровенность несколько успокоила Губермана. Он даже улыбнулся и сказал:

— Вот не думал, что такой бравый парень может быть трусом. Стыдно, Ганка! Страхи твои неосновательны. Шаровая молния — безопасная вещь. Совершенно безопасная, уверяю тебя!

Ганка отрицательно покачал головой.

— Ты мне не веришь? — спросил Губерман.

— Вы же сами говорили, господин профессор, что шаровая молния капризна и своенравна.

Губерман рассердился. Он не ожидал, что «этот чешский увалень», как называл он Ганку за глаза, умеет запоминать, делать выводы и возражать, пользуясь его же, Губермана, словами.

— Вот осел! Ты, значит, ничего не понял. Ведь я говорил о естественной шаровой молнии, а это искусственная...

— Однако силою тока в сотню тысяч ампер, — сказал Ганка, — и в миллионы вольт напряжения.

— Но ведь мы управляем ею! — воскликнул Губерман.

— Еще не очень-то успешно, — возразил Ганка и прикусил губу — кажется, он сказал лишнее.

Губерман насторожился. Его темные брови собрались у переносицы.

— Откуда ты можешь об этом знать?

— Я собственными глазами видал ваши шаровые молнии, когда бродил по лесу, — ответил Ганка. — Не нужно много сообразительности, чтобы понять, что они чаще всего летели туда, куда им, а не вам хотелось.

Взбешенный профессор бросился к лесенке, ведущей к главному пульту управления, захлопнул за собою дверь, чтобы Ганка не последовал за ним в это безопасное место, взбежал на площадку, отдышался, склонился над перилами и заговорил:

— Ну вот. Посмотрим теперь, как ты будешь бунтовать. Сейчас я включаю ток, и...

— Включайте, сколько хотите, — возразил Ганка и направился к двери.

Губерман хрипло рассмеялся:

— Ошибаешься! Не уйдешь! Не выйдешь! — крикнул он. — Дверь закрыта на задвижку снаружи. Ганс закрыл ее. Ты в мышеловке. Можешь выпрыгнуть только в окно. Не хотел повиноваться добровольно — сама молния заставит тебя меня слушать!

Ганка дернул дверь, она была заперта. Он подбежал к окну. А Губерман замкнул ток.

Казалось, загудел, застонал сам воздух. Ганка невольно отступил от окна к нише, поглядывая на огромные шары-разрядники. Но шаровая молния родилась где-то в другом месте. Яркий свет за импульсным генератором возвестил о ее возникновении. Она родилась в пространстве между двумя дискообразными полупроводниками, оторвалась, как отрывается от трубки мыльный пузырь, и медленно поплыла к середине лаборатории.

— Прячься в нишу, если жизнь дорога! — скомандовал Губерман. — Поверни рубильник номер два!..

Ганке ничего не оставалось, как повиноваться. Он вошел в нишу и уже положил руку на рубильник, как вдруг дверь отворилась, и на пороге показалась девушка.

— Нора!.. — Над головой Ганки раздался протяжный крик. — Нора! Уходи сейчас же! Немедленно! И закрой за собой дверь! Я приказываю тебе, Нора!

Нора исполнила только одну часть приказа — закрыла за собой дверь, но не ушла из лаборатории. Она даже сделала два шага вперед. Яркий свет шаровой молнии придавал ее бледному лицу призрачный характер. Она была похожа на привидение. Протянула руку вперед.

— Не протягивай руку! Не двигайся! — истерически закричал Губерман. — Рубильник два! Рубильник три! — Это уже относилось к Ганке.

Иосиф повиновался. Но шаровая молния, вместо того чтобы уйти в окно, начала выписывать по лаборатории сложные петли, словно, выискивая жертву, ослепляющая, но слепая убийца. А Нора с жутким спокойствием стояла, не обращая внимания на молнию, и говорила:

— Не надо больше опытов. Не надо больше смертей. Иосиф, уходите скорее отсюда...

Огненный шар быстро поднялся к потолку и затем медленно начал снижаться, приближаясь к Норе...

— Третий... пятый рычаг... — Губерман дико вскрикнул и бросился вниз по лестнице...

* * *

Мориц Вельтман и Берта сидели за ужином. В лесу бушевала буря. Дождь барабанил по стеклам окон. Вспыхивала молния. Горное эхо играло раскатами грома. Возле двери лежала собака и шевелила ушами, медленно поворачивая голову из стороны в сторону.

— Что-то наш Серый беспокоится, — сказал лесник, поглядывая на собаку.

Мориц Вельтман поднялся из-за стола. Тотчас вскочил и Серый. Но в этот момент постучались в окно.

— Ну вот! Я же говорил! — Мориц открыл дверь. Шум ветра и дождя ворвался в избушку. — Кто там?

— Разрешите войти прохожему? — послышался голос из темноты.

— Доброму человеку в приюте никогда не отказываем. Заходите, — ответил Мориц.

Пригнув голову, в комнату вошел высокий худощавый молодой человек. На нем был промокший до нитки тирольский костюм, за плечами — походная сумка; усы и борода давно не бриты.

— Прошу к очагу обсушиться. Я сейчас подброшу дров, — гостеприимно пригласила гостя Берта, придвигая грубое деревянное кресло к очагу.

— Нет, нет, благодарю вас, я лучше посижу у порога, пока с меня стечет вода, — возразил путник.

— Что за церемонии, господин...

— Зовите меня просто Карл, — ответил молодой человек.

— Не надо стесняться, господин Карл, — продолжал Мориц. — Я дам вам свой костюм, а этот к утру высохнет.

Карл поблагодарил. Через несколько минут он уже во всем сухом сидел за столом и с аппетитом ужинал. Берта незаметно наблюдала за ним, не забывая угощать. Сколько ему может быть лет? Тридцать, не больше. Но меж бровей легли глубокие складки, лицо усталое, глаза грустные. Сердобольная Берта вздохнула: «И этому, видно, нелегко живется». Но ни она,

ни Мориц не спрашивали пришельца, откуда он, зачем пришел, терпеливо ожидая, что он сам что-нибудь расскажет о себе.

После ужина Карл сел в кресло у очага, потянулся с удовольствием уставшего человека, который наконец может отдохнуть, закурил затейливую фарфоровую трубочку и задремал.

Длинен и сложен был путь Карла, приведший его в избушку лесника.

Карл Фрей был молодым талантливым ученым-физиком. Работал он под руководством профессора Оскара Губермана, но был гораздо талантливее своего старого учителя. По мнению Губермана, его ученик Фрей был «молодым человеком с искоркой, но не без странностей». А странности Карла Фрея заключались в том, что он был «какой-то не от мира сего». Для самого Губермана наука служила лишь средством к достижению личных целей — известности, высоких окладов, хорошей карьеры. И когда у власти стали новые хозяева — фашисты, потребовавшие, чтобы наука служила им, Губерман охотно предоставил себя и свои знания в их распоряжение, вступил в нацистскую партию и быстро завоевал милость новых господ.

Фрей представлял в этом отношении полную противоположность Губерману. Он никогда не думал о себе. Не интересовался политикой. **Воображал, что достижения науки сами по**

себе могут обеспечить человечеству счастливую жизнь. Он серьезно был уверен, что, двигая науку, приближает золотой век на земле. Этими-то странностями он и завоевал, тоже мечтательное, сердце дочери своего учителя — Элеоноры, или, короче, Норы Губерман. С каким жаром и вдохновением он рассказывал ей о своих работах, мечтах, фантазиях! Самому себе он казался очень практичным человеком — он не мог понять, что другие считали практичным только того, кто личную пользу ставит на первое место.

— Подумайте, Нора, разве я не практичен? Сотни ученых, как и я, изучали и изучают космические лучи. Физическая природа этих лучей уже хорошо изведена. Но откуда именно они приходят и какова причина их возникновения — мы еще не знаем. А пока ученые бьются над разрешением этих загадок, имеющих чисто теоретический интерес, я подошел к космическим лучам совсем с другой, практической стороны. В этих лучах заключена огромная энергия. Из мировых пространств на земной шар беспрерывно льются целые ливни даровой энергии — миллионы лошадиных сил, на которые надо только суметь набросить узду. Возможно ли это? Да. Такой уздой могут быть свинцовые фильтры, которые, как вожжи, будут сдерживать космическую быстроту «космических коней», неприменимую в земных условиях. И мои расчеты

оправдываются. А какие необычайные перспективы откроет это, Нора! Вооруженные энергией космических лучей, люди станут титанами, для которых нет трудностей. Изобилие энергии даст изобилие всех земных благ, всего, что нужно человеку.

Молодые люди полюбили друг друга, и Оскар Губерман после некоторых колебаний дал согласие на их брак — через год после обручения.

Такая осторожность Губермана вызывалась тем, что положение жениха было неопределенно. В правительственных кругах были чрезвычайно недовольны отказом Фрея вступить в нацистскую партию. Его мечты о золотом веке считали бреднями, его самого — в лучшем случае идеалистом, мечтателем. Всего этого было вполне достаточно для того, чтобы погубить его карьеру, если и не жизнь. Но его работами по использованию энергии космических лучей заинтересовались некоторые военные специалисты, чего Фрей не подозревал. Не подозревал Фрей и того, что эти генералы, действующие через Губермана, решили его судьбу. Губерману было приказано всячески помогать Фрею в его работе, не считаясь ни с какими издержками, но по возможности не вводя в курс этих работ других сотрудников.

А когда задача получения энергии космических лучей Фреем будет разрешена, относитель-

но дальнейшей судьбы Фрея будет дано специальное распоряжение. Главное, чтобы сам Губерман принимал непосредственное и ближайшее участие в этих работах, знал их настолько, чтобы продолжать самостоятельно, без Фрея.

А Фрей радовался, когда для его работ неожиданно построили в безлюдной местности, в окрестностях города, лабораторию, отпустили средства на оборудование, быстро и тщательно выполняли любой его заказ на новую сложную аппаратуру.

Работа шла успешно. Аппарат для получения энергии космических лучей был создан. Губерман предложил Фрею сделать опыты конденсации этой энергии в виде шаровой молнии. Фрею неясна была цель такого опыта, но он не отказался от работы, однако все настойчивее расспрашивал своего учителя, какую практическую пользу можно извлечь из этих опытов. Губерману эти вопросы, видимо, очень не нравились. Он отвечал неопределенно.

И вот в этот момент наивысшего увлечения своей работой и мечтами о личном счастье Фрею пришлось упасть с неба светлых надежд в пропасть самых горьких разочарований.

Это произошло в душный летний вечер. Губерманы жили на даче. Кончив работу в лаборатории, Фрей по обыкновению поехал к Губерманам, к Норе.

Как свой человек в доме, он прошел быстро

через сад на веранду, где обычно его ожидала Нора. Девушки не было. Фрей хотел окликнуть ее и пройти в гостиную, как вдруг услышал голоса, доносившиеся через открытое окно из кабинета Губермана, причем говорившие часто упоминали его имя. Первые же слова, которые услышал Фрей, заставили его вздрогнуть.

— Что же делать с Фреем? — спросил Губерман.

Чей-то солидный бас спокойно ответил:

— Фрей нам больше не нужен, и его необходимо убрать.

Фрей окаменел, весь превратившись в слух. За несколько минут он узнал ужасные вещи. Его научные открытия, которыми он мечтал облагодетельствовать человечество, фашисты хотят применить для войны — убивать беззащитных женщин и детей. Они решили, что Фрей сделал свое дело, остальное dokonчит Губерман... Он узнал даже предполагаемый час его казни: его решили уничтожить взрывом в лаборатории в ближайшие дни от шести часов до шести часов тридцати минут вечера.

— В это время, — говорил неизвестный посетитель, — из лаборатории уходят даже уборщик и сторож, а Фрей частенько остается один, продолжая работу... Запомните хорошенько: и сами вы, по крайней мере за десять минут до шести, должны уходить из лаборатории...

Фрею показалось, что земля шатается под

ногами, а небо падает на землю. Потрясенный, он сошел с веранды и тихо побрел через сад. Ему удалось выйти незамеченным.

Фрей решил на другой день пойти в лабораторию, сделав вид, что он ничего не знает, но зорко наблюдать за всем. Наверно, они подложат «адскую машину». Когда он остался один, то тщательно обыскал всю лабораторию, но «адской машины» не нашел. Зато он подумал об очень важной предосторожности: в задней комнате лаборатории была небольшая дверь, выходящая в сад. Этой дверью никогда не пользовались, и она всегда была на запоре, причем ключ от нее был давно утерян. В первый же день после того, как Фрей узнал страшную новость, он сделал в мастерской ключ и незаметно открыл дверь. Дверь главного входа вела на широкую аллею, выходящую к автостраде, и была вся на виду. За этой же маленькой дверью сразу начинался густой сад.

В пять часов вечера уходили уборщик и сторож — он же швейцар, — и Фрей оставался один. За ним никто не следил. Без пяти минут шесть — не позже — он выходил из лаборатории через заднюю дверь, углублялся в самый конец сада, там ложился в небольшую траншею, которую сам выкопал, и с бьющимся сердцем следил за часами. Стрелки показывали шесть тридцать — опасность на сегодня миновала, — он поднимался, медленно шел в лабо-

раторию и через некоторое время уже в пальто и шляпе выходил через главный вход. Каждый день ему приходилось переживать напряженнейшие тридцать минут. Но на этом его пытки не кончались. Чтобы не вызвать подозрений, он должен был по-прежнему ходить к Губерманам, подавать руку предателю, встречаться с любимой девушкой, счастье которой разбивает ее отец... Фрею нужно было находить силы казаться веселым и радостным. Это было труднее всего. И это не всегда хорошо удавалось. Нора замечала, как лицо его внезапно становилось озабоченным. Она спрашивала его, что с ним. Он успокаивал ее как умел.

Так продолжаться долго не могло. Бывали минуты, когда Фрей думал, не покончить ли с собой. Все равно: он человек обреченный. Приходили в голову и другие мысли: не взорвать ли лабораторию самому со всеми установками и аппаратами? Но это было бы бесполезно. У Губермана были копии всех чертежей и расчетов. Нет, лучший выход все-таки заключается в том, чтобы «пережить собственную смерть», а что делать дальше — видно будет.

И этот решительный день, эта минута настала. В шесть часов двадцать две минуты вечера, когда Фрей лежал в своей траншее, земля дрогнула, послышался чудовищный взрыв, волна воздуха прокатилась по саду, ломая деревья, огненный столб, окруженный густыми

клубами дыма, поднялся к небу. Посыпались обломки. Все это продолжалось несколько секунд. Фрей поднялся, подбежал к стене, перелез через нее. За стеной начинался лес. Здесь можно скрыться, пока пройдет первый переполох, вызванный взрывом...

Что было дальше?.. К Фрею очень дружески относился старый Фриц, инвалид империалистической войны, сторож лаборатории. Он жил в маленьком домике на краю города с дочерью Анной. Поздно ночью Фрей постучался в домик Фрица и откровенно рассказал ему все, что произошло с ним.

В этом доме Фрей и прожил первые дни после взрыва. Не без удовольствия прочитал он в газете, которую с лукавой улыбкой принес ему Фриц, сообщение о своей смерти, последовавшей от взрыва. В заметке говорилось, что покойный молодой ученый, господин Фрей, стал жертвой неосторожности.

Итак, друзья Губермана и он сам уверены, что Фрей погиб. Ну что ж, в качестве покойника Фрею удобнее скрываться. Но как эту весть приняла Нора? Бедная девушка! Как хотелось Фрею утешить ее, дать ей знать, что он жив. Но к чему? Он все равно потерян для нее. Пусть уж она сразу переживет эту потерю... Фрей все же просил Фрица и Анну узнавать стороной, что происходит у Губерманов. **Невеселые дела! Нора заболела, узнав о гибели**

жениха. Отец утешал ее, сватал какого-то лейтенанта, но Нора ни о каких женихах и слушать не хотела.

Потом пришла весть о том, что Губерманы куда-то неожиданно уехали. Куда? Зачем? Фрей убедился, что через бедных, но преданных людей можно узнать гораздо больше и лучше, чем через дорогие сыскные агентства. Ведь без упаковщиков, грузчиков, шоферов не обойдешься, переселяясь в другое место! И Фрей скоро узнал, что Губерман переехал в глухое местечко Тироля, где продолжает опыты, начатые Фреем.

Но что же делать дальше самому Фрею? Помог ему Фриц. Старый солдат-инвалид, видевший ужасы империалистической войны, много беседовал с молодым человеком. Вспоминая пережитое, заглядывая в будущее, он говорил о том, сколько невероятных страданий, горя, смертей может принести новое орудие истребления — шаровая молния. И Фрей решил, что он разыщет Губермана, уничтожит машину, а быть может, и самого Губермана.

Простившись с Фрицем и собрав необходимые сведения, Фрей отправился на поиски Губермана. Так, после многих опасных приключений, появился Фрей в домике лесника Морица.

* * *

Фрей потянулся, разжег потухшую трубку и спросил Морица, не сможет ли он завтра утром проводить его к замку.

— Дорогу я и сам найду, — прибавил Фрей, — но мне может понадобиться ваша помощь.

— Я к вашим услугам, — ответил Мориц.

На другой день в одиннадцать часов утра, когда, по расчетам Фрея, в замке все уже были на ногах, а Губерман на работе в лаборатории, Фрей и Мориц подошли к башне. Им открыла Марта. Увидев Фрея, которого считала умершим, она громко вскрикнула, голова и руки ее затряслись.

— Не пугайтесь, добрая Марта, — сказал Фрей. — Я не привидение. Проводите меня скорее к профессору Губерману.

— К профессору!.. — воскликнула Марта, все еще трясая головой. И прибавила: — Среди бела дня... Покойник приходит к покойнику...

Марта продолжала стоять, кивая головой, как китайский болванчик, а Фрей с Морицем, обойдя ее, поднялись в верхний этаж и открыли дверь в лабораторию.

Посредине комнаты на полу, широко раскинув руки, лежал на спине Оскар Губерман. Его седые волосы разметались по каменным плитам. На виске виднелось темно-синее пятнышко величиной с вишню. Возле Губермана стоял на коленях Ганс. У окна сидела Нора и безучастно

смотрела перед собой широко открытыми глазами. Ганка, со стаканом в руке, уговаривал Нору выпить воды, но она не замечала его.

Увидав вошедших, Ганка бросился к Морицу и в двух словах рассказал, что произошло за несколько минут до их прихода.

Но главное понятно было и без слов: шаровая молния убила профессора Губермана. Фрей невольно вздохнул с облегчением. Губермана нет в живых, остается уничтожить аппарат. Если даже кое у кого и хранятся копии и чертежи, без Губермана нелегко будет сконструировать заново аппарат для получения энергии космических лучей. А что же делать с Норой? Фрей подошел к девушке, взял за руку, назвал по имени. Она не узнавала его.

— Когда молния ударила ее отца в лоб, фрейлейн Нора упала, — объяснял Ганка. — Я поднял ее, усадил на этот стул. Она вскоре открыла глаза, но сидит вот так все время — неподвижно, не говоря ни слова, будто в столбняке.

«Бедная девушка! — лихорадочно думал Фрей. — Она слишком потрясена. Но сознание, конечно, вернется к ней. Взять ее с собой? Совершенно невозможно. Фрей — нищий, беглец, вычеркнутый из списка живых. И если его восстановят в этом списке, то лишь для того, чтобы вычеркнуть вновь, и уже бесповоротно и окончательно. Не пощадят и Нору, если она

уйдет с ним. Нет, им надо расстаться. И может быть, даже лучше, что Нора сейчас находится в таком состоянии и не узнала его...»

Фрей еще раз посмотрел на изменившиеся черты лица любимой девушки, вздохнул и затем решительно поднялся по винтовой лестнице на чердак, где должна была находиться машина «космической энергии».

Через несколько минут все было кончено. Волшебные ворота, через которые непрерывным потоком проливалась энергия космических лучей, были разрушены, превращены в бесформенные обломки. Космос вновь стал далеким и недоступным. Изобретение, которое, по мнению Фрея, должно было принести человечеству новую счастливую эру, уничтожено.

Импульсный генератор и аппараты для создания шаровой молнии можно не разрушать. Такие вещи уже известны.

Проходя в последний раз мимо девушки, Фрей остановился. Хотелось сказать ей на прощание несколько слов, хотя она и не поняла бы его... Прости... Прощай...

И, простившись с Гансом и Мартой, Фрей, Мориц и Ганка вышли из Замка ведьм.

Мориц предложил зайти в его дом, чтобы подкрепиться едой. Кстати, Берта повидается с Ганкой. А потом... потом Фрей и Ганка уйдут пытаться счастья — может, удастся им вырваться из этого ада.

Историко-литературная справка

НИ ЖИЗНЬ, НИ СМЕРТЬ

Впервые в журнале «Всемирный следопыт» (1926. — № 5—6.) Первая книжная публикация — сборник «Борьба в эфире». Впоследствии не перепечатывался до включения в собрание сочинений 1963—1964 гг.

Анабиоз теплокровных — пока остается фантастикой.

Замораживание людей как последнее средство спасения от неизлечимой болезни — осуществлено.

Анабиоз живой рыбы для перевозки — осуществлено.

Революция в Англии на фоне экономического кризиса — идея, распространенная во время написания рассказа, но оказавшаяся фантастической.

Авиэтка с автоматическим управлением — делаются экспериментальные экземпляры.

Подвижные дороги в городе — развития не получили.

Новые способы добывания энергии — реализовано.

Замена машинами физического труда — реализуется.

Пассажирские дирижабли — реализовано, потом оставлено.

СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!

Впервые в журнале «Всемирный следопыт» (1928. — № 4). То же самое под названием «Электрический слуга» в журнале «Вокруг света» (Л. — 1928. — № 49). До включения в собрание сочинений 1963—1964 гг. в книгах не перепечатывался. Рассказ послужил основой для одной из киноновелл передачи «Этот фантастический мир».

Механические слуги — недавно реализовано.

Телеуправление домашним хозяйством — реализовано.

Настройка акустических датчиков на определенный тембр голоса — реализовано.

Человекообразные роботы — созданы прототипы, во времена Беляева это казалось более осуществимо.

МИСТЕР СМЕХ

Впервые — в журнале «Вокруг света» (Л. — 1937. — № 5). Впоследствии рассказ неоднократно перепечатывался, включался в собрания сочинений.

Технология получения музыки заданных эмоциональных свойств — ведутся опыты.

Механическое получение музыки — реализовано с помощью ЭВМ.

Социология смеха — осуществлено.

Технология смеха — ведутся опыты.

Смех как оружие — фантастика.

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

Впервые рассказ появился в журнале «Вокруг света» (Л. — 1929. — № 1—4, 7). Впоследствии многократно перепечатывался, включался в собрания сочинений.

Замедление скорости света — фантастика. Идея из класса широко используемых «что, если...», позволяющая проследить в данном случае физические последствия изменения одной из фундаментальных мировых констант.

Иная кривизна пространства — доказана теоретическая возможность.

НЕТЛЕННЫЙ МИР

Первоначально — в журнале «Знание - сила» (1930. — № 2). В книге выходит впервые.

Исчезновение бактерий — идея совершенно фантастическая, класса «что, если...».

Экологическая катастрофа — к сожалению, осуществимо.

Дезинфекция ультракороткими волнами — реализовано.

ВЦБИД

Первоначально — в журнале «Знание - сила» (1930. — № 6—7). В книге выходит впервые.

Искусственное дождевание — осуществлено.

Управление климатом — пока фантастика.

Искусственное рассеивание туч и туманов — осуществлено.

ШТОРМ

Первоначально — в журнале «Революция и природа» (1931. — № 3—5). В книге публикуется впервые.

Использование энергии ветра — осуществлено.

Гидростанции на Волге, Ангаре и Енисее — реализовано.

Ветроэлектростанция на воздушном змее — есть проекты..

Гидроаккумулятор — осуществлено.

Война с Румынией и Польшей — осталось фантастикой.

ЗЕМЛЯ ГОРИТ

Повесть первоначально опубликована в журнале «Вокруг света» (Л. — 1931. — № 30—36). В книге выходит впервые.

Гидростанция на Волге как средство мелиорации засушливых земель — осуществлено.

Понижение уровня Каспийского моря — осуществимо.

Ледяная плотина — осуществлялось, хотя из-за чрезмерной сложности технологии распространения не получило.

Заводы по переработке сельхозсырья в колхозах — до конца не осуществлено.

Агрогорода — осуществлено.

Сельхозавиация — осуществлено.

Кабели электропередач — осуществлено, но распространения не получило.

Электротракторы — осуществлено.

Электроподогрев земли — не осуществлено по экономическим причинам.

Ионизация воздуха — осуществлено.

Электрическая дойка — осуществлено.

Биологическая борьба с вредителями — осуществлено.

Добыча нефти со дна моря — реализовано.

Плавучие буровые — реализовано.

Радиотеатр — реализовано в виде проекционных телевизоров.

Пенотушение пожаров — реализовано.

Москва — порт — реализовано.

Плотина на реке Урал — не осуществлено.

ЗАМОК ВЕДЬМ

Повесть первоначально опубликована в журнале «Молодой колхозник» (1939. — № 5—7). Перепечатана в журнале «Юный техник» в 1984 году к 100-летию писателя (№ 1—3). Первое книжное издание. — Беляев А. Остров погибших кораблей. Красноярск, 1986.

Искусственная управляемая шаровая молния — пока фантастика.

Использование энергии космических лучей — фантастическая идея.

В девяти повестях и рассказах книги содержится приблизительно 52 научно-фантастические на момент публикации идеи. Из них к настоящему времени хотя бы до стадии экспериментальных образцов осуществлено 42 идеи. Отброшено или остаются фантастическими 10 идей.

А. П. Лукашин

СОДЕРЖАНИЕ

НИ ЖИЗНЬ, НИ СМЕРТЬ	5
СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!!!	67
МИСТЕР СМЕХ	101
СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ	141
НЕТЛЕННЫЙ МИР	245
ВЦБИД	263
ШТОРМ	303
ЗЕМЛЯ ГОРИТ	329
ЗАМОК ВЕДЬМ	443
Историко-литературная справка	489

Литературно-художественное издание

**Александр Романович
Беляев**

ЗАМОК ВЕДЬМ

**Повести
и рассказы**

Художник **В. В. Сушинцев**
Редактор **А. П. Лукашин**
Младший редактор **Л. А. Рубцова**
Художественный редактор **С. П. Можаяева**
Технический редактор **В. И. Чувашов**
Корректор **Л. К. Крамаренко**

ИБ № 2095

Сдано в набор 03.06.91. Подписано в печать 18.12.91. Формат 84×108¹/₆₄. Бум. газетн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,02. Усл. кр.-отт. 13,23. Уч.-изд. л. 15,115. Тираж 200 000 экз. Заказ № 278. Отпускная цена издательства 5 р.

Издательство «Пермская книга». 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. МП «Книга». 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Б 43 Беляев А. Р.

Замок ведьм. — Пермь: Пермская книга,
1992. — 493 с.

ISBN 5-7625-0275-9

Сборник повестей и рассказов классика советской научно-фантастической литературы А. Р. Беляева (1884—1941) включает как широко известные произведения писателя («Светопреставление», «Мистер Смех» и др.), так и малоизвестные («Земля горит» и др.). Сборник продолжает цикл, начатый в 1987 году книгой «Звезда КЭЦ».

Б 4702010201—6 21—92
 M152(03)—92

ББК 84.4Р7—4

А. БЕЛЯЕВ

ЗАМОК ВЕДЬМ

